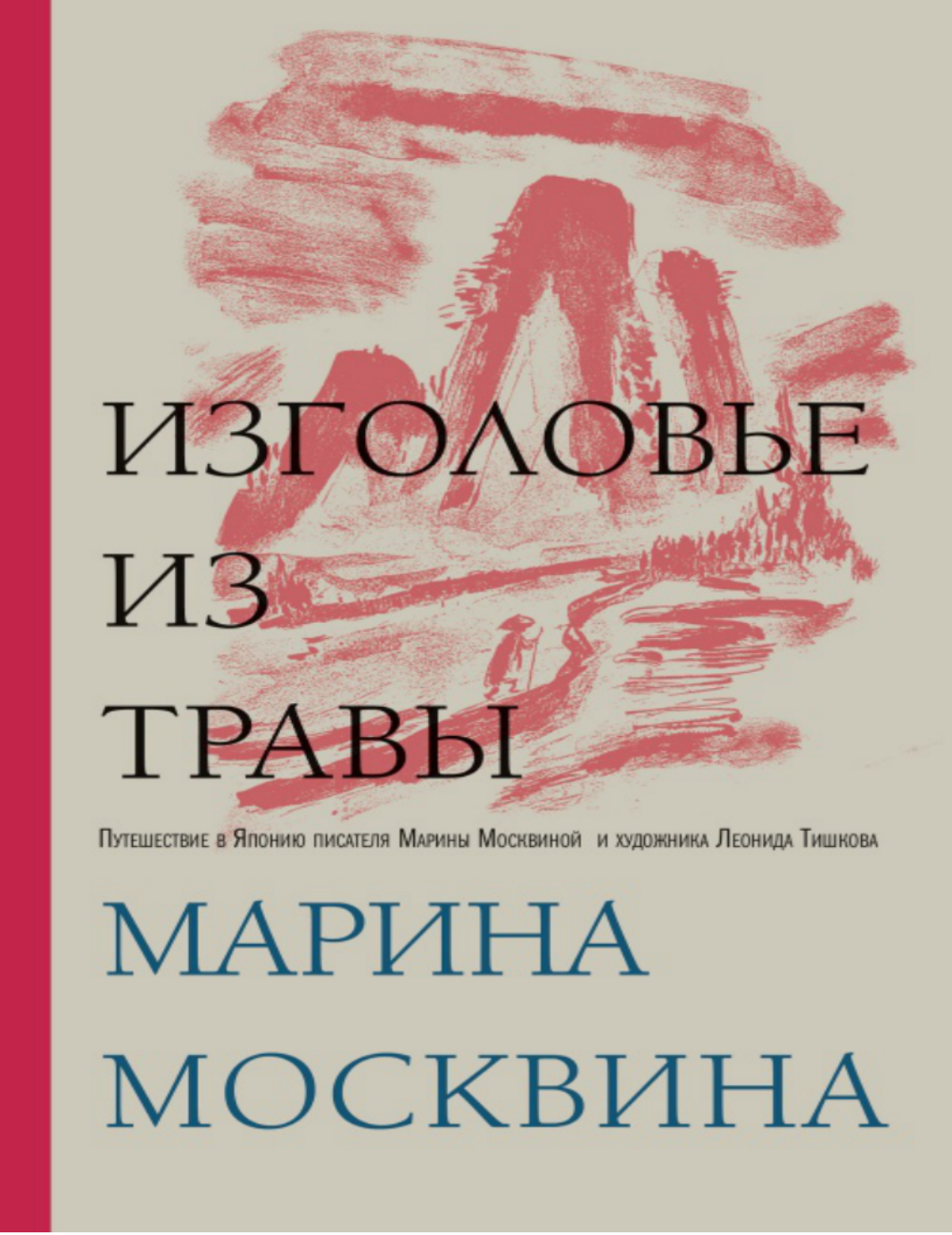


ИЗГОЛОВЬЕ ИЗ ТРАВЫ

Путешествие в Японию писателя Марины Москвиной и художника Леонида Тишкова

МАРИНА МОСКВИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

До сих пор Япония для нас – это страна, лежащая за пределами наших представлений о мире, за гранью действительности, обитель сновидений. Писатель Марина Москвина и художник Леонид Тишков побывали в Токио, Киото, Наре, прошли по тропинкам поэта Басё, медитировали в монастырях, поднялись на Фудзи – так родилась эта головокружительная книга, где сквозь современность просвечивает образ древней Японии, таинственной земли, по которой бродят тени дзенских Учителей, где звучат и поныне голоса мастеров японской поэзии, бросивших вызов не только поэзии о любви, но и самой любви…

- Марина Москвина
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14
  - ○ Глава 15
  - ○ Глава 16
  - ○ Глава 17
  - ○ Глава 18
  - ○ Глава 19
  - ○ Глава 20
  - ○ Глава 21
  - ○ Глава 22
  - ○ Глава 23
  - ○ Глава 24
  - ○ Глава 25
  - ○ Глава 26

- Глава 27
- Эпилог
- Послесловие

Марина Москвина
Изголовье из травы

Художественное оформление серии А. Дурасова
В оформлении используется иллюстрация Леонида Тишкова

© Москвина М., текст, 2020
© Тишков Л., иллюстрации в тексте, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

«Изголовье из травы»
по-японски означает
«путешествие»

Глава 1
Дорога в Токио

Вначале было слово, и слово это было *Япония.* (О Господи, помоги написать вторую фразу, ибо первая мне просто-напросто приснилась). Я проснулась от этих слов и увидела, что плыву над ночными холмами в черном небе среди знакомых созвездий, но расположенных под иным, непривычным углом, и вспомнила, что я в Японии. Полночным автобусом еду в Токио из древней японской столицы Нара.

Хотя мне всегда казалось, что это полностью нереальная страна, из моей детской книги сказок с корявой черной веткой, усыпанной белыми цветами, нарисованной на картонной коричневой обложке.

Там есть история, как у одной семьи не было детей. В один прекрасный день, работая в огороде, они услышали голос: «Я ваш сын. А вы мои мать с отцом. Отнесите меня домой, положите в кровать, окружите заботой, жизнь ваша наладится, мечты исполнятся, и все будет – лучше не придумаешь». Смотрят, а это – тыква на грядке. Они стали ее всячески лелеять, радоваться, что небо послало им такое сокровище, но только не понимали, как их родной сынок, когда вырастет, будет баюкать их одинокую старость?

Однажды он им велел пойти к императору и смело сватать за него императорскую дочку. Те: «Как? Ты простая тыква! Тем более, из совсем не знатной и неимущей семьи!» Он настаивал. Они, бедолаги, пошли. Кончилось все благополучно.

Не уступая обывательскому сознанию, он не стал суетиться и превращаться из тыквы в принца. Дочка императора влюбилась в него прямо так. Они поженились.

Естественно, в конце концов, он стал японским императором на радость своим уже совершенно ополоумевшим от этих событий родителям.

Да, это была страна, лежащая за пределами наших представлений о мире, за гранью действительности, обитель сновидений. Лишь только раз в жизни я приблизилась к ней территориально – в студенческие годы меня взяли на работу поваром в геологическую экспедицию в Хабаровский край. Мы жили на краю Земли в глухой таежной деревне, затерявшейся среди сопок, три дома, две семьи, один магазин, где продавали все – от водки до трусов, причем многие товары там были японские. Кажется, мы выменивали их диковинные одежды и

предметы быта на леса Дальнего Востока, Сибири и Урала.

До сих пор я храню волшебный набор, подаренный мне бородатыми геологами на совершеннолетие: изготовленные в Японии из перламутровой пластмассы расческа, щетка и зеркало с розовой пластмассовой ручкой.

Соседка тетя Зоя расхаживала по двору в японской мохеровой кофте, кормила в таком виде кур, поросят, доила корову. Муж тети Зои, дядька Матвей, сидел вечерами на крыльце, курил беломорину, любовался закатом – в широких самурайских штанах.

Вообще, в тех краях вовсю веяло Японией, хотя между нами и ею пролегали озера, бескрайняя тайга, цветущие сопки, Приморский край, горы Сихотэ-Алинь, Татарский пролив и, конечно, пролив Лаперуза.

Недосягаемая, в любом случае – недосягаемая!.. Я в этом окончательно убедилась, когда много лет спустя, уже корреспондентом радио, приехала в Центр управления полетами – взять интервью у космонавтов Сереброва и Викторенко.

На циклопическом экране по гигантской карте мира плыл яркий светлячок – космический корабль. Он миновал Южную Америку, прошел Атлантический океан, коснулся европейского континента и… бип! бип! Центр управления полетами ожил. Космонавты Серебров и Викторенко прибыли в зону радиовидимости. Оператор, который вел связь, окликнул космонавтов:

– «Витязи»! Как слышите? Как чувствуете себя? Какое давление?

– Хорошо слышим! Хорошее давление, праздничное! (Было Первое Мая).

Меня представили космонавтам. Я задаю свои вопросы. Напоследок спрашиваю, не встречались ли им во время полета неопознанные летающие объекты.

– Хоть бы кто-нибудь, – отвечают Сан Саныч и Сан Степаныч, – мимо пролетел. Мы уж не мечтаем, чтобы вошел, следы оставил. Они все куда-то ездят в хорошие места на Земле… Да, кстати! – спохватываются «Витязи». – *А как там с поездкой в Японию??? Визы достали???* – серьезно так спрашивает космонавт Викторенко.

Ответить им не успели. Космический корабль уже летел над Тихим океаном. Среди бело-голубых, желтых, красных звезд бороздили просторы Вселенной «Витязи», и вся наша Галактика простиралась перед ними.

Но чего-то им все же не хватало.

Как выяснилось, это была Япония.

Глава 2
«Тишков плюс один»

Не зря так волновались «Витязи» о визе в Японию. Достать ее чрезвычайно трудно.

Уже у нас с Лёней почти лежали в кармане билеты, благородно предоставленные «Аэрофлотом» журналу «Вояж», лишь оставалось назвать число, и оно готово было в любую минуту сорваться с губ – 25 апреля, начало цветения сакуры!..

Но этот план кренился и стонал в связи с неторопливой вдумчивостью, обстоятельностью и подозрительностью японского представительства.

Во-первых, в японском консульстве все сообщения для нашего народа висят на стенках исключительно на японском языке. Поэтому как-то не сразу нам стало ясно, что «приглашение» здесь принимают только на японском. Нашей подружке из американского посольства в Токио пришлось немало попотеть, чтобы, в конце концов, методом проб и ошибок, прислать нам приемлемый японский вариант.

Нести документы ни в коем случае не следовало в обеденный перерыв или в какой-нибудь общенациональный праздник. (Особенно, не приведи бог, в день рождения японского императора. Хорошо, что он появился на свет зимой.)

– Когда вы отправитесь сдавать документы, – советовал мужу моему Лёне знаток непостижимого японского характера Евгений Кручино из Общества дружбы России с Японией, – идти лучше мужчине, они как-то к женщине относятся без благоговения. Вступая в разговор, старайтесь там ни с кем не встретиться взглядом, японцы избегают смотреть в глаза, им это кажется агрессивным.

– Куда ж мне ему смотреть? – простодушно спрашивал Лёня.

– Глядите на подбородок! – терпеливо отвечал Евгений Кручино. – И не вздумайте жестикулировать! Все наши жесты у них считаются неприличными. Например, поднятый большой палец у русского значит «хорошо», а у японца это означает «возбужденный мужчина»…

– Близко к японцу лучше не подходить, они даже от своих стараются держаться подальше, – продолжал он. – Их много, а места в Японии мало, они ценят простор. О том, чтобы хлопать японца дружески по плечу, вообще не может быть и речи, у него это вызовет только омерзение. Сколько раз я об этом предупреждал, не счесть! – вздыхал Евгений Николаевич. – Нет!

Все аккуратно наступают на те же грабли: хлопают японца по плечу, тормошат, прижимают к сердцу… На праздничные презентации являются в черных галстуках – а японцы на похороны черные галстуки надевают…

– Но даже если вы все сделаете правильно, – печально добавил он, – то в любом случае попадете в неудобное положение, потому что у нас – пятки вместе, носки врозь, а у них наоборот. Просто положитесь на судьбу и сдавайте свои документы. Их отправят в Токио, там будут под микроскопом исследовать в Министерстве иностранных дел, пройдет немало времени, пока они решат, впускать вас с Мариной в Японию или не впускать. *И если один раз откажут, не впустят уже никогда*.

– Причем крайне редко японец вам скажет «да» или «нет». Скорее он произнесет нараспев: «ма» или «ма-ма», что в переводе означает: «Ну-у, как бы это сказать…», «Пожалуй, что да…» или: «Более или менее…» Мудрый ястреб прячет свои когти, – подвел итог Евгений Кручино. – А Япония – это кочерга в вате. Даже если вам и дадут визу, то с такой важностью и не скоро, что вряд ли вы застанете цветение сакуры.

Лёня встал, пожал ему руку и отправился в японское консульство.

Вернулся он оттуда встревоженный.

– Кажется, я совершил роковую ошибку, – сказал он. – В графе «место работы» я просто указал, что я художник, а ты писатель. Наверняка, это вызовет у них подозрение. В Японии все люди где-то служат. Даже если ты простой сочинитель японских трехстиший хайкай, ты ходишь на работу, у тебя есть начальник, заведующие отделами, куча сослуживцев, профсоюз и четкое разделение труда… Один про зиму сидит пишет свои три строчки полный десятичасовой рабочий день, другой про осенние хризантемы, третий воспевает цветущую сакуру… Может, даже у них конвейер: один одну строчку сочиняет, другой другую, третий – третью! Боюсь, что «свободный художник» в их представлении – какой-то праздный, бесхозный бродяга, а впустить в страну две такие сомнительные личности – да это просто посеять смуту среди населения.

– А мне всегда казалось, – говорю, – что там, в Японии, каждый второй художник, каждый третий – каллиграф, святой отшельник, мастер дзэн, постигший в самом себе сокровенную природу Будды, и буквально каждый без исключения – великий поэт…

– Ну-ну, – сказал недоверчиво Лёня.

И пока наши документы находились во взвешенном состоянии, мы с трепетом ловили в Интернете все новости из

Японии о весеннем цветении сакуры. Оказывается, начав цвести в конце апреля, сакура волной расцветает по всей Японии с юга на север, и каждый день по радио сообщают, где расцвела сегодня сакура и где уже отцвела. Короче, она везде уже отцвела, когда нам сказали:

– *ТИШКОВ ПЛЮС ОДИН*? Приходите, есть виза.

– Что значит «Тишков плюс один»? – удивленно говорю я.

– Скажи спасибо, что не «Тишков минус два»! – заметил философски наш сын Серёня.

Рушились привычные декорации, путь, по которому легко было идти день за днем, заметала пурга, все предвещало чудеса, а мой муж Лёня, вернувшись домой с билетами и визами, принес под мышкой «Книгу самурая».

– Вдруг я на узкой тропинке встречу самурая? – сказал он с опаской. – Я должен знать, что делать: смотреть в глаза и выхватывать меч, или смотреть на подбородок и отойти в сторонку?..

日本国大使館・総領事館
(EMBASSY/CONSULATE-GENERAL OF JAPAN)
領　収　証
(RECEIPT)
下記のとおり領収しました。
(DATE) 16 Comp. 19
番号 464 (No.)
RECEIVED FROM MR. Mrs. Miss Тишков Л.А.+1
(氏　名)
THE SUM OF 520 руб
(金　額)
FOR THE TELEGRAM CHARGE
片　道 ONE WAY
往　復 BOTH WAYS
査　証 (VISA)
旅　券 (PASSPORT)
No. 14
No. 14

Глава 3
«Мне нет прощения!»

В Японию десять часов лету, я за время пути связала полсвитера. Мы летим и по русско-японскому разговорнику пытаемся изучить ключевые японские фразы.

– «Мне хотелось бы одеяло!» – читает Лёня жалостливым голосом. – «Я хочу есть». «Я не хочу идти с вами!» «Не мог бы кто-то понести мой багаж?» «Я потерял кошелек!» «У меня украли сумку!!!» «Я плохо себя чувствую». «У меня болит желудок». «Воды!» «Вызовите врача!» «…А медсестры красивые?»

– Это мы не запомним, – говорю. – Лучше бросить все силы на то, чтобы выучить два слова: «спасибо» и «извините», будем все время их повторять, к месту и не к месту.

Мы даже так решили: он выучит «спасибо», а я – «извините». Этого достаточно. Ну, уж на крайний случай, если удастся, разучим сложнейший оборот, фигуру высшего пилотажа, почти сократовское: «*Я совсем ничего не понимаю*».

Говорят, японцы умопомрачительно вежливы, но не из-за какого-то слишком уважительного отношения к окружающим. Я читала разные книжки перед отъездом, и там написано, что сквозь современную японскую вежливость явственно проступают черты древней феодальной дисциплины, насажденной в народе острием меча. Вот так, например, была изложена статья «Основного правила этикета дома Тогукава Иэясу», феодала, о котором официальная история вспоминает, как об «умном, благородном, душевном, понимающим свой народ, предельно вежливом и обаятельном властелине страны» (всего там сто статей, эта, сорок пятая, называется просто «Разрешение разрубить и разбросать»):

«Простые люди, ведущие себя недостойно по отношению к представителям военного класса или обнаружившие неуважение к ним, могут быть зарублены на месте».

Еще совсем недавно, если младший ехал на велосипеде и встречал старшего, он должен был слезть с велосипеда и поклониться. А если младший шел в пальто, он должен был снять пальто! И тоже поклониться.

Сейчас, конечно, делаются различные уступки и послабления, но не слишком.

Поэтому слово «простите» – «сумимасэн» – (оно переводится как «мне нет прощения!») – в Японии употребляют на каждом шагу. Иногда оно даже заменяет простое приветствие, вроде:

«Простите, что я есть!» А последнее время его стали использовать вместо «спасибо», ведь люди побеспокоились о вас, и вы очень сожалеете и жутко признательны. «Сумимасэн» – на все случаи жизни, японцы слышат его по сто раз на дню, так что истинное его значение почти стерлось. И когда речь идет о реальном неудобстве, требующем серьезных извинений, то всплывает совсем другое выражение, в три раза более уничижительное: «Я просто не могу подобрать слов, чтобы выразить свое сожаление…» и так далее, и тому подобное.

Покупатель, зайдя в совершенно пустую булочную, тоже приветливо крикнет «Сумимасэн!», словно извиняясь за возмутительный поступок. Хотя на самом деле он хочет яростно прорычать: «Эй, есть тут кто-нибудь живой?! Черт вас всех побери!!!»

Кстати, существенное обстоятельство в Японии – об этом честно предупреждает справочник: частенько японцы думают одно, а говорят совсем другое. Лишь говорящий знает, да, может, его собеседник ухватывает смысл. Остальные всё слышат, но не берут в толк, о чем идет речь.

Это древнее искусство имеет свое название «харагэй». Его многовековому процветанию помогает сам строй японского языка – там одни и те же слова во фразе можно понять и так и эдак. Харагэй – чисто японский способ вести беседу, в которой ты улавливаешь (или благополучно упускаешь) скрытую, потаенную суть.

Короче, когда наш самолет приземлился в японском аэропорту Нарито, мы с Лёней были во всеоружии.

Мы вышли на улицу – накрапывал дождь, и сразу запахло рыбой, морем, водорослями… Вокруг были только японцы, одни японцы, больше никого! Мы сели в автобус, и аккуратный шофер в ослепительно белых перчатках («А я думал, это профессор социологии!» – сказал мне Лёня) повез нас в Токио.

В огромное лобовое стекло сквозь завесу дождя на меня наплывал этот странный, жутковатый город, как гигантский конструктор «Lego», временами обрываясь в золотистые холмы и озера, в тусклой дымке тумана вдруг вспыхнул бордовый многоярусный клен. А я то засыпала, то просыпалась, помню стойкое ощущение сновидения – и во сне, и наяву. Похожее чувство в девятнадцатом веке испытал писатель Иван Гончаров, вплывая на фрегате «Паллада» в бухту Нагасаки:

«Что это такое? – воскликнул Иван Александрович. – Декорации или действительность?!!»

В центре Токио нас встретила наша американская подружка – кореянка Ин Ми, отвела домой, накормила и сразу уложила

спать. Лёня заметил в коридоре свою картину, которую он подарил ей в Москве.

– А почему моя картина висит в коридоре, а не в изголовье над кроватью? – спросил он, засыпая.

– Здесь нельзя ничего вешать над кроватью, – ответила Ин-Ми, – здесь почти каждый день землетрясение.

Это были последние слова, которые я услышала в тот нескончаемый день.

Колодец мудрости Дзен

Глава 4
«Очки для вашей собаки»

Проснулись от хриплого демонического смеха – кто-то за окном издавал такие звуки:

– А-АХХ – ХХА-А – ХХА-А – ХА-А!..

На балконе здоровый черный ворон крепким костяным клювом опрокидывал горшки с цветами, заботливо посаженными Ин Ми, учинял форменный погром.

Черный ворон – бич Токио. Крупные иссиня-черные вороны чувствуют себя тут полноправными хозяевами. Особенно с утра в понедельник, пока за работу не принялись уборщики, ворон со знанием дела потрошит помойки, вскрывает мусорные пакеты, ищет легкой наживы. Японцы их уважают и побаиваются.

Ин Ми уже не было дома, американское посольство переживало нелегкие дни: у Соединенных Штатов произошло какое-то недоразумение с японской подводной лодкой, надо было его улаживать.

И мы пошли одни, куда глаза глядят, по улицам, не имеющим названия, мимо домов безо всякой нумерации. А если дома и пронумерованы, то – как бог на душу положит. Вроде бы все логично: здание, которое возведено первым, – дом «один», вторым – «два». Неважно, что между этими двумя втиснули еще пять громадных башен. Такая неразбериха!

Приглашая к себе домой, токийцы посылают гостю факсом схему проезда или целиком полагаются на навигационную систему в его автомобиле, которая через космические спутники дружески инструктирует, как лучше двигаться по маршруту: «Сворачивай направо у ресторана “Рыба фугу”, минуешь три светофора, сверни налево, за парикмахерской въедешь в узкий проулок – и дуй вперед, пока не увидишь с правой стороны табачную лавочку…»

К тому же синтетически высоким голосом «навигатор» предупреждает о неполадках в автомобиле. Будь то падение уровня тормозной жидкости или перегрев двигателя, синтезатор тебе об этом крутит шарманку до тех пор, пока ты не примешь меры. А если у тебя в автомобиле наигрывает музыка, система автоматически «вырубит» ее, чтобы водитель внял предупреждению.

По автострадам сплошным потоком мчались роскошные японские машины.

Скоростные автомагистрали в Токио и подземные лабиринты

улиц превратили город в трехэтажный. Отменен закон, ограничивающий высоту домов. Никакого чувства меры в этом смысле – по-моему, рестораны на крышах токийских небоскребов вращаются вокруг своей оси уже в стратосфере.

А так – все цветет: розы, рододендроны, азалии. Прямо Анапа!

– Ну, что? – сказал Лёня, деловито листая справочник. – Куда пойдем? Есть разные варианты: музей сумок, чемоданов и сейфов, собранных в Японии за последние двести лет. Или музей велосипедов. Там есть велосипед, на котором в детстве катался император! Музей зажигалок, музей очков – это, видимо, частные коллекции. Три поколения в одной семье собирали различные приспособления, чтобы лучше видеть! Есть очки, сделанные в Китае из кристалла около трехсот лет назад. Первые очки, завезенные в Японию в 1500-м году каким-то иезуитом. Наверняка там хранится пенсне Чехова. Я их знаю, японцев, они все скупают для своих музеев по всему миру. Короче, шесть тысяч очков! Плюс огромная статуя – гигантские очки. А также посетители, если их интересует, могут подписаться на толстый глянцевый журнал «Очки для вашей собаки».

– Всемирно знаменитый музей фейерверков! – продолжал Лёня. – Музей пустынь, где хранятся образцы песка из всех пустынь, расположенные на карте мира! Этот музей славится специальным аппаратом, который наглядно демонстрирует механизм образования песчаных дюн и барханов. Далее! Зоопарк.

Там создан «уголок предсказателей землетрясений». По их поведению можно судить о приближении стихийного бедствия. Это у них эксперимент. Но он не оправдался. Рыбы, вороны, фазаны и зайцы, живущие в комфорте и безопасности, напрочь прекратили реагировать на землетрясения, считают, что им в клетках и в бассейнах ничего не угрожает. О! Стрекозиный заповедник! Тут нам предлагают полюбоваться на двести разновидностей стрекоз, обитающих в Японии, и на добрую тысячу их «родственниц» – из разных уголков земного шара.

– Теперь. Прославленный на целый мир музей водопроводов! Музей прачечных, который каждый год посещают две с половиной тысячи людей!.. А нет у них, интересно, – задумчиво произносит он, – музея сухих супов? Ведь, как известно, именно Япония – родина быстросупа.

Здесь должен быть представлен первый супчик и первая, на скорую руку разваривающаяся лапша!

– Нет, – говорю я, забирая у него справочник, – зато есть музей паразитологии. Там выставлены червяки, обнаруженные у гурманов, которые слишком уж увлекались «суши».

– Какой кошмар! – закричал Лёня. – Зачем ты мне это читаешь?! А я-то их: раз! Раз! Хотя такая мысль сразу зародилась…

К чести японцев надо сказать, что за все время нашего путешествия у нас ни разу не заболели животы. Что мы только не ели, какими нас ни угощали экзотическими яствами – очень хорошее было самочувствие. А этот музей, я так понимаю, демонстрировал экспонаты давно минувших дней.

Недаром в том же справочнике торжественно декларировали: «Это будет страшное несчастье, если кто-нибудь заболеет в Японии от еды или питья! Никакой такой гадости, которую запросто можно заполучить в любой из стран Азии, здесь нет и не может быть, так как еда в Японии – высочайшего стандарта, а воду повсюду в нашей стране вы можете пить абсолютно бесстрашно!»

Японцы ведь чистюли. У них такая чистота везде. Я видела, утром перед продуктовым магазином японец в расцвете лет мыл тряпкой тротуар, и пылесосом чистили полы на вокзале. Видела, как водители сдувают пылинки с сияющих автомобилей. Мы чуть только тронули рекламный проспект на автобусной остановке, мигом подскочил незримый наблюдатель за порядком и поправил уголок.

Говорят, в последнее время одержимость гигиеной превратилась у японцев во всенародную маниакальную страсть. Страну буквально захлестнула волна антибактериальных товаров: кухонные ножи и разделочные доски, полотенца, простыни, шторы, игрушки, носки, шариковые ручки, унитазы…

Компьютерная мышь может быть рассадником заразы, если она сделана не из антисептического материала, так что не стоит необдуманно хвататься за нее голыми руками. Сначала заверните ее в антибактериальный платок! Вставьте антибактериальную карточку в банкомат, и получите стерилизованную пачку банкнот. Офисные телефоны опрыскивают антибактериальным спреем…

Японцы и сами все время моются, аж прямо поскрипывают от чистоты. Естественно, они себя считают самой чистоплотной нацией на Земле. В девять вечера вся Япония у себя дома погружается в сидячую ванну «фуро». И пару раз в неделю – с друзьями в баню! Пятьдесят миллионов человек ежедневно посещают общественные бани. Это половина населения страны!

Нам рассказывали японцы, когда мы с ними поближе познакомились, что они до того привыкли все время смачивать кожу, что вообще уже не выдерживают сухости, такие стали влаголюбивые, как саламандры. Отдыхать они едут в еще более влажные страны, вроде Индонезии. Но когда они выезжают, то

часто болеют. Из-за постоянного обеззараживания у них ослабел иммунитет.

Лёня им все время говорил, пока мы там путешествовали:

– Хватит мыться! Вы сначала испачкайтесь, а тогда мойтесь. Кожа сама себя должна защищать. Она выделяет антибактериальный состав. Зачем вы понижаете ее естественные защитные функции?..

Но апофеозом японской неизбывной чистоты было вот что. Однажды я встретила паренька в ослепительно белых штанах, белой курточке и шапочке. Костюм и шапочка были заляпаны грязью. Где он отыскал грязь? Да еще такую выразительную! Как будто шагал по бездорожью, на дороге рытвины, слякоть, лужи, как у нас тогда было в Хабаровском крае, и промчавшийся мимо КамАЗ окатил бедолагу с ног до головы…

Я подошла поближе и остолбенела. Это был искусный *рисунок на ткани*!

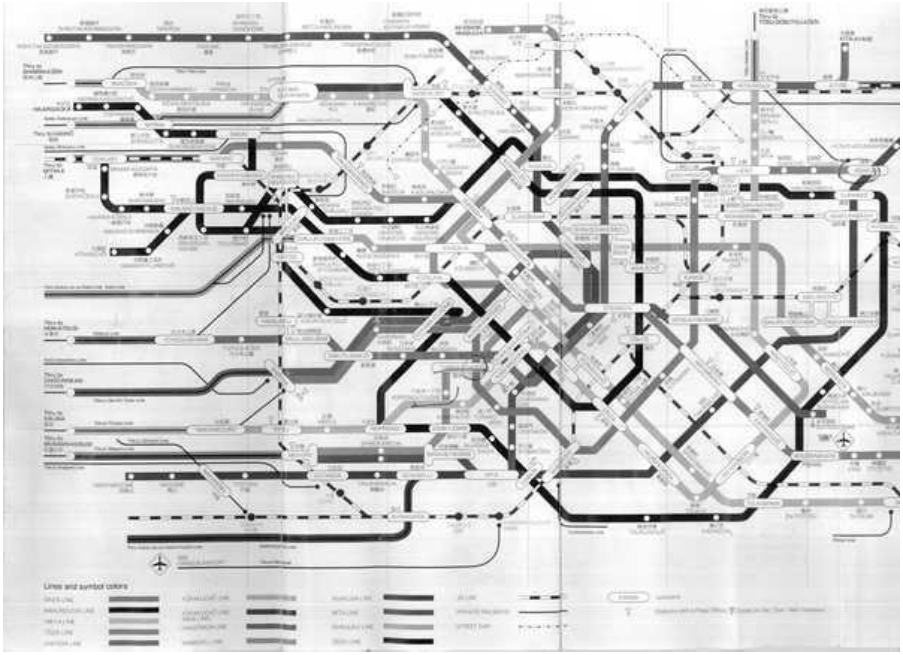
Глава 5
Отдельный вагон для женщины

Шум в Токио – невообразимый. Мы заметались в поисках зелени и тишины, и отправились в Уено-парк на метро, где Лёню ожидало первое потрясение в смысле страшной японской дороговизны: вход в метро, если едешь не слишком далеко, стоит полтора доллара!

Причем, невозможно сообразить, как выудить билет из сложнейшего компьютерного механизма. Минут сорок пять Лёня стоял и внимательно изучал, как это делают *другие* японцы.

В метро переплетается множество разноцветных линий. Есть государственные линии, есть частные. Перебираясь с одной на другую, приходится доплачивать. И тут же, почти параллельно, едут пригородные электрички, неотличимые от поездов метро – с мягкими бархатными сидениями, как в консерватории.

Нет, все не так страшно, повсюду развешены схемы и указатели. Они начертаны на трех языках – любой выбирай: японский, корейский или китайский. Редко увидишь схему с указателем на английском. Поэтому Лёня постепенно навострился сравнивать рисунок иероглифов. Иероглиф там – иероглиф здесь. Главное, хорошо усвоить два иероглифа «выход». Они изображают человечка и квадрат. Но все равно мы путались, выходили не там, вечно ехали не в ту сторону, платили по нескольку раз за одно и то же. Нам даже деньги возвращали, настолько у нас был безнадежно потерянный вид.



Правильно мне папа говорит: надо было в детстве сидеть, света божьего не видеть, учить иностранные языки. Тогда нигде не пропадешь, куда бы ни забросила тебя судьба. И он всю юность заставлял меня учиться игре на фортепиано. «По крайней мере, – он говорил, – у тебя будет в жизни твердый кусок хлеба».

Стройными рядами в черных костюмах, белых рубашках и галстуках, в очень дорогих ботинках, с дипломатами, ехали на работу японские служащие. Прямо голова шла кругом, до того они все были одинаковые. И такие у них серьезные, непроницаемые лица! Нет, конечно, такой задушевности, чтобы кто-то вез в сумке кота. Только если чучело…

– Надо же, – удивлялся Лёня. – Им армию запретили, так они ходят в форме на «гражданке»!.. Какие солдаты пропадают!..

После второй мировой войны одно из условий японской капитуляции было – ликвидировать армию. Уж очень у них воевали хорошие солдаты – верх дисциплины. Их с детства учили беспрекословно слушаться старших и равнодушно относиться к смерти. Японские пилоты пикировали на своих самолетах, загруженных взрывчаткой, на вражеские корабли. Они называли себя «камикадзе», или «божественный ветер», в честь урагана, который *дважды* разметал монгольский флот хана Хубилая, мечтавшего завоевать Японию. И это несмотря на то, что монголы оба раза выбирали для своего нападения время, когда тайфунов просто не бывает!

И в плен японцы сами не сдавались. Чуть что – харакири.

Однажды в истории Японии был поднят вопрос об отмене этого варварского обычая, но первый японский парламент триумфально провалил закон об уничтожении в стране харакири – двести голосов против трех! После окончания второй мировой войны около ста высокопоставленных военных и сановников здесь, в Токио, в знак солидарности с императором совершили над собой харакири на площади перед дворцом Хирохито.

Сейчас японцы, мне показалось, активно (как бы точнее выразиться: культивируют? насаждают?) *взращивают в себе цветок миролюбия*. На улицах и в метро совсем нет бритоголовых с цепями и агрессивных – в кожанках.

Однако не так давно, в 70-е, один из самых известных писателей Японии Мисима Юкио совершил харакири после того, как пламенно обратился с воззванием к солдатам и офицерам вернуться на путь милитаризации. А те как-то не зажглись.

Суровый серьезный народ. И что интересно: вот эти наисерьезнейшие пассажиры в метро все как один читают комиксы! Что-то такое про звездные войны, про исторические битвы, про всякие волшебные дела и суперстрастную любовь.

Видимо, легкомысленные комиксы оказывают колоссальное

воздействие на сознание более или менее сдержанного мужского населения в Японии, иначе я не нахожу объяснения, почему в «час пик» в переполненных вагонах токийского метрополитена женщинам для безопасности предоставлены отдельные огороженные площадки и даже целые вагоны!..

Японская женщина – это чудо нашей планеты. Ее украшением, по древнему законодательству китайца Конфуция, должны быть кротость, послушание, целомудрие, милосердие и безмятежность. При этом, говорят, она никогда не была окружена романтическим ореолом, рыцарь не совершал подвигов ради ее улыбки, до сих пор японский муж – самый требовательный из всех мужей мира.

Когда он отправляется на работу, жена провожает его до калитки и низко кланяется. Завидев, что он возвращается домой, она оповещает об этом домочадцев словами: «О каэри», – что означает «Почтенное возвращение». Муж ничего не возьмет сам, даже если все рядом, а хлопнет в ладоши и крикнет: «Моттэ кой» – «Взяв, иди!», и это вместо вежливой просьбы: «Моттэ китэ кудасай» – «Пожалуйста, принесите». К тому же он поздно приходит, частенько пьяный, да еще в сопровождении каких-то веселых девушек.

В конце концов, даже терпению японской женщины приходит конец, тогда общество принимает меры по упрочению семьи. Например, в одном из поселков Окинавы за сто лет не было ни одного развода. При первом разладе супругов высылают на безлюдную «Скалу мира» – островок в трех километрах от главного острова, дают им небольшой запас пищи и всего один комплект теплой одежды. Через два-три дня, полностью помирившись, они готовы вернуться обратно.

А между тем, не старые ведь времена! Теперь в Японии есть женщины-полицейские, женщины-пожарные, врачи, профессора

университетов, писатели, дирижеры оркестра… И в составе экипажа они плавают в море на огромных танкерах. Я уж не говорю о таких исключительно «женских» профессиях в силу их абсолютной мужественности, как ныряльщица за жемчужными раковинами…

И все-таки, как ни продвинулась доля японской женщины в лучшую сторону в третьем тысячелетии, место в метро уступает *она* мужику, а не наоборот.

Глава 6
Ты наступил на мою тень!

Увидеть Национальный музей в Уено-парке Токио – и умереть, вот это славный лозунг! Хотя Лёня не сразу решился:

– Ой, двадцать долларов – вход! Ничего себе! За постоянную экспозицию!

Он стоял, растерянный, у подножия какого-то странного памятника, в таких торжественных местах у нас в центральных парках высился Владимир Ильич в «тройке». А этот толстый бронзовый японец был запечатлен в халате, в тапочках, с собакой на поводке. Страшный неформал. Мы так и не поняли, кто это. Видимо, крупный политический деятель в домашней обстановке. Я уж не стала вдаваться. Но сосредоточилась на музее, потому что это девятое чудо света.

В магическом сумраке пяти фешенебельных зданий расположены чуть ли не девяносто тысяч самых сногсшибательных предметов из всех областей японского искусства, вообще всего искусства Азии, в большинстве своем добытые при археологических раскопках. Из них восемьдесят девять объявлено правительством Японии Чистым Национальным Сокровищем, и пятьсот восемьдесят – Великим Культурным Достоянием страны.

Это и собственная коллекция музея, и экспонаты частных коллекций, сакральные вещи буддистских храмов и синтоистских святынь – скульптура, живопись, каллиграфия, ткани, керамика… Все каждый месяц обновляется, а выставленным на витрины предметам, особенно бесценным, предоставляется самый настоящий человеческий отпуск.

В Японии к предмету относятся с пониманием, сочувствием, восхищением, все знают, что он живой и светится.

В Уено-парке хлынул ливень, и мы пошли бродить по музею – среди немыслимо огромных одеяний, рассчитанных на великанов, с какой-то сумасшедшей вышивкой по шелку – золотой бамбук и хризантемы на белом снегу. Золотые хризантемы, разбросанные по голубому шелку. Букеты пионов на изумрудной траве… Все это древние вышивки средневековья – листья и лотосы, подвесные бамбуковые мосты *в тумане*…

Но что меня ошеломило – как снизу доверху на спине кимоно вышито дерево старой вишни: корявый закрученный ствол. Японцы любят (да и я тоже!), когда в окружении мягких пастельных тонов вдруг возникает суровая, угловатая, шершавая,

неприглаженная фактура. И по всему одеянию расходятся ветви, усыпанные цветами. А внизу на подоле эту могучую вишню огибает прозрачная река с плывущей *по течению* осенней листвой…

Какое глубокое понимание, какие искусные пальцы! А трудолюбие, усидчивость – стежок за стежком! Да что это вообще за одеяния, я сразу не поняла? Кто их носил? Императорская семья? Великие сёгуны? Знатные самураи? Как ни экзотична страна Япония, я знаю, что такие вещи может носить только человек, который осознает, какое космогоническое значение для жизни и для судьбы имеет подобная кропотливая, молитвенная работа, в которую ты облачаешься, и начинаешь вибрировать в любовном ритме с Вселенной.

Я и сама вяжу свитера – с летящими птицами, плывущими рыбами, ангельскими крыльями на спине и огромными ладонями, обнимающими человека со всех сторон. Так я вам скажу, не каждый наденет такое и пойдет. Как мне говорил Серёня в детстве, решительно отказываясь от свитера с детально вывязанными кораблями, попавшими в бурю: «Пускай твои музейные вещи носят твои “музейные” друзья».

И точно, оказывается, эти безумные кимоно надевали абсолютно «музейные» люди, вернее, театральные – то были старинные костюмы из театров Кабуки и Но! Я услышала, как это объяснил европеец – высокий седой человек – своей спутнице. Он возил ее в инвалидном кресле. Она тоже красивая, благородная, седая, в круглых очках без оправы, в модном джинсовом костюме. Англичане. Тихо и осторожно вез он ее по залам музея, все показывал и рассказывал.

– «КА» – это песня, – он ей объяснял, – «БУ» – национальные танцы, «КИ» – мастерство… – так было приятно услышать, редкую в этих краях, можно сказать родную, английскую речь.

Современный театр Кабуки находится в центральном районе Токио – Гинзе. Его основательница, храмовая жрица Окуни, сначала никому не известная, а теперь прославленная, как Айседора Дункан, в 1603 году прибыла в Киото и начала исполнять ритуальный буддийский танец в высохшем русле реки, чем привлекла восторженную толпу народа. Надев поверх великолепно расшитого кимоно черное буддийское платье, она танцевала и произносила на санскрите имя Будды: *Намомитабхая*. Все просто с ума от нее посходили – сын феодала Токугава Иэясу сорвал с себя драгоценные коралловые бусы и отдал ей, сказав, что стеклянное ожерелье, которое она носила, «слишком холодно и не вызывает радости».

Сначала она одна триумфально танцевала в русле высохшей

реки и на шумных площадях Киото, потом у нее появились ученицы, там были только девушки, в этом «джазе», их зажигательные танцы стали первым народным зрелищем, которое постепенно превратилось в классический японский театр.

Актрисы были так прекрасны, а среди зрителей, особенно военных, попадались, увы, *не*истинные ценители искусства народного танца, поэтому прямо на представлениях вспыхивали жестокие драки и даже смертельные поединки из-за актрис, так что правительство в целях борьбы с беспорядками сначала ограничило, а потом запретило участие женщин в спектаклях. Все роли в театре Кабуки, в том числе женские, стали исполнять мужчины.

Это послужило стремительному прогрессу в развитии грима.

Долгие века Япония была закрыта для иностранцев, за попытку взглянуть на феодальную Ниппон любопытному отсекали голову. Отныне скрытое за железным занавесом японское средневековье можно подробно рассмотреть в театре, где мы с Лёней сами не были, но я представляю, какая там царит атмосфера.

Вот на сцене появляется очаровательная барышня, ей не больше семнадцати, роскошное кимоно с огромным бантом на спине, высокая прическа, нежное юное трепетное создание, бутон жасмина… Маленькими шажками она продвигается по сцене. А ей навстречу из разных концов зрительного зала несутся крики: «Маттэмасита» («Наконец-то пришел!»), «Дайторэ» («Великий артист!»), «Ниппонити!» («Первый в Японии!»).

Выясняется, что прелестную девушку играет мгновенно узнанный публикой, несмотря на его виртуозное актерское мастерство и запредельное искусство грима, известный в стране актер, как раз вся Япония пышно праздновала его семидесятилетие.

В грандиозных исторических пьесах Кабуки участвуют порою по триста актеров. И продолжаются спектакли шесть-семь часов! Зрители основательно перекусывают в антрактах и ложатся вздремнуть.

А вообразите, какая там богатейшая театральная костюмерная! Наряду с музеем в Уено-парке, считай, это сокровищница старинных национальных одежд.

Театр Но – более аристократический, сложный. Репертуар его по накалу торжественности и глобальному подходу к действу можно сравнить с древнегреческим театром. Здесь актеры произносят свои монологи на смеси китайского с древнеяпонским, в общем-то, недоступном большинству японцев. В театре Но разыгрывается буддийская космология, действуют

божества, люди, звери, воины, голодные демоны, жители ада…

Однако в финале спектакля театра Но тебе ясно дадут понять: хотя человек и бьется в паутине иллюзий повседневности, он – некое таинственное существо, абсолютно себе неведомое, которое движется вверх и вниз по бесчисленным жизням, гонимый жесткими законами кармы.

Говорят, в театре Но играют умопомрачительные актеры. Они начинают впитывать актерское мастерство от отца, будучи грудными детьми, к сорока годам становятся приличными профессионалами, и всю жизнь до последнего вздоха вынуждены претерпевать муки совершенствования.

Недаром сто тридцать актеров театра Но были признаны *коллективно* «человеческими национальными сокровищами», и четверым артистам это звание присвоено индивидуально.

Помимо роскошных костюмов, которыми еще в большей степени, чем Кабуки, изобилен театр Но, здесь существует особая драгоценность – это маски главных героев. В каждом уважающем себя театре Но должны присутствовать сто двадцать масок: от маски ревнивой женщины до маски привидения.

Самые бесценные маски, им уже лет по триста и больше, хранятся в Национальном музее. Они так дьявольски искусно сделаны: одна и та же маска может менять выражение лица, причем с солидным диапазоном – от надменного до приветливо улыбающегося. В зависимости от того, поднимает в ней голову актер или опускает!

Я бы ни за что не обратила внимания на такую тонкость, просто услышала, как тот англичанин в музее сказал это своей жене.

Главный феодал, он же генералиссимус, в Японии его называют сёгун, Токугава Иэясу в своих минувших средних веках так высоко ценил это магическое искусство, что даже издал два указа: о выплате большого рисового пайка за каждую хорошо сделанную маску. И второй: в случае пожара в театре сразу должны приниматься меры к спасению масок! А именно – каждый актер обязан покидать полыхающий театр с маской на лице, и пропускать этих ребят следует в первую очередь!

Любая особо ценная маска имеет свою детективную историю, похожую на судьбу бриллианта, размером с куриное яйцо, украденное с короны какого-нибудь шейха. Из рода в род владельцы масок передавали их по наследству. Маски таинственным образом похищали, по всей стране объявляли розыск и баснословное вознаграждение… Маска погибала, воскресала, казалось, навсегда исчезала и снова появлялись на небосводе театральной жизни Японии.

Существует художественно-документальный роман о трех легендарных масках мастера Рюэмона, которые олицетворяли «Снег», «Луну» и «Цветок».

«Цветок» принадлежал актеру Компару, основоположнику одной из актерских школ театра Но. «Снег» – тоже актеру, великому Конго. «Луна» – будущему сёгуну Токугава Иэясу.

«Луна» погибла в пожаре замка феодала.

«Цветок» – во времена упадка рода Компару попал в чужие руки и бесследно исчез.

Уцелела только маска «Снег». Все относились к ней, как к священной реликвии, и страшно завидовали ее обладателям. Там, в Музее, я видела удивительные древние маски, но не уяснила – здесь маска «Снег» или нет? Ничего же непонятно. А напрямик спросить у англичанина постеснялась.

Тем более, он уже перевез жену в другой зал, где выставлены доспехи и латы самураев пятнадцатого века, рогатые шлемы, и, кроме того, на шлеме – огнедышащий дракон!

Я слышала, как жена англичанина спрашивала:

– Чарльз, это тоже театральные костюмы?

А он отвечал:

– Ну, что ты, Нора! Это настоящие латы и доспехи для устрашения противника. Чтоб ты увидел его и задрожал. И у тебя меч из рук выпал. Тут он тебе – раз! и голову отрубит.

– Вот-вот, – тихо говорит мне Лёня. – Этого-то я и боялся. Буду идти по лесу, вдруг из криптомерий выйдет рогатый человек с мечом на боку. И скажет: «Ты наступил на мою тень». Я: «Ну и что?» «А вот что!» – Вжик! И отрубит мне голову. Причем самурай всю сознательную жизнь оттачивает это движение до абсолютной стремительности. Чтобы твоя голова, отлетев, три раза в воздухе перевернулась и удивленно на тебя посмотрела. Ты должен не заметить, что случилось! Тогда ты понимаешь, что тебе отрубил голову хотя бы мастер своего дела, а не какой-то там лопух.

Глава 7
Меч самурая

Я сразу вспомнила историю, абсолютно японскую, как на кладбище сидел монах, погруженный в глубокую медитацию, вдруг, откуда ни возьмись, появился самурай. То ли он окликнул монаха, а тот ничего не ответил, что самураю показалось невежливым, то ли просто от неожиданности, короче, он выхватил меч и отсек бедняге голову. А тот был до того растворен во вселенской гармонии, что ничего не заметил, встал и отправился по своим делам. Так он всюду ходил, выполнял монастырские обязанности, а самурая начали-таки мучить угрызения совести. Наконец он не выдержал, подошел к монаху и во всем повинился. Монах был страшно удивлен, не поверил, тогда самурай сказал:

– А ты кивни!..

Вся вышеописанная ситуация могла произойти только в том случае, если это был *настоящий меч самурая*. Приобретая свой меч, самурай не жалел затрат, он мог заплатить за него свое годовое содержание, мог продать землю, даже дом.

И вот подобные мечи в полумраке за стеклом под прицельным освещением выставлены в отдельном зале Национального музея. Мы замерли перед ними все четверо, не в силах пошевелиться – я, Лёня и пара любознательных англичан.

Дело в том, что в Японии ковали мечи, как правило, не просто мастера своего дела, а мастера жизни – просветленные Учителя *дзэн*. Дзэн означает – *познание себя*. А поскольку познание себя есть познание *ВСЕГО,* то, как самого себя, он чувствовал материал, форму, дух предмета, это носило уже ритуальный характер.

Большой кусок стали расковывали на множество пластин, тонких, как фольга, складывали в один блок, нагревали, сковывали вместе, расковывали на много пластин, складывали, нагревали, сковывали, расковывали, сковывали, расковывали – и так несколько лет. Выдержать это мог только человек дзэн, спокойный, медитирующий, никуда не спешащий, который не тревожился о том, что жизнь проходит мимо, а он тут пропадает ни за понюшку табаку.

Год за годом структура металла утончалась из-за такой сковки и расковки и становилась все более и более мелкозернистой. Тогда самую мелкозернистую пластину ставили в середину, зато наружные пластины располагали по мере

возрастания зернистости, и сковывали это вместе. Такое строение не давало мечу возможности затупиться, поскольку центральная мелкозернистая часть была гораздо тверже, чем более крупнозернистая часть снаружи.

По мере «эксплуатации» внешняя часть сходила с меча быстрее, так что он веками оставался острым – таким, каким его сделал мастер. Меч точился мастером один раз. В идеале процесс заточки занимал не меньше года. И шлифовалось лезвие меча чуть ли не до размера атома.

С каким благоговением и трепетом хранили меч, сработанный мастером! Все верили, что такой меч имеет магическую силу, само наличие такого меча считали залогом победы. Мечи передавались из поколения в поколение. И если такой меч хранился в доме самурая – его семья имела высокий статус и вес в обществе.

И это естественно: делая меч, мастер священнодействовал, он глядел, как застывший металл приобретает такую огромную энергию, что становится белым, текучим, светящимся, то есть прямо на глазах переживает настоящее пробуждение. Такой меч сам становился божеством, он исцелял людей, им лечили и даже воскрешали из мертвых!

Что-то вроде этого рассказывал своей жене англичанин, а сам уже вез ее к огромному свитку – там были нарисованы тушью гигантский дракон в тучах, а на земле из зарослей бамбука за ним наблюдал мощный тигр.

– Тигр злой. А Дракон – серьезный, – сказала жена Чарльза Нора после долгого раздумья.

Потом мы вчетвером рассматривали свиток каллиграфии семнадцатого века. «Дневник визита в Восточную Провинцию». Тушь расплывается, размывает очертания строки. Вдруг легкий нажим! Линия обретает плоть, ее тянет вниз, но внезапно – невесомая, почти прозрачная, она взмывает вверх и обрывает строку…

В более ранних свитках штрихи иероглифов напоминали «птичьи следы» или «головастиковые письмена». Зато в средневековье знаменитые поэты и каллиграфы славились бегущей вязью скорописных знаков «цаоцзы» – «травянистых иероглифов», курсивного письма с заостренными штрихами.

Тушь кажется черной, на самом деле в ней плещутся и мерцают по меньшей мере пять оттенков. Все зависит от того, как мастер увлажняет тушью кисть. Вы не поверите, но богатейшая цветовая гамма иероглифов на свитках прославленных каллиграфов – лишь соразмерность туши и воды.

«Каллиграфия – это достижение вселенской гармонии между

бумагой, кистью и чернилами, ведь они так и норовят поссориться друг с другом», – сказал древний Учитель Иттэй. С этими словами, гласит история, он вынул книгу из шкатулки, открыл ее, и комната наполнилась ароматом сухой гвоздики…

За каждым почерком – дыхание, рука, судьба, темперамент, в конце концов! Как и за каждой флейтой из уникального собрания старинных флейт с футлярами. Там меня поразило странное сооружение – орган для губ.

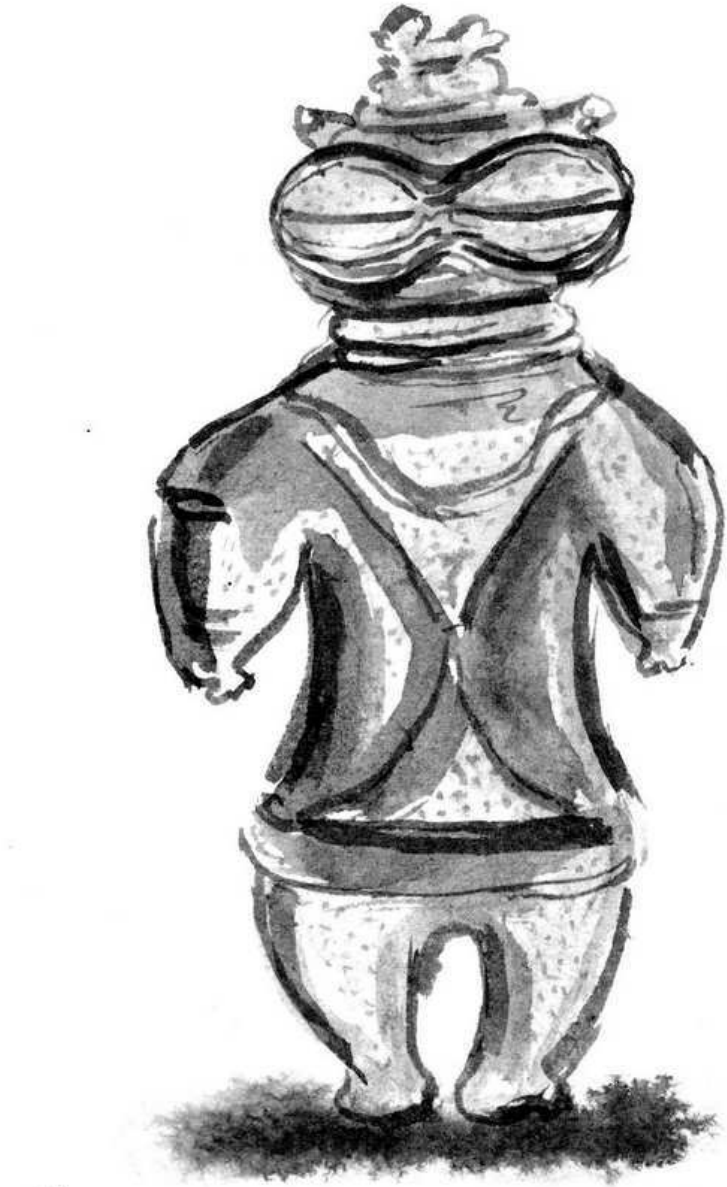
Вдруг я увидела старых знакомых! Когда-то в Москве я слушала доклад профессора Владимира Авинского. Он – палеоуфолог. Это наука о древних следах космических пришельцев на Земле. Он приводил множество доказательств ощутимого присутствия в древности у нас на планете этих самых пришельцев.

– А вот вам и человеческие фигуры очень странные, – сказал Владимир Иванович и продемонстрировал слайды глиняных фигурок, одетых в чудны́е спецкостюмы.

– Теперь каждый ребенок знает, – сказал Авинский, – как устроен скафандр. Не кажется ли вам, что эти древние японские скульптуры облачены в скафандры? Вы только посмотрите, как вылеплены во всех деталях передвигающиеся устройства на ногах, манипуляторы на руках, спирали, люки…

И вот мы заходим в зал древнеяпонской керамической скульптуры – и я своими глазами вижу эти фигурки, которые даже профессор Авинский, объехавший весь мир, по-моему, не видел, а только был счастливым обладателем их изображений на слайдах.

Кстати, о происхождении первых обитателей Японских островов – белокожем народе айну, потесненного японцами до острова Хоккайдо, существует несколько предположений: кто-то считает их выходцами из Азии, другие – из Северной Америки, третьи – с Филиппин… Однако сами айну до сих пор утверждают, что они «спустились на землю, покинув Страну облаков». Над рекой Сару на Хоккайдо высится деревянный столб, который указывает на то, что именно в этом месте они и «приземлились».



Древняя керамика

Местных жителей в то утро в музее было мало. Мы так и бродили по залам вчетвером. Иногда англичанка Нора хотела внимательней рассмотреть какую-нибудь фартовую вазу с черным вороном на персиковой ветке и просила Чарльза вернуться. Тогда

он послушно поворачивал кресло и вез ее обратно. Я уступала им дорогу, слегка присматриваясь к этим лицам. И думала, конечно: какой хороший муж, привез в Японию больного человека, сюда здоровый-то с грехом пополам долетит! А эти ребята совершили героический подвиг, суровый перелет – в инвалидном кресле…

Все вчетвером мы выбрались из зала на лестницу, и вдруг… Нора встала из этого кресла и пошла. И вдвоем с Чарльзом, весело болтая, спускаются, как ни в чем не бывало. Прямым ходом в ресторанчик! А кресло бросили на лестничной клетке.

Мы с Лёней чуть в обморок не упали. Ведь Лёня тоже смотрел на них всю дорогу и думал, какой ее муж герой, и что он лично вряд ли повез бы меня в Японию в подобном состоянии…

Что приключилось, я так и не знаю. Или чудесное исцеление среди мечей самураев, или просто у них в семье принято возить жену по лучшим музеям мира на инвалидной коляске без всякого повода. В общем, я Лёне поставила на вид, что когда мы перейдем в следующее здание музея, возьмем напрокат инвалидную коляску.

– Нет! – ответил Лёня решительно. – *Я не поеду в инвалидной коляске!*..

Глава 8
Поезд-пуля

Когда мы только собирались ехать в Японию и разрабатывали маршрут, мы, конечно, давали себе отчет, что обязательно должны повидать древнюю столицу Японии – Киото. Но до Киото из Токио надо еще добраться! А дорога дорогая!!!

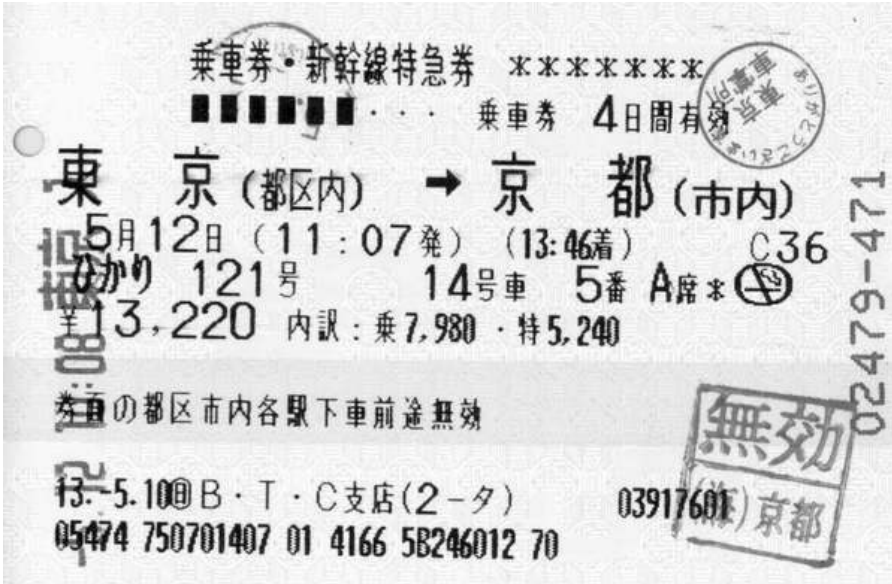
Лёня говорит:

– Очень полезно каждому человеку побывать в Японии, чтобы понять, как велика его покупательная способность *в любой другой точке Земного Шара…*

Можно ночь трястись в автобусе. Это тебе обойдется всего в восемьдесят долларов. А можно за два часа просвистеть весь путь на скоростном поезде «шин-кан-сен», его в Японии зовут «пуля». Наш поезд назывался «хикари» – «свет» – это почти железнодорожный самолет. Билет в одну сторону стоит сто двадцать долларов.

Дорога начинается от прославленного моста Нихонбаси в центре Токио, здесь берут начало все пути Японии. Именно отсюда отсчитываются шаги и версты древней дорожной магистрали Токайдо, пролегающей по Тихоокеанскому побережью самого крупного японского острова Хонсю.

Когда-то это была главная магистраль, соединявшая Токио (в те времена город называли Эдо – Поселение у гавани) с древней столицей Киото (Стольным градом). Непрерывным потоком шло здесь движение самурайских войск и тяжелых колесниц с оружием, рисовых караванов, монахов, паломников, поэтов, художников, чиновников и купцов.



Там в хорошую погоду со стороны океана должна быть видна гора Фудзи.

В 30-е годы девятнадцатого века под впечатлением поездки по Токайдо японский художник Хокусай нарисовал серию гравюр «36 видов Фудзи». Чуть позже, не в силах остановиться, он создал еще одну серию «100 видов Фудзи»!

Узнав обо всем этом еще в Москве, в целях экономии, я предложила Лёне отправиться по Токайдо пешком, чтобы он, по примеру Хокусая, нарисовал свои сто тридцать шесть видов Фудзи! Но Лёня ответил, что все эти виды он лучше заранее нарисует дома, а под палящим японским солнцем тащиться пятьсот километров *он пока еще не готов*.

– Возьмем напрокат велосипеды! – я предложила. – Это прибавит нам скорости. Я же тебя научила кататься на велосипеде!

– Скорость – это счастье, – уклончиво отвечал Лёня. – Но я люблю на велосипеде кататься по яблоневому саду у нас в Уваровке.

Одним словом, решились, и взяли билеты на «Шинкансен». Ранним утром в субботу мы были на вокзале, где океанскими волнами на нас накатывали толпы японцев – расслабленные по сравнению с буднями, в панамах, целыми семьями, дети, старые японки в кимоно с крупными лазуритовыми серьгами, школьники, музыкант с золотым саксофоном, глухонемые… Великое разнообразие японских лиц. Неповторимая скрытая грация каждой, на первый взгляд, чуточку неуклюжей японской походки.

На Востоке говорят, множественность миров – это наша иллюзия. Но как она искусно создана, иллюзия множественности миров! Там, на субботнем вокзале в Токио, у мраморной колонны, где меня оставил Лёня, а сам пошел что-то разузнавать, я слышала гулко звучащие голоса, неясные речи, как будто стекающие ко мне из недр Вселенной.

В общем, когда Лёня вернулся и сказал про указатели на вокзале: «Меня просто доконали эти каракули. Нет, как художнику-графику мне они нравятся, но никакого смысла за этими закорючками я не вижу!», он застал меня со всецело поехавшей крышей.

Чистейшей из платформ железнодорожных вокзалов мы шли вдоль поезда-пули, сплошного и обтекаемого, как капля топленого молока. Внутри поезд был до того светел и просторен, огромные окна, множество туалетов, телефон! Кресло – как ты развалишься в нем, так оно и распластается под тобой. Полный комфорт.

Одна только нешуточная угроза для пассажиров скоростных поездов – землетрясение. В Японии подземные толчки случаются почти каждый день. А поезд мчится со скоростью двести километров в час. Малейшая встряска, и он превращается в самолет.

Тогда японские инженеры придумали связать космический спутник «Сакура-2А» с наземными сейсмическими станциями. Сигналы об опасности Земля передает на спутник. А «Сакура-2А» мгновенно обесточивает скоростную железнодорожную линию «Шинкансен», особенно те участки, где, как говорится, особенно сгустились тучи. Включается система аварийной остановки, и поезд останавливается, как вкопанный, до того, как его настигнут волны землетрясения.

Лёня сел у окна и давай фотографировать – платформу, пассажиров, провожающих… Они смеются над ним.

– Смеются, – говорит он. – Надо же! Смеются! Сами у нас только и фотографируют. А в Японии не понимают – что у них-то тут фотографировать???

Поезд тронулся. Все мужчины заняли лучшие места. Если кто-то ехал с женой, то он достал бутылочку, выпил виски, снял пиджак, ботинки и уютно расположился «калачиком» на оба места, а жена пристроилась на краешек и, я смотрю, она уже стережет сон мужа.

Это и на Лёню начало оказывать влияние. Рядом с ним женщина собралась закинуть на полку чемодан, Лёня встал, хотел помочь, а потом передумал.

– Стоп! – говорит. – Здесь женщинам не помогает никто.

Мужчина лицо может уронить.

И впервые мне место не уступил у окна.

– Это «пуля», – сказал он строго. – Нельзя вставать и передвигаться во время движения поезда.

Насквозь прорезав Токио, без всяких пригородных дачных поселков, без речек и перелесков мы сразу въехали в Йокогаму, один суперпромышленный город просто растворился в другом. Хотя Йокогама – город на холмах. И эти холмы немного поросли бамбуком.

В Йокогаме окончились столетия изоляции Японии от чужестранцев. В 1853 году шесть хорошо вооруженных американских кораблей вошли в японские воды, и командор Перри потребовал от местных властей всяческого покровительства американским морякам, терпящим бедствие в этих водах. Японцам дали год на размышление.

Перри вернулся через год во главе грозного флота из девяти судов, с ценными подарками. Японцы вступили с ними в переговоры, и в самый ответственный момент началась раздача подарков. Каждый высокопоставленный японец получил часы, меч, ружье и револьвер, плюс пять галлонов виски. Представители высшей власти стали обладателями вообще потрясающих предметов, например, уменьшенного в четыре раза, но настоящего паровоза с рельсовыми путями длиной 105 метров и шириной 46 сантиметров, телеграфного аппарата с проводом длиной 4,8 километров, спасательной шлюпки, сушилки, телескопа, разнообразного огнестрельного оружия и спиртного.

Японцы преподнесли гостям изделия из бронзы, шелка, посуду, лакированные изделия, вещицы из бамбука и бумаги. Американцы остались недовольны. «Какая-то ерунда, стоящая не больше тысячи долларов! – говорили они друг другу. – Один наш паровозик – в четыре раза дороже всех японских подарков!»

Зато на них произвела огромное впечатление колонна пятидесяти борцов сумо. Каждый борец нес под мышками два стокилограммовых мешка риса, и один стокилограммовый мешок в зубах. В ответ на это Перри устроил демонстрацию боевой подготовки своей команды: воображаемое взятие судна на абордаж, тушение воображаемого пожара и оглушительная стрельба из бортовых орудий.

Бряцание оружием закончилось праздником и фейерверком. Рекой лилось шампанское, мадера, шерри, виски, пунш, тогда тут впервые попробовали пиво. Американские матросы были несказанно удивлены, видя, как на этом чисто мужском дипломатическом приеме их офицеры танцуют вальс с самураями. Четыре дня спустя, не выдержав американского

напора, японцы подписали договор о дружбе и сотрудничестве.

Каждая станция на этой древней дороге связана с какой-нибудь грандиозной личностью или историческим событием. Конечная – Хиросима.

Не знаю, может, в прежние времена, когда поезд не мчался с такой скоростью, можно было любоваться из окна чайными полями, рисовыми плантациями. Но теперь перед нами только и проносились серебряные столбы высоковольтки, сплошные фабрики, заводы, коленчатые заводские трубы, цистерны, небоскребы, никакой зелени, один только стальной цвет, отливающий на солнце. Я почувствовала приступ удушья от стоящих впритык домов, антенн, линий электропередач… Незастроенным в долинах не оставили ни дюйма. Вся человеческая жизнь сосредоточена вокруг завода: «Sony», «Maxwell», «Sudzuki», «Sharp»… И высокие сетки огораживают стадионы, наверное, чтобы мячик не улетел. Они еще во что-то играют! И посреди этой сияющей металлики в Нагое вдруг возвышается пустое и застывшее Чертово колесо. Что интересно, в городах не было видно людей. Может, дикая скорость «шинкансена» не позволяла зрению фиксировать очертания человеческих фигур? Иначе где они все в субботу? Дома? Телевизор смотрят?

Лёня заснул, проснулся.

– Ну? – говорит. – Ничего не изменилось? Кошмар! Страшные сны из будущего Земли!

– Представляешь, – говорит, – сколько они всего производят на весь мир: мотоциклы, телевизоры, видео, фотоаппараты, утюги, обогреватели, кондиционеры… *Все это они делают здесь.* А представляешь, какая дорога была тут красивая, когда они этого не делали?

Слава богу, ближе к Киото справа показались горы в туманной дымке, золотистые от бамбуковых рощ, а слева – вспыхнул синий, залитый солнцем, океан. Фудзи закрывали облака.

По вагону все время ходила продавщица с тележкой – предлагала печенье.

– Какие девушки красивые, – заметил Лёня, – печенье продают. Причем, все разные!..

Я говорю:

– Да, да.

Не стала его огорчать, что это была абсолютно одна и та же девушка… Ну, может быть, две.

Глава 9
Сокровище Киото

Вот уж не думала не гадала, что в древней императорской столице Киото меня примут в свои объятия родные души – бурная, радостная, живописная, великолепная Яско Танака, профессор-славист, переводчица русской детской литературы, и ее дочка Томоко, аспирантка московского ВГИКа. Обе в совершенстве говорят по-русски, знают российскую историю, словесность, лично знакомы с выдающимися русскими деятелями искусства… А то, что Яско-сан и Томоко не столь досконально знали свой Киото, как далекую Россию, так они этот вопрос к моменту нашего прибытия серьезнейшим образом изучили.

И уже на вокзале нас с Лёней встретили тонкие знатоки двух великих культур – семейство Танака, благодаря которому наши культуры мощно взаимообогащаются.

Мы ехали на машине по городу, окруженному высокими зелеными горами, и были изумленными свидетелями того, насколько на дне этой котловины сгустилась история: сквозь современные очертания явственно проступал прежний Киото эпохи Возрождения, когда он был самым блистательным городом Японии, а то и всего мира! Город неслыханных богатств, невиданных ремесел и императорского величия.

С 794 по 1868 год Киото служил резиденцией семидесяти семи императорам.

Лишь поэт мог найти слова, чтобы передать великолепие императорского дворца. «Казалось, что крыши пронзают небо, а переходные галереи касаются облаков, – рассказывал вдохновенный очевидец. – На крыше черепица напоминает драгоценные камни. Для украшения использованы все возможности человеческого разума. Вокруг простираются искусственные холмы, в парке посажены плакучие ивы, сливовые и персиковые деревья, сосны. Вокруг озера установлены камни в форме китов, спящих тигров, драконов или фениксов».

Величественными резиденциями владели родственники феодалов (некоронованный властитель страны сёгун и правящие страной феодалы жили в Эдо), маги и предсказатели судьбы. Даже мелкий чиновник, вроде письмоводителя, и тот норовил расположиться в Киото как можно пышнее. Около двухсот зданий целиком были построены из *белой сосны*, и с четырех сторон имели ворота с колоннами. А в общей сложности там было от шести до семи тысяч невообразимых строений, не говоря уже о

сонме сказочных храмов.

Дважды город лежал в руинах. Первый раз – в результате многолетних междоусобных войн. После чего Киото, как птица Феникс, буквально восстал из пепла. Теперь, казалось, город выстоит тысячелетия. Но крупное землетрясение 1596 года опять сровняло его с землей.

И снова Киото возродился! Ожили храмовые дворики, сады, «веселые кварталы», они всегда тут держались неподалеку от храмов… Вечерами, когда город был освещен десятком тысяч ламп и разноцветных фонарей, в чайных домиках встречались философы и художники, историки, писатели, знаменитые граверы и гончары.

Песням гуляк вторил храмовый колокол.

По улицам, залитым огнями, важно выступали самураи с двумя мечами у пояса, ремесленники, бережливые отцы семейства, искусные жрицы любви, чистые сердцем девушки, приказчики, мудрецы и фантастические толстосумы, которыми славился Киото: купцы, торговцы, ростовщики, виноделы, крупные рисовые менялы… Они разгуливали по городу под охраной копьеносцев!

И это неудивительно, поскольку в Киото издревле были сосредоточены невиданные сокровища. Прекраснейшие произведения искусства со всей империи. Умопомрачительные драгоценности. Антиквариат. Одна семейка всячески афишировала, что она является обладательницей более редких и ценных вещиц, чем те, которыми владели крупнейшие феодальные князья. У них в коллекции была 21 цельная золотая курица с 10 цыплятами, 14 цельных золотых попугаев ара, 15 цельных золотых воробьев, 51 цельный золотой и серебряный голубь, жемчуга, кораллы, 173 рубина, агаты, янтарь… 150 000 фунтов ртути, более 700 мечей, свыше 1700 рулонов замши, бархата, шелка и парчи, 480 ковров,96 стеклянных створчатых ширм, цельная золотая шахматная доска толщиной в три дюйма, 3 500 000 рё в золотых монетах (1 рё стоит годовая норма риса на одного человека), 14 166 000 рё серебра и 550 000 рё в медных монетах, около 750 китайских картин и так далее, не считая 540 домов, 250 угодий и полей с 1500 арендаторами!..

Напрасно местные власти пытались хоть как-то сдержать необузданную, вышедшую из берегов, свирепствовавшую в Киото эпидемию роскоши.

Были изданы указы:

«Горожане и слуги не должны носить шелковых одежд».

«Горожане не должны носить накидок».

«Горожане не должны вести расточительный образ жизни».

«Горожане не должны устраивать роскошных приемов».

Время от времени слишком уж распоясавшийся торговец или ростовщик вызывал такое возмущение властей, что его имущество конфисковывалось. Или власти пытались ограничить расточительность путем ареста слишком богато одетых лавочников. Однако никакими указами нельзя было заставить горожан отказаться от дорогостоящих удовольствий и драгоценных коллекций.

Несколько веков минуло с тех пор, но и мы с Лёней, поселившись у Яско Танаки, обнаружили у них в семье потрясающее собрание предметов искусства: павловский платок с бахромой, чайник русский заварочный расписной, медведь-кузнец с молотом, деревянный, из Каргополя, дымковский керамический конь и ставшая *натуральным сокровищем Киото* эмаль на гвоздике на стене: под серым небом Вологды на белом-белом снегу маленькая церковь с золотыми куполами – работа моего дорогого друга и Учителя, чудесного писателя и художника Юрия Коваля.

Сейчас его нет, к сожалению, на Земле. Но это был не человек, а фейерверк. Он писал картины, вырезал скульптуры из дерева, делал эмали и обжигал их на кастрюльной фабрике, он играл на гитаре и сочинял песни, любил Север, сам построил себе дом в деревне Ферапонтово на Цыпиной горе и охранял, как мог, фрески греческого иконописца Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

А главное, он написал замечательные книги «Приключения Васи Куролесова», «Недопесок Наполеон Третий», рассказы о деревне Чистый Дор, повесть «Самая лёгкая лодка в мире» и приключенческий роман «Суер-Выер» – о беспримерном плавании фрегата «Лавр Георгиевич» на острова Теплых Щенков и Валерьян Борисычей, Голых Женщин и Пониженной Гениальности, Самовоспламеняющихся Камней… Но конечным пунктом путешествия капитана Суера-Выера был остров, на который так стремился сам Юрий Коваль – это остров Истины.

Яско-сан блестяще перевела детские книги Коваля на японский язык.

– Проза Юрия Коваля, – она сказала, – это японская поэзия.

Глава 10
Ну, здравствуй, перекресток – вот и я!

Недавно я прочла книгу о просветленном японском Учителе Ясутани Роси – нашем современнике, настоятеле дзэнского монастыря. Там есть глава «Десять случаев просветления» – как люди из самых разных стран, оказавшись в своей жизни на перепутье, устремлялись в Японию, отыскивали мастера Ясутани, поселялись в монастыре, он давал им какой-нибудь неразрешимый вопрос, так называемый коан, типа «*что такое звук хлопка одной ладони*?» Целыми днями они сидели медитировали над этим вопросом, в принципе не имеющем ответа, и, черт возьми, обретали просветление!

Поэтому я еще из Москвы по электронной почте попросила Яско-сан найти мне подобный монастырь, поселить меня туда, и уже, так сказать, больше обо мне не беспокоиться.

Яско Танака мне ответила:

«Уважаемая Марина-сан! Мы с Томоко объехали весь Киото, но такого монастыря Зен, куда бы вас можно было поселить на продолжительное время, не обнаружили. Раньше у них была такая практика с иностранцами, но теперь нет. Завтра я буду консультироваться в Университете Осака с компетентным специалистом – известным в Японии профессором по вопросам Зен. Но послушайте моего совета: живите лучше у меня…»

Ничего, я думала, главное, оказаться в Японии, где, я верила, жив и поныне древний дух дзэн-буддизма. Нет, я знала, что это не корневая японская религия. Первый Патриарх дзэн Бодхидхарма принес Учение из Индии в Китай. Потом оно попало в Корею. А из Кореи в Японию. Но мне казалось, что мирное самосозерцание, устремленное к нирване, здесь почти основополагающее течение…

Уж я никак не ожидала, что попаду на яркий, бушующий, праздничный, эксцентричный карнавал самых разнообразных религий – тут тебе и буддизм, и индуизм, и даосизм, и конфуцианство, вообще, многие здесь уверены, что все основные расы и религии появились в Японии, откуда потом распространились по свету. Во-первых, некоторые местные жители считают, что японцы – родственники иудеев. Но только мнения о старшинстве разделились: то ли японцы переселились в Иудею, то ли 2600 лет назад лишенные своего царства евреи

двинулись осваивать Японские острова, провозгласив тут «царство Божие». Пирамиды, кстати, тоже были воздвигнуты впервые в Японии. Здесь же, по мнению аборигенов, находится и могила Иисуса Христа, который *на самом деле*, чудом избежав распятия, вернулся на родину предков, в Японию, где в одном из селений вам охотно покажут его захоронение. Здесь же, в Японии (есть, есть такие предположения!), похоронены и Будда, и Магомет… Причем все это вместе взятое не только не противоречит друг другу, или, не приведи бог, взаимоборствует, – наоборот, находится в жарком содружестве!

Но главная, самая японская из японских религий – синто. Два иероглифа в этом слове: «божество» и «путь». Путь Богов, длиною в двадцать шесть веков, у которого нет основоположника, нет Учения, нет моральных заповедей и понятий абсолютного добра и зла, этот Путь даже не затрагивает Сотворения Мира и Человека, а только сотворения японских островов и непосредственно – японцев!

В синто почитается сама жизненная сила, непостижимая божественная энергия, которая заключена в неких сверхъестественных сущностях *ками*. Несть числа этим сущностям самого разного предназначения – от богини Солнца, освежающей небо, – Аматэрасу О Ми Ками, до бога наживы! А между ними – боги других светил, рек, гор, деревьев, озер, камней, меча, зеркала, риса, усопших японцев…

Чтобы «контролировать рождаемость» японских богов, был создан специальный департамент по делам синто, который безжалостно и неуклонно с седьмого по десятый век нашей эры производил ревизию и резкое сокращение штатов, оставив в официальном списке всего 3132 бога. Естественно, после этой непопулярной в народе акции последовал новый демографический взрыв.

Обряд «замирения божества земли» до сих пор предваряет начало любого строительства в Японии, даже атомной электростанции или космодрома. За безопасность плавания и рыболовную удачу отвечает «ками рыбного промысла».

Телом ками может служить не только святилище, а вообще все в природе, внушающее страх или восхищение, – трехтысячелетнее дерево или камень причудливой формы, рисовые поля и травы, птицы и звери, священная гора Фудзи, выдающийся борец сумо или основатель компании «Нэшнл Панасоник».

Да что уж там! Вся природа в Японии одухотворена, все живое, без исключения, в каждой песчинке клокочет божественная сила. У нас как? Дышишь? Значит живой. А у них –

живой в любом случае!!! Существует лишь большая или меньшая степень одушевленности.

На горе Коя-сан находится кладбище, где стремится обрести свое последнее прибежище каждый японец, тогда в потустороннем мире тебя ожидают какие-то привилегии. Как говорится, «с улицы» туда не попадешь, это стоит безумных денег. Поэтому многие японские фирмы, исправно обеспечивающие благополучие сотрудников при жизни, заранее гарантируют им при переходе в мир иной надежное пристанище. Они покупают на этом престижном кладбище клочок земли и считают его символическим местом упокоения всех душ, когда-либо трудившихся на благо компании. Но дело не в этом.

Тут же, неподалеку мы видим надгробный обелиск с надписью: «Термиты, спите спокойно». Эта могила принадлежит фирме, производящей эффективное химическое средство для уничтожения насекомых. Чтобы обезопасить себя от неясной угрозы, которая вполне может исходить от бога термитов, компания решилась на такие расходы. Рядом – могила сломанных рабочих инструментов, хорошо послуживших своим хозяевам…

К тому же японцы очень трепетно относятся к старым детским игрушкам, особенно куклам. Яско-сан обещала сводить нас в храм, куда приносят старые куклы, и по специальному обряду священник предает их огню. Перед этим он обращается к куклам со словами благодарности, говорит о горечи расставания и о том, что за верную службу и дружбу он вознаграждает их чудом огня.

Лично мне это близко и понятно. Однако многие ученые просто в шоке, что такой тип религии, как у первобытных племен, обитающих в дальних, незатронутых цивилизацией уголках Земли, отлично сохранился в обществе самых передовых технологий!

Был случай, когда синтоистский священник в ответ на вопрос изощренного в богословии католического прелата о том, как в синто думают о Боге, ответил:

– А мы танцуем.

Здесь невозможно отличить божественное от мирского, как и в древней японской летописи «Кодзики». Все начинается с событий абсолютно мифических: божественная супружеская чета, спустившись по радуге с неба, сотворяет японские острова, плюс множество богов, подробно описываются божественные свары, которые плавно и ненавязчиво переходят в события реальные, исторические и политические. Просто в какой-то момент богиня Солнца посылает своего правнука управлять планетой, а внук правнука становится первым смертным богочеловеком –

японским императором. Восхождение на трон этого метиса имеет конкретную дату: 660 год до нашей эры. С того момента до окончания второй мировой войны император считался «живым богом на Земле», прямым потомком богини Солнца.

Официально титул был снят, когда в 1946 году *нашей эры* император Хирохито в своей речи по радио о капитуляции Японии вдруг объявил, что он не бог. Люди испытали двойное потрясение. Страна впервые услышала его голос, ведь император в Японии – укрытый за стенами дворца, глубоким рвом с водой и лебедями, парками с тысячелетними деревьями, – таинственный властелин Поднебесной. И это божество заявило, что оно простой смертный. Волна самоубийств покатилась по стране. Но вера японца в то, что на свете существуют живые боги, неистребима. Сейчас их тут просто называют «национальное сокровище».

Зато у нашего с Лёней сокровища Яско Танаки дома должна была собраться приличная компания, человек сорок, слушать лекцию японского профессора «Про Наташу». Мы спрашиваем:

– Про какую Наташу?

– Наташу Ростову!

Яско-сан побоялась, нам будет неинтересно, тем более, лекция на японском языке, и отправила нас вечерком в самый невероятный и фантастический синтоистский храм на горе – Фусими-Инари.

(Ну, разве что более невероятные те, где по сей день хранятся три атрибута императорской власти: меч, зеркало и яшмовые бусы, те самые, которыми еще богиня Аматэрасу снабдила своего правнука, отправляя на землю. Говорят, они отлично сохранились. На них только нельзя посмотреть. Обычно «тело бога» хранится в ларце, а то и в сундуке, завернутое во множество слоев материи. Уж как надеялись японские этнологи хотя б одним глазком взглянуть на эти реликвии во время церемонии вхождения на престол нынешнего императора. Но увидели только футляры со священными регалиями!)

– Что у Яско-сан тут за секта? – недоумевал Лёня. – Это все равно, что у нас бы там дома в Орехово-Борисове собирались и читали японские хайку.

Мы шли с ним по узкой, мягко освещенной закатным солнцем улочке. Пока не оказались перед огромными красными воротами…

Глава 11
Фусими-Инари

Перед нами высились алые ворота Храма Инари. Два врытых в землю древесных ствола и две перекладины – ворота-тории, знак пересечения границы священного пространства. Около храма, выдолбленная из цельного камня, стояла ёмкость с проточной водой. Вода лилась тоненькой струйкой из пасти дракона. Место для омовения рук и полоскания рта. Мы руки омыли, а рот Лёня не велел полоскать. («Мало ли, – сказал он, – мы ведь не знаем близко этого дракона…»).

Перед главным храмом я два раза хлопнула в ладоши, ударила в колокол, чтобы бог Инари услышал меня и обратил свое внимание, бросила монетку в стальной короб и попросила, чтобы мои мама с папой были живы и здоровы, Лёня из всех женщин в мире любил только меня, а сынок Серёня рос добрым и хорошим дядей.

– Какие-то ты возносишь неуместные молитвы, – недовольно сказал Лёня. – Инари – бог полей и покровитель бизнеса. Ты можешь попросить, чтобы у твоего папы на даче в Уваровке росли не такие стоеросовые огурцы, какие он обычно выращивает, а на кустах зрел не такой толстокожий сухой крыжовник. Ну, и чтобы «Альфа-банк» купил у меня картину: «Живущему в хоботе тоже хочется немного любви». Это Храм Торговцев!..

Действительно, в благодарность за помощь и покровительство в бизнесе на протяжении многих веков торговцы стали пристраивать к святилищу все новые и новые ворота-тории и на столбах черными иероглифами писали свои просьбы, пожелания и теплые слова благодарности. В результате из этих бесчисленных ворот получились длинные тоннели, ведущие на гору, причем они разветвлялись, образуя запутанные лабиринты.

Мы с Лёней благоговейно зашли в тоннель и сначала довольно бодро стали подниматься по высоким и выщербленным каменным ступеням. Садилось солнце. Его лучи насквозь пронизывали алый тоннель, и в этом скользящем свете видна была каждая пылинка, плывущая в воздухе, и каждая паутина с пауком, мерцающая между столбами ворот.

Навстречу нам спускались два человека в одинаковых белоснежных одеяниях, в черных шапочках и таких же черных лакированных деревянных башмаках очень большого размера. В руках у каждого было что-то вроде жезла.

– Ну вот, – сказал Лёня огорченно. – Я засмотрелся и не

сфотографировал этих каратистов.

– Наверно, они священники, – говорю я.

– Или повара, – сказал Лёня.

Он так ходко продвигался вперед. И все поторапливал меня, потому что у него было такое подозрение, что скоро зайдет солнце и тут же стемнеет. Мы преодолевали один лестничный пролет за другим, лишь ненадолго останавливаясь передохнуть на каменных площадках. Там тоже было множество ворот, но только каменных, и около них обязательно сидела пара каменных лис в красных ситцевых фартуках – посланцев божества Инари, с достаточно свирепыми физиономиями. Ну, и повсюду разинутые драконьи пасти с льющейся водой.

– Меня пугают эти лисы, – говорит Лёня. – Я даже не знаю, с чего начать, чтобы обратиться к ним с просьбой о коммерческом успехе.

А время уже позднее. Мы поднимались, поднимались, вдруг на одной площадке перед нами возник глухой заросший пруд. По воде плыла гигантская черепаха. Увидела нас и исчезла. А я гляжу – по моему плечу ползет кошмарная лохматая гусеница. Я как заору. Лёня взял и сбросил эту гусеницу в пруд.

И тут из глубины*, пока она летела,* всплыл огромный зеркальный карп. Он высунул голову с выпученными глазами, разинул пасть и эту гусеницу проглотил!

– Ой, – сказал Лёня. – Нам пора обратно. Сейчас вся эта гора утонет во мраке, и мы до утра отсюда не выберемся.

Но мы не удержались, взошли на вершину. Стояли и смотрели сверху, как зажигаются в кольце гор огни Киото. Еще там с нами на вершине почему-то стоял велосипедист. Все у него хорошее, японское – каска, майка с трусами, велосипед. Он вытащил из футляра японский фотоаппарат и жестом попросил разрешения нас сфотографировать. Мы с Лёней стали ему позировать, разулыбались, обнялись. А сами думаем: как он заехал сюда? Как скатится? Зачем ему наша фотография? Ведь он не знает – ни кто мы, ни откуда.

– Будет показывать друзьям, – предположил Лёня, – и говорить: «Смотрите! Какие… белые! С круглыми глазами!..»

Мы начали спускаться. Лёня шел и во всех речушках высматривал гигантских черепах. Из-за горы виднелся уже совсем тонкий краешек солнца, когда два взмокших и запыхавшихся мужика провели наверх сухопарого дедушку. Тот едва держался на ногах, но добросовестно перебирал ими почти в воздухе.

Столкнувшись с нами, эта дичайшая компания притормозила и давай нам отвешивать поклоны. Мы перепугались и тоже стали кланяться. Особенно усердствовали японский дед и я. Он – в силу

своих стародавних традиций, хотя и теперь японцы беспрестанно и неистово кланяются друг другу, даже разговаривая по телефону. А я прочитала в справочнике, что в любом случае последним должен поклониться тот, кто помоложе. По японскому этикету, пятнадцать поклонов означает небрежное приветствие, сорок пять уже производят неплохое впечатление, а уж в знак глубокого уважения – изволь отвесить девяносто поклонов, не меньше. Лёня меня еле от них оттащил.

– Куда ж они этого старика поволокли? – недоумевал он. – *Наверх???* Уже обратно пора возвращаться, а они рвутся к вершине. Такое впечатление, что это двое сыновей хотят уморить своего папашу, чтобы получить его рыбную лавку.

Тут солнце скрылось, и наступила кромешная темнота.

Лёня заметался, разволновался.

– Я же предупреждал! – кричит. – Сейчас стемнеет!.. И точно!!!

– У тебя редкий дар предвидения, – говорю я.

В тоннеле вообще ничего не видно. Только сквозь щели между столбами просвечивал черный лес густой, и корни у деревьев вздымались, как щупальца из-под земли. Тоннели расходятся во все стороны. Некоторые из них кружат по горе, то опускаясь, то вновь поднимаясь. Где тот один, который ведет в Киото?

– Пока эти все ворота пройдешь, копыта отбросишь, – ворчал впереди уже совершенно невидимый Лёня. – Как бы змеи не выползли! Японская рогатая гадюка – знаешь такую?

Слышу, у меня за спиной нарастающий свистящий шелест: *ФШ! ФШ! ФШ!.. ВЖИХ!..* – это черный ворон пролетел по тоннелю, задев мою голову крылом. Последнее, что я увидела в верхние щели бесчисленных храмовых ворот, – зигзаги летучих мышей в погасшем небе. И окончательно потеряла всякую ориентацию.

Но тут… зажглись фонари. Эти каменные фонари причудливой формы, в рост человека, стоявшие вдоль тоннелей, и сами-то смахивали на святилища. У них в окошках, укрытых рисовой бумагой, прорезаны очертания месяца и звезд – из которых падал на лестницу тусклый свет, а между ними летали ночные бабочки.

О! Я подозревала, я даже точно знала – не может быть, что японцы среди ужасающе древних камней и ворот с черными иероглифами в окружении страшнейшего темного леса упустят случай возжечь свои удивительные фонари. Тем более, у них тут фонари предназначены не только красоваться или освещать путь, они символизируют свет истины, разгоняющей мрак невежества.

Мы вышли по ним из тоннеля и оказались у той в три обхвата сосны с очень длинными иглами, от которой начали путь на гору. Мне снился потом изгиб ее ствола на фоне звездного неба Киото.

Кинулись в магазин, пока не закрыто, и долго рассматривали сырые щупальца осьминогов: никак не могли решить – хотим мы их или не хотим. И только за полночь, когда весь город спал, тихо сели на кухне и стали ужинать.

– Продукты *у них* хорошие, очень качественные, – удовлетворенно говорил Лёня, заваривая нам в чашках – мне супчик «KNORR», а себе – «Galina Blanka».

Глава 12
Ни дня без сои!

Конечно, нам хотелось вкусить что-нибудь экзотическое из национальных блюд. Мы даже с Лёней в книжном магазине напали на невероятную поваренную книгу, где приводилось несколько сот рецептов японской кухни. Фишка в том, что страницы этой книги пропитаны различными ароматами. Если слегка потереть страницу, явственно возникает и разносится по магазину благоухание блюда, вот именно о котором рассказывается на этой странице.

Мы так пристально обнюхивали каждую страницу, два чревоугодника, и такое устроили в книжном магазине буйство запахов, что на нас уже продавцы стали коситься. А муж Яско Танаки – почтенный Юзо-сан, невольно ставший свидетелем этой сцены, сделал выводы и торжественно пригласил нас в ресторан.

Он заказал нам ужин в старинном ресторане Киото на берегу той самой реки, в высохшем русле которой танцевала когда-то божественная Окуни. (Больше полугода Камогава, что значит Утиная речка, являет собой каменистое ложе, поросшее высокой травой.)

Мы сидели на веранде за низким столиком на подушках, поджав под себя ноги, – сам Юзо-сан, Яско Танака, их дочка Томоко и мы с Лёней. Каждые десять минут к нам выходила девушка в кимоно и приносила какое-нибудь удивительное японское блюдо в маленьких лаковых или керамических чашах. Она опускалась на колени и с улыбкой Джоконды всякий раз полностью меняла сервировку.

Это были явные морепродукты, я только не знала – какие именно, когда я спрашивала, наши друзья отвечали уклончиво, а Лёня так прямо и заявил:

– Ага! Мы тебе скажем, а ты есть не будешь.

Наверное, моллюски, щупальца осьминогов, морские водоросли, травы, сырая рыба с соевым соусом, разные болотные овощи, странные грибы на длинных белых ножках с маленькими шляпками, глаз каракатицы на листе хризантемы… Потом вынесли пышный цветочный горшок: среди растущих там живых зеленых листьев – на палочках – запеченные рыбки.

– Эту рыбу лучше есть в середине июня, – сказал Юзо-сан, с сомнением глядя на цветочный горшок.

– А в остальное время она ядовитая? – испуганно спросил Лёня, поскольку была только середина мая.

– Нет, *просто маленькая*, – ответил Юзо-сан.

На «десятое» нам дали свободно плавающее в бульоне живое растение под названием «джунсай-ла» – зеленое с голубым цветочком.

– Скользкий тип! – назвал это блюдо Юзо-сан.

И действительно, это было очень скользкое существо, палочками его не ухватишь, ложек нам не дали, я все-таки попробовала его заглотить из этнографического интереса, ведь это растение, а не животное, вполне вегетарианское блюдо, но оно выскользнуло у меня изо рта. Второй попытки я делать не стала.

Мясом нас не угощали, зная мою склонность к буддизму. В Японии вообще с этим делом не очень, опять же из-за Будды. Сейчас не так строго. А в прежние времена желающий поесть дичи называл горного козла «ямакудзира» – «горный кит», такие хитрости позволяли японцам есть мясо в обход буддийскому учению.

Но это все, как говорится, «фукусёку», побочные блюда, они подаются в сыром виде или слегка обвариваются кипятком, или, если заказано что-то типа «горного кита» – жарятся над углями на решетке или на вертеле… Зато основная пища, «сусёку» – вареный горячий рис. Я даже не видела, чтобы японец ел хлеб. К любым самым сытным блюдам он обязательно закажет рис, иначе не наестся.

Рис тут почтительно именуют «гохан» – слово из двух иероглифов: второй означает пища, а первый – приставка учтивости. Перед варкой его тщательно перебирают, чтоб уж рисинка к рисинке, старательно промывают, варят отдельно и без соли в небольшом количестве воды, которая после двадцатиминутного кипения выпаривается, и в котле, накрытом толстой деревянной крышкой, остается мягкий, рассыпчатый рис. Тут его перекладывают в деревянную кадочку, в чашки накладывают деревянной лопаточкой… Если трапеза состоит из многих блюд и сопровождается выпивкой, гохан подается в заключение. Ни вина, ни закусок после гохана подавать не положено.

До риса нам принесли жаровню, поставили на стол. Это блюдо из молока и сои варилось прямо у нас на столе, пока не образовалась густая пенка-тофу – соевый творог. Безвкусная такая штука, страшно полезная. В Японии культ сои. Ни дня без сои! Поскольку соя и водоросли – залог долголетия.

С долголетием в Японии дело обстоит очень серьезно. Этот вопрос японцы издревле не пускали на самотек. Среди их любимых семи божеств на корабле сокровищ плывет Долголетний

Старец – Дзюродзин: одомашненный хозяйственными японцами средневековый китаец, даос-отшельник, который нашел эликсир бессмертия. Он накачал мощнейшую жизненную энергию, что отразилось на удлиненной форме его головы и внушительных размерах живота – на Востоке считается, именно в животе сосредоточен источник жизни.

Дзюродзин лыс, бородат, в руке его посох со свитком, где содержится вся мудрость мира, а также фляжка из сушеной тыквы. Все это живо напоминает радостную поэзию другого азиатского мудреца Омара Хайяма.

И хотя японец так воспитан, что в любую минуту готов безмятежно расстаться с жизнью, здесь считается особым искусством развивать в себе склонность к долголетию. Да, жизнь – мимолетный дар, и наш путь от рождения до смерти – лишь волна, то она вздымается, то вновь сливается с вечным Океаном Существования. Волна, которую так любил рисовать художник Хокусай.

Он говорил:

– Все, что я сделал до семидесяти лет, не стоит принимать в расчет. Только в возрасте семидесяти трех лет я приблизительно стал понимать истинное строение природы: животных, трав, деревьев, птиц, рыб и насекомых. К восьмидесяти годам я достигну еще больших успехов. В девяносто лет я проникну в тайны вещей. К ста годам я сделаюсь чудом, а когда мне будет сто десять лет, каждая моя линия, каждая моя точка – все будет совершенным. Я прошу тех, кто увидит меня в этом возрасте, посмотреть – сдержу ли я свое слово.

Не знаю, прикладывался ли старик Хокусай к сушеной тыкве Дзюродзина, а мы в тот вечер с семейством Танака распили графинчик легендарной сакэ.

О сакэ упоминается еще в сборнике стихов «Мириады листьев», составленном в восьмом веке, но предполагают, что история этого напитка начинается задолго до появления первых письменных документов в Японии.

Сакэ приготавливают из сваренного на пару риса, дрожжей и воды, трижды помещая смесь для брожения в кадку – два раза на тридцать дней, и последний – на пятнадцать. Потом ее разливают в большие бутыли и бочки, а в прежние времена разливали в бочата, специально для этого сделанные из особого сорта криптомерий.

Сакэ довольно крепкая – двадцать градусов, мы согрелись, расслабились, тем более, ближе к сумеркам подул свежий ветер, и нас заботливо укрыли большими махровыми полотенцами… И тут Юзо-сан запел. У него оказался дивный тенор, и он знал все слова:

– Есть на Волге утес
Диким мохом оброс
Он с вершины от края до края,
И стоит сотни лет,
Тем же мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная…

– «Гулял по Уралу Чапаев-герой… Урал-Урал-река, бурлива и глубока…» – неслось над Камогавой. Потом он пел: – «Ревела

буря, дождь шумел…» По-русски, сильно так, раздольно, вообще без акцента…

Юзо-сан рассказал смешную историю. После войны, когда у японцев вспыхнул интерес ко всему русскому, среди многочисленных наших песен были переведены на японский «Ямщик» и «Тройка». Но что-то перепутали, и веселые слова «Тройки» сопроводили грустной мелодией «Ямщика» и, наоборот, неизбывную тоску ямщика стали напевать под огневой мотив «Тройки». Двадцать лет исполняли так эти песни в Японии, по радио и по телевизору, пока один русский композитор случайно это не обнаружил. Но песни до того полюбились публике, все их считали уже своими, японскими. Так и оставили, не стали суетиться.

Стоит ли говорить, что Юзо-сан глубоко неравнодушен к России. Но у него есть одна печаль: всю жизнь он интересовался вопросами социализма. Его близкие родственники владеют магазином японских кукол в Киото – их ворота с просьбой о покровительстве в бизнесе установлены на горе Фусими-Инари. Кто-то из друзей содержит вегетарианский ресторан в буддийском храме. Знакомые ученые занимаются отвлеченными науками. (Юзо-сан – преподаватель в Университете Рюкоку.) А Юзо Танака был смолоду захвачен идеями свободы, равенства, братства… И вот прошло время, а теперь это даже в России не модно. Получается, все, чем он занимался – это сон.

– Ну, почему? – утешал его Лёня. – В социализме – своя прелесть, в капитализме – своя. Однако, чем бы мы ни загорелись в этой жизни, Юзо-сан, к чему бы ни пристрастились – все это сны и мираж.

Они шли по самой старинной в Киото Тропинке Философов, которая петляла среди многовековых сакур с закрученными стволами вдоль канала с медленной густой водой. Когда-то здесь бродили бессмертные даосы, размышляя о вечном. Мы поотстали немного с Яско-сан. Сакуры давно отцвели, но ягод было не видно.

– Раз уж японцы так любят комиксы, – доносились до нас обрывки фраз, – надо им в комиксах выпустить всю мировую литературу – Толстого, Чехова!.. – вдохновенно говорил Лёня. – А то такая ерунда – инопланетяне прилетели или явились драконы, самураи рубятся, что за каша в голове? А так хотя бы узнают… почему эти три сестры все время плачут о вишневом саде!

– А правда! – сказал Юзо-сан. – *Почему она так не хотела расстаться с вишнями?..* Из-за практического применения?

– Из-за практического тоже, – говорю я. – Вишневое варенье плюс компот. Ну, и побочно разные духовные ценности. Жизнь прошла, и все такое… Кстати, из вишни сакуры варят варенье?

Это был единственный вопрос, на который два японских профессора поистине энциклопедических знаний вдруг ответили:

– Не знаю.

Глава 13
Путь прикосновения

Просто голова идет кругом от мысли, что по улицам этого города ходили мои любимые поэты и просветленные мастера, которые явили мне такую милость и сострадание, что через века, через необозримые пространства ведут со мною разговор о жизни, о смерти, о любви, о Бесконечной и Абсолютной Реальности, которая покрывает всю землю и небо, но ты не обнаружишь ее, пока твое сознание не устремится к пробуждению.

О, этот город помнит, конечно, львиную поступь могучего наставника нации Догэна, основателя дзэнской школы Сото, которая до сих пор остается в Японии крупнейшей буддийской общиной. В тринадцатом веке ученики начали собирать главные сочинения Догэна в книгу «Путь к пробуждению». А в двадцать первом она лежит у меня на столе – и я вам так скажу: мощь этого текста просто нечеловеческая. Он до сих пор каждым словом и каждым пробелом между слов, отринув тело свое и собственную жизнь, указывает нам путь драконов и слонов в океане пробуждения. Лишь глубокое и постоянное самосозерцание признает он как средство отсекания корней рождения и смерти, больше ничего. Остальное, сурово говорит он, уведет вас в сторону от Пути патриархов.

Однако поистине эпическая дорога к истоку бытия знает путника, который бросил вызов не только поэзии о любви, но и самой любви, умудрившись восславить при этом буддийское учение. Это был монах высокого сана, в середине пятнадцатого века он занимал пост настоятеля одного из крупнейших монастырей Дайтокудзи в Киото, куда Яско-сан на днях собиралась меня повести на дзэн-скую медитацию. Звали его Иккю Содзюн по прозвищу Безумное Облако.

«С вершины до самого дна все мироздание представляет собой огромные врата освобождения, – считают еврейские мистики хасиды. – Земля полна того, что позволяет нам приобщиться к Богу. Тора дана человеку для того, чтобы он праздновал жизнь и возлюбил все, что делает ее источником радости!»

Монах Иккю был с ними заранее солидарен. Он увлекался музыкой, театром Но, виртуозно играл на сложнейшей японской флейте сякухати, был мастером чайной церемонии, великим поэтом и великим возлюбленным.

Днем и ночью священники
исследуют природу Будды
и распевают сложные сутры.
Но, прежде —
есть смысл научиться
читать любовные письма,
присланные ветром и дождем,
снегом и луной.

Любовь, провозгласил он, это не ваше творение, это подарок Бога. Это радость, божественный дар наслаждаться и праздновать, то самое погружение в сущность бытия, которым и является дзэн. Дзэн полон жизни. Секс – священен. А все вместе – это весеннее цветение сакур в горах Ёсино!

Бунтарь среди монахов, он так и писал: «*Если ты вздумаешь меня искать, спроси обо мне у торговцев рыбой, в таверне, или в борделе».*

Но вряд ли его образ остался бы жить в веках, если б монах Иккю, будучи полностью просветленным мастером, не стал основоположником секса совершенно особого рода – дзэн-секса.

Перво-наперво он заявил, что, занимаясь любовью, лучше всего ощущать себя парящим облаком, за что его так и прозвали Безумное Облако! На языке даосов это означает проявлять высшую форму сексуального мастерства – быть легким и свободным, абсолютно поглощенным происходящим.

Еще он говорил: взгляни в глаза своему любимому и ты увидишь собственное отражение. Прикрой глаза и почувствуй глубокую любовь. Потеряйся в медитации над своим любимым. Прикоснись к возлюбленному, как к чему-то драгоценному.

Путь Прикосновения, считал он, ведет человека прямо к чудесному сердцу нирваны. Прикасайтесь к своим любимым, советовал монах Иккю, всякий раз, когда можете до них дотянуться, и ночью, и днем. Так вы поможете им ощутить, что они не одиноки, что они в безопасности, что их любят. Прикасайтесь так, будто прикасаетесь не рукой, а самим сердцем.

Дзэн – означает погруженность. И кто сказал, что это не имеет отношения к сексу? Бог есть любовь, считал Иисус. А монах Иккю уточнил: твой любимый – это дверь, которая ведет к божественному. Преодолевая мелочность и повседневность, стань единым с источником любви, тогда ты познаешь Бога. Легче всего его почувствовать, он говорил, когда ты соединяешься с возлюбленным. Тут можно обнаружить в себе такие вещи, о которых вы и не подозревали, разные чудеса – точно такие же, как

у магов или просветленных.

Для этого нужно двоим – стать одним целым, превратиться в замкнутый круг. Это просто, если вы любите друг друга. Во-первых, (что уже замечательно), вообще ничего не нужно делать. Дзэн-секс – это секс для ленивых. Не требуется никакого труда, ни малейших усилий. Все происходит само собой: в замкнутом круге энергия удваивается и, нарастая, начинает самостоятельное движение.

Бальзак писал, что ночь с женщиной стоит ему нового романа. Романа Оноре де Бальзака! Вроде «Утраченных иллюзий»! Вот как он неосмотрительно расходовал свои силы. Наверное, поэтому он жил во Франции, а его возлюбленная – в Польше. И все писала ему письма, мол, я приеду, приеду… А он: скучаю – ужасно, приезжай… но только не сейчас.

В даосской любви энергия не теряется, она накапливается. Вы отдыхаете в любовных объятиях. Однако огромная энергия струится в вас. Она становится единой с Вселенной, деревьями, звездами, со всей Землей. Это встреча через другого с Целым. Медитируйте, танцуйте, пойте, и пусть любовь случится среди танца, медитации, молитвы. Тогда она будет иметь другое качество, говорил Иккю-Безумное Облако, она будет божественна.

Такая любовь может длиться часами. Если вы не спешите, время вообще исчезает. Оно прекращается для вас. Вы вернулись домой и встретились с вечностью. Все растворилось в этом потоке: эго, имя, биография, возраст, профессия, национальность, воспоминания, планы на будущее, страх смерти и привязанность к жизни…

Есть чудная японская поговорка: «Не было случая, чтобы голый что-нибудь потерял». Но в даосской любви вы можете потерять даже само тело, войти в такое состояние, где тело больше не ощущается материальным, а только – зарядом электричества, энергией в чистом виде.

Когда ты возвращаешься из таких объятий – чувствуешь себя настолько живым, наполненным энергией, летящим, невесомым! Вот тут-то как раз, милое дело, засесть за роман, холст натянуть, писать картину, сочинять симфонию или играть и петь джаз: радостное, сочное, наполненное вселенской гармонией, ваше творение останется жить в веках, но слава не вскружит вам голову, ибо вы прикоснулись к чему-то большему и теперь главное – сохранять недосягаемую и тайную связь с мирозданием.

«*Любовные объятия,* – писал Иккю, – *способны сделать тебя бессмертным».*

Он имел в виду познание самого себя, просветление. Но еще древним даосам было известно, что Дао любви – это здорово,

весело, очень полезно для здоровья, оно пробуждает в человеке спокойствие, сострадание, справедливость и, как поговаривали, приносит бессмертие.

Люди, которые практиковали Дао любви, доживали до ста пятидесяти лет, даже дольше, прекрасно себя чувствовали и в один голос заявляли, что именно этот возраст они считают наиболее плодотворным в своей жизни. Потому что благодаря божественной силе такой любви ты оказываешься в Центре Мира и Процветающих Земель.

Вот я сейчас пишу эту книгу в Москве, дописала фразу, и зазвонил телефон. Звонит моя мама Люся.

– Что ты делаешь? – спрашивает она.

– Пишу главу про секс.

– Ну, почитай! – сказала Люся.

Я прочитала ей последнюю страницу.

– Где ты оказываешься? – переспросила она. – *В Центре Мира и Процветающих Земель*?! – Лёва, Лёва, – кричит она папе. – Идем заниматься сексом. И мы тогда попадем…

– …В Книгу рекордов Гиннеса? – кричит из кухни папа.

Естественно, в средневековье руководства по даосской любви были страшно засекречены и предназначались для императоров и посвященных. Теперь любой может накупить себе разных замечательных книжек, ни для кого больше нет секретов, но где те люди, которые терпеливо станут овладевать Дао любви *во всем объеме*?

Может быть, гейши? Мы с Лёней не удосужились познакомиться ни с одной из них. Зато Юрий Норштейн, замечательный режиссер-мультипликатор, которого с большой любовью принимали в Киото Яско-сан и Томоко Танака, попросил познакомить его с японскими гейшами. Они ему это устроили.

Видимо, отправились в квартал Гион, который когда-то состоял из одних чайных домиков, здесь и теперь живут гейши и их ученицы – майко. В этом же квартале обитают рикши, которые их возят погулять или за покупками, ремесленники – обслуживающий персонал: мастера музыкальных инструментов, лакированных вещей, вышивальщицы кимоно, те, кто делает веера, зонтики, национальную обувь из соломы и кожи – дзори, украшения для гейши.

Гейша – это такое поразительное существо, умное, образованное, талантливое, пластичное, музыкальное, тонкий психолог. Она свободно владеет искусством беседы, чайной церемонии и ошеломляющими секретами любви, способными изменить ваш взгляд на самих себя, на занятия любовью и на мир

вообще.

Но я слышала, любовь гейши надо заслужить, кажется, она не продается. Этот «институт», я так поняла, вообще не имеет отношения к легкомыслию. Гейши просто украшают жизнь, помогают успокоиться, расслабиться, возвеселиться душой.

Даже говорят, у них есть такая служба: состоятельный холостой мужчина может на воскресенье пригласить к себе домой гейшу с одним или двумя детьми. Целый день нагрянувшая компания будет исправно делать вид, что это его семья. Он примется воспитывать детей, ворчать, журить их за непослушание, его накормят вкусным домашним обедом, он им расскажет, какие у него неприятности на работе, потом они вместе отправятся в кино или на аттракционы. А вечером они поцелуют его и уйдут. На следующие выходные, возможно, заявятся другие. А он так много работает, так поздно приходит домой, устает, что иным очень сильно занятым людям этого вполне достаточно.

Но и у гейш есть иерархия: в квартал Симабара, в дом, которому уже три сотни лет, являются самые высокопоставленные вельможи. В этом старинном доме живут гейши особой категории – «таюсан». Ходят слухи, что великолепие их нарядов затмевает все, что возможно увидеть в Японии. Один наряд гейши весит тридцать два килограмма, из них четыре килограмма – украшения для головы.

Не знаю, на какую именно графу в этом «табеле о рангах» смог претендовать Юрий Норштейн, просто мне понравилось, как Яско-сан рассказывала, что двум гейшам, которые с ними встретились, Норштейн читал Пушкина: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим».

– Не понимаю, – удивлялась одна гейша. – Как это – сам любит, и в то же время желает, чтобы его любимую кто-то другой любил точно так же, как и он?!!

Бывают разные ситуации, старался им втолковать Нор-штейн и в качестве иллюстрации поведал гейшам о судьбе великого Данте Алигьери. Как тот всю жизнь был женат на хорошей женщине, ел и нахваливал приготовленные ею пиццы и макароны, а небесной любовью любил совершенно постороннюю Беатриче.

– Ну и ну! – без устали поражалась та же гейша. – Не хотела бы я быть женой этого Данте!

«У нее был очень большой рот, – рассказывала Яско-сан, – очень красные губы, и вообще она много болтала. Поэтому Норштейну понравилась другая – которая за всю беседу не проронила ни слова».

Подозреваю, что историческая встреча нашего знаменитого мультипликатора с гейшами в Киото никак не пролила свет на вопрос – владеют ли гейши современной Японии неизмеримыми тайнами Дао любви?

Поэтому со своей стороны на всякий случай стараюсь, чтобы это бесценное учение не стерлось из памяти человечества: накупаю брошюры, прилежно и тщательно штудирую, делаю выписки, конспекты, но мало с кем нахожу взаимопонимание.

– Не знаю, – с сомнением говорит Лёня. – Я лично в этом деле предпочитаю спонтанность. Как пойдет, так и пойдет…

Зато когда мы приехали в Японию, мне Лёня сразу сказал очень строго, что ни о чем таком не может быть и речи, ибо, он говорит, существует такое поверье, что дитя, зачатое на японской земле, обязательно родится японцем.

Да, ты прав, монах Безумное Облако!

Лишь один неразрешимый вопрос
имеет значение —
Ты.

Глава 14
Храм за храмом

Кто что просит у Бога в Японии; я, например, страстно мечтала увидеть японские храмы и монастыри, часовни и пагоды, а в Киото как раз с этим очень хорошо: тут 254 синтоистских и 1598 буддийских храмов. Так вот, семейство Танака настолько серьезно взялось за дело… – по-моему, нам с Лёней их показали все!

Сначала мы посетили самый что ни на есть знаменитый действующий храм «Сандзю-санген-до» – «Зал 33-х отсеков»: он делится опорными колоннами на тридцать три части. В центре зала на колоссальном цветке лотоса восседает сделанное из дерева, огромное тысячерукое, окрашенное в золотистый цвет, явно просветленное существо. Перед ним выставлены обильные жертвоприношения – бутыли сакэ и чаши рассыпчатого риса. А справа и слева – тысяча фигур этого же божества в человеческий рост; вырезанные из дерева, отливающие золотом, десять рядов этих статуй волной поднимаются к колоннам, а над ними – сомкнувшее ладони своих главных рук и раскинувшее в стороны другие – то выступало из мрака, то утопало загадочное божество.

Храм был построен в двенадцатом веке, и эти статуи тогда же сделали знаменитые скульпторы Инкэй и Танкэй.

Однажды там вспыхнул пожар. 124 статуи удалось схватить и выбежать из храма. Остальные 876, когда восстанавливали храм, пришлось сделать снова. Все это подлинники неподражаемых мастеров. Где-то я читала, что лица повторены тысячу раз даже без видимых оттенков. А Томоко Танака:

– Ничего подобного! Наоборот, в этой портретной галерее представлены все типы лиц. Среди них можно даже найти собственное лицо… *Но насчет вас я не уверена,* – добавила она, извиняясь, потому что сияющие лики этих поразительных статуй, исполненные блаженства и сострадания, как ни крути, все были абсолютно японскими.

Естественно, мы с Лёней подумали, что это Храм 1001-го Будды. Хотя Будда – коренной индус. Но, как известно, все хорошее, очутись оно в Японии, постепенно становится японским.

Прямо душа радуется, как тут мирно ужились языческий культ обожествления природы и глубокое философское буддийское учение. Проповедники буддизма поладили с восемью миллионами местных святых, объявив их воплощениями Будды. А для синто, который все подряд наделяет святостью, ничего не

стоило назвать Будду одним из бесчисленных духов-ками.

Тем более, буддизм в Японии принял на себя заботы и хлопоты, связанные с загробным миром. Синтоисты чурались смерти. Еще в четырнадцатом веке об этом свидетельствуют многочисленные указы правительства, смысл которых сводился к одному: «Не бросайте покойников на общественных дорогах».

Вместо жуткой Страны Мрака японцам была предложена Чистая Райская Земля Будды. А это совсем другое дело.

Было бы совсем неудивительно, если двадцать восемь синтоистских духов – дух ветра и дух грома с бубнами и барабанами, бог вина и бог тишины, дух-павлин, дух-ворон с вороньими крыльями и клювом, сухонькая старушка – ками вечности – грозно стерегли бы в этом храме тысячеликое полчище Будд.

Вскоре мы выяснили, что это не Будда, а богиня милосердия и сострадания Каннон – существо, стоящее на пороге полного пробуждения, но специально медлящая с этим делом, дабы не утратить связь с обычными обитателями земли, и, в случае чего, оказывать им всестороннюю поддержку. Кстати, у нее одиннадцать голов, и на каждой из тысячи ладоней – по глазу.

– Чтобы спасать людей, – объяснила Томоко Танака, – надо как можно больше рук, больше глаз, больше голов! (Тут Юрий Норштейн заметил, что это – мечта любого продюсера).

В тот же день: Золотой павильон – архитектурный шедевр двенадцатого века – полное впечатление невесомости, этакая трехъярусная пагода в китайской манере стоит на сваях на глади зеркального пруда. Первый этаж – стиль дворцовый, второй – «жилище самурая», третий – монастырь дзэн. Три в одном! Тончайшей работы дерево покрыто золотом, все это светится и отражается в пруду с золотыми рыбами.

Я даже не выдержала, проредила толпы японских школьников и на фоне Золотого павильона отдельно сфотографировала Лёню, чтобы послать этот снимок Лёниной маме на Урал.

В трех километрах от Золотого павильона – Серебряный, двухъярусный – парит на берегу пруда среди буйной растительности.

Дальше: «Киёмидзу» – этот храм построен из дерева в девятом веке. Его взметнувшаяся ввысь многоярусная пагода вся полыхала на закате.

– Когда тут землетрясение, – сказала Яско-сан, – все рушится, а эта пагода просто *извивается* – и больше ничего.

Мы там на ужин ели палочками гречневую лапшу «со-ба», засасывая ее из тарелки в рот с особым звуком, как нас учила Яско-сан.

День второй: старинный феодальный замок Нидзё. Начало семнадцатого века. Символ военного могущества и власти феодала. Построен для сёгуна Токугава Иэясу.

До того как замок дважды полностью сгорел, и несколько лет полностью перестраивался, Нидзё являл собой настолько могучее сооружение, что его изогнутые крыши, как в храмах и дворцах, поддерживали системой кронштейнов. Замок окружали надежные стены с укрепленными воротами и широкими рвами, там было несколько цитаделей с многоэтажными башнями… Рассчитанный на длительную осаду, замок окружили ремесленными и торговыми кварталами. Кроме вражеских армий замковые громады должны были противостоять землетрясениям и тайфунам, это тоже влияло на чрезвычайную толщину стен и циклопическую кладку фундамента.

Нидзё и теперь всем своим видом внушает трепет. Часа полтора мы с Лёней шлепали босиком по бесконечной анфиладе залов, следующих друг за другом каким-то причудливым зигзагом.

Никакой мебели, упаси боже. Лишь только раздвижные стены и двери все более и более интенсивно расписаны по золотому фону могучими соснами, тиграми и леопардами – кисти культового художника того времени двадцатипятилетнего Кано и его братьев. Высокий потолок с густым орнаментом. Двойной уровень пола от первого зала до главного, самого почетного, где в глубине на возвышении сёгун принимал гостей, в то время, как за туманными, скользящими стенами стояла наготове невидимая, до зубов вооруженная охрана.

Чтобы злоумышленник не мог подкрасться незаметно, долгий деревянный путь вокруг всех залов покрыт полами со специальным устройством – когда ты ступаешь, там внутри деревяшки трутся о гвозди, и возникает удивительный звук, напоминающий птичье пение. Их так и зовут – «соловьиные полы».

– Слышишь? – обрадовался Лёня. – Как у моей бабушки в деревне Коркино половицы поют!

Мы вошли в главный зал и оцепенели. В глубине на возвышении сидит человек в кимоно, а перед ним распростерлась ниц толпа в средневековых костюмах. Мы думали, это актеры, идет спектакль. Глядим, а они не шелохнутся! Нам даже страшно стало. Мы одни. Я с Лёней и эти куклы – совсем живые. Ей-богу, я бы не удивилась, если б под сводами замка зазвучали, как тут и звучали когда-то, утонченные дискуссии ученых и священников о китайской философии и буддизме, которые любил слушать сёгун, потчуя высоколобых спорщиков журавлиным супом. А также

поэтические турниры, исполненные страстного накала, ведь победителей осыпали бесчисленными дарами, а побежденные порой по-настоящему умирали от горя.

От замка Нидзё добрейший Юзо-сан вел нас, бегом, бегом, пока не закрыли – в великолепный синтоистский храм Хэйан, построенный в честь императора Камму и расположенный в столь удивительном парке, что там даже висит табличка – на открытом воздухе! – «Не курить».

А дальше… Ой, как вспомню – не хочу даже думать ни о чем другом – дзэнский монастырь Нандзэндзи. Когда поднимешься на главные ворота – одни из трех самых больших ворот Японии – перед тобой такая панорама японских гор и крыш с приподнятыми краями, что мы с Лёней вообще уже не знали, на каком свете мы находимся.

И мы никак не могли уследить за Юзо-саном, который постоянно норовил за нас повсюду заплатить. А когда Лёня бросался наперерез, Юзо-сан говорил:

– Ну-ну! Я давно уже планировал освободиться от этих монет.

Я рассказываю одну тысячную из того, что мы увидели. Мы еще посетили несколько синтоистских храмов, очень древних, которые японцы из простых гигиенических соображений чуть не каждые двадцать лет рушат и строят заново, радуя своих божественных обитателей запахом свежеструганной древесины, пару на самом деле старинных дворцов – по восемьсот и по тысяче лет каждому, черные, прокопченные храмы Нисихонгандзи, Хигасихонгандзи…

Вдруг я смотрю, нам навстречу идет паренек с живым белым кроликом. Я как кинусь к нему. Как побегу! Леня:

– Ты куда? – и бежит за мной. Видит, я уже не в себе.

А я кричу:

– Люди!!! Я хочу посмотреть на обыкновенного белого кролика!!!

Глава 15
Звук хлопка одной ладони

Ночь я почти не спала. На восходе солнца должна была исполниться моя заветная мечта: меня записали «на прием» к просветленному мастеру дзэн в знаменитом монастыре Дайтокудзи, о котором я столько читала, но и помыслить не могла узреть воочию, а тем более погрузиться в медитацию под присмотром настоящего пробужденного Учителя.

Сказать, что я волновалась, – ничего не сказать, вечером у меня поднялась температура.

– Я понимаю, Марина-сан, для вас дза-дзэн в Японии – то же самое, что первый бал у Наташи Ростовой, – сказала Яско Танака, притащив корзину с теплой полосатой пижамой, медом, грелкой и чудодейственным китайским порошком, таким горьким, что его надо было заворачивать в специальные листки бумаги и проглатывать в кульке. Яско-сан лично скомкала и проглотила несколько листов, подав мне зажигательный пример.

– Боже мой! – я стенала. – Столько лет мечтать, преодолеть все преграды, приехать на край земли, Япония – это ведь настоящее чудо! И вот я лежу и не могу даже голову оторвать от подушки…

– Придется сказать, что это я мечтал помедитировать с мастером дзэн, сесть и просветлиться вместо тебя, – сказал Леня.

– Там палками бьют, – предупредила Яско-сан.

– Как, палками? – удивился Леня.

– Ну, если ты заснул или размечтался… Или наоборот – до того приблизился к Истине, что перегородка между тобой и Ею стала тонка, словно этот лист бумаги, – говорю я, глотая кулек за кульком с китайским снадобьем. – Тогда посох мастера – бац! тебе по плечу, глядишь, и прорвался сквозь сон к реальности.

– А вы должны поклониться в знак благодарности, – напомнил Юзо-сан.

– Ну, нет, – решительно сказал Леня. – Если меня начнут бить палкой, я скажу: «Извините, пожалуйста, но как раз сегодня я очень занят». Встану и пойду. «Это моя жена, – скажу я, надевая сандалии, – давно хотела продемонстрировать вам свое неглубокое понимание дзэн. И вот мы здесь, как результат ее буддийской озабоченности. А что касается меня – я давно просветлен».

Всю ночь меня бил озноб, я металась в бреду, голова пылала, лишь только под утро мне удалось забыться, а в пять утра меня

разбудило птичье пение. Леня забыл выключить радио, и на рассвете началась суперпопулярная в Японии программа «Утренние пташки». Много десятков лет один любитель повсюду записывает птичьи голоса – в лесу, в поле, на море, даже на обрывах скал. Каждую новую запись он посылает радиокорпорации, и это уникальное звуковое письмо становится достоянием всего народа. Миллионы японцев специально заводят себе будильник на 5.10 утра, просто чтобы послушать птичью песенку.

Как это ни странно, я встала здоровая, свежая. Мы плотно позавтракали котлетой из осьминога – другого ничего не было, и съели по йогуртику – «на сладкое» – с горькой мякотью алоэ.

– Иди помой посуду в последний раз, – ворчливо говорил Лёня. – А то просветлишься, станет все равно – чистая посуда или грязная.

– И забирай свою пропаганду! – добавил он, имея в виду мою неразлучную брошюру «Мудрость дзэн. Сто случаев пробуждения». Кстати, все эти случаи произошли в Киото.

Еще я взяла подушку – сидеть-то пару часов! Вдруг мне не достанется подушки? Теплую пижамную куртку, запасные носки. И русско-японский разговорник. Если меня спросят: «Что такое звук хлопка одной ладони?» А я не пойму.

– Не беспокойся, – говорит Леня. – *Этот вопрос* я тебе переведу.

– А что отвечать? – все-таки я страшно нервничала. – Может, как та крутая японка в средние века, заявить: «Чем слушать хлопки одной ладони Хакуина, хлопни обеими руками – и все дела!»

Монахи годами бились над этим злосчастным «хлопком», изобретенным великим мастером дзэн Хакуином. То скажут мастеру: это журчание ручья, то – птичье пение, то молчат, как рыбы… И только получали затрещины. В конце концов одному искателю где-то здесь, в Киото, века четыре тому назад, его наставник сказал: вот нож, даю тебе три дня – не найдешь ответа, сделаешь харакири.

Через три дня тот не пришел к Учителю, но обитатели монастыря почувствовали: случилось что-то невероятное, и все – в том числе, суровый наставник, отправились к нему сами.

Он сидел, обращенный ввысь и внутрь, с блаженной физиономией, постигший истинный смысл Существования, вспомнивший, *КТО ОН ТАКОЙ* и *ЧТО ОН ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТ*…

– Э, нет! – возразил Лёня. – Зачем же повторяться?

Внизу нас ждал автомобиль. Яско-сан и Томоко – обе страшно невыспавшиеся: ночь напролет смотрели «Анну Каренину».

Хотели только первую серию посмотреть, но не удержались и досмотрели все до конца.

Мчимся! Мацунами-сан – так зовут настоятеля дзэнского монастыря («мацу» – «сосна», «нами» – «волна»), убедительно просил по телефону, когда меня к нему устраивали, не опоздать *на интродукцию.*

Бросили у ворот машину, вбегаем на территорию Дайтокудзи. Вокруг опять обступили нас поразительные строения из ценнейших пород древесины средневековья, а между ними сады, пруды, покрытые цветущими лотосами, сады камней, золотые бамбуковые рощи… Такая вокруг разлита безмятежность.

Бритоголовый монах в серых штанах показал нам дорогу в зал «За-зен».

Бежим – профессор Яско Танака, Лёня с фотоаппаратами, я с подушкой, впереди быстроногая Томоко… Навстречу нам другой монах: не туда, мотает головой, показывает в другую сторону! Мы – обратно. Старик садовник в соломенной шляпе тычет скрюченным пальцем в третью!

Это ж все огромные расстояния!

А солнце поднимается над землей, шелестят золотистые листья бамбука, солнечные лучи пронизывают рощу, острокрылые черные бабочки кружат у нас над головами, теплынь, поют птицы, дует свежий ветер…

– Какое всем ужасное беспокойство, – запыхавшись, говорит Лёня, – от твоего стремления обрести покой! Мечешься по Земному шару, баламутишь народы, то в Индию, то в Непал, Гималаи переполошила, какого шороху навела в Японии! Солидные люди носятся с тобой как с писаной торбой. Я сейчас, так и чувствую, очень сильно потрачусь. И все это ради того, чтобы моя жена хотя бы где-то часик тихо посидела…

– Лёня-сан, много не кладите, там будет стоять закрытая коробочка, никто не увидит, сколько вы положили, – на бегу бросила Томоко.

– Побольше положи, – попросила я Лёню. – Вдруг это сыграет свою роль?

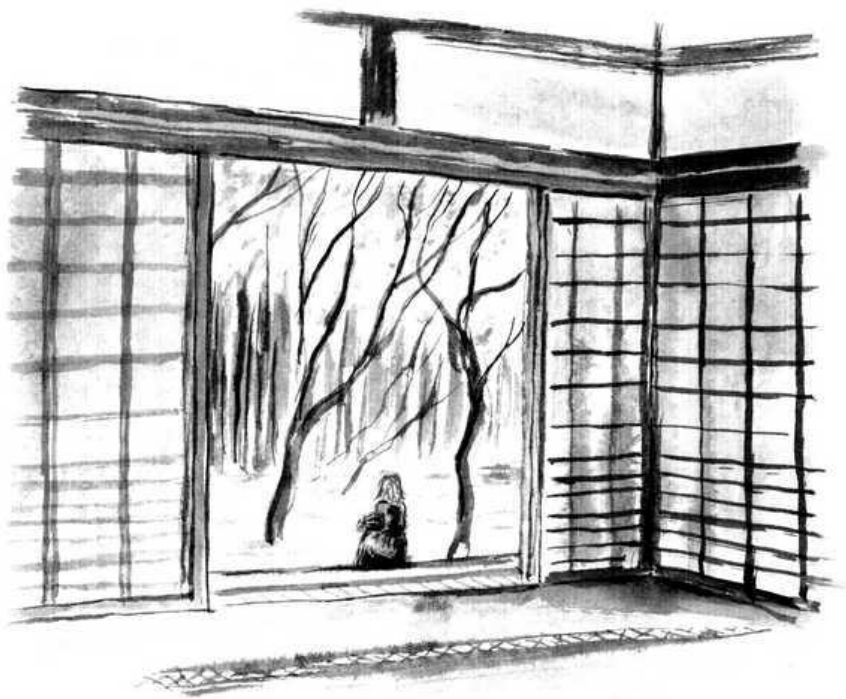
– *Я положу ровно столько, сколько надо*, – сурово ответил Лёня.

Мы вбежали в одни ворота, другие, миновали узкий проход и, разгоряченные, очутились перед пустым просторным залом. Пол был покрыт соломенными циновками-татами, по обе стороны лежали в ряд подушки, а в глубине на возвышении во мраке сидел кто-то в позе «лотос». Лица не рассмотреть, только глаза светились исподлобья. Руки у него были сложены на груди, в правой ладони он держал увесистую палку.

– Ну, начинается, – сказал Лёня и сдержанно поклонился.

Тот ничего не ответил.

Яско-сан с Томоко тоже издалека поклонились ему и по-японски сказали, что, дескать, вот, привели медитировать Москвину из Москвы. Я разулыбалась приветливо, всем своим видом давая понять, что не принесу ему никакого вреда.



окно в бамбуковый сад

Он не встал и не вышел навстречу, лицо его не выразило ни радости, ни удивления.

– Видимо, это не священник, – сказала Томоко, – а продвинутый старший монах, очень дисциплинированный.

Тут нас окликнули. Мы обернулись и поняли – вот он, Мацунами-сан, мягкими шагами идет по саду среди сосен – в длинном синем одеянии священника, круглой бордовой шапочке и в очках. Он хорошо говорил по-английски, без всяких проволочек предложил нам скинуть ботинки и войти в зал.

– Ну, ты – вообще: в дзэнский монастырь со своей подушкой! – говорит Лёня.

Я, чтобы не позориться, быстро спрятала ее в рюкзак.

– А вы? – спросил Лёню Мацунами-сан.

– О, нет, – ответил Лёня, бросив красноречивый взгляд на угрюмую фигуру монаха с палкой. – Пожалуй, я пойду погуляю.

Тут еще подошли двое крепких здоровых парней – венгр и чех в синих монастырских штанах и куртках, мы вошли в зал, низко поклонились друг другу и сели лицом к лицу – я с Мацунами-сан.

Дзинь! – прозвенел колокольчик. Хлоп! – стукнули две дощечки у Мацунами в руках. Он возжег благовония и сказал:

– Начнем с того, что будем наблюдать свое дыхание. Попробуем считать выдохи. Дышим очень медленно – вдох-вдох-вдох-вдох… Выдох-выдох-выдох-выдох… Это совсем не похоже на то, когда вы считаете овец, чтобы заснуть. Медитация – не сон, а наблюдение сна своей жизни. Очень трудно сосредоточиться на дыхании: досчитайте хотя бы до десяти. Если за это время мысли не уведут вас в сторону – все, вы герой!

Сначала дыхание у меня было коротким и прерывистым, в голове полный кавардак, я все время в испуге поглядывала на монаха с кёсаку – так называется палка, которой во время серьезных японских медитаций тебя возвращают от грёз к самосозерцанию. И в то же время постоянно вспыхивала ликующая мысль: «Ой! Неужели я в Японии??? И со мной медитирует настоящий мастер дзэн!!!»

Всякий раз на этом самом месте Мацунами-сан брал свои досточки и «хлоп-хлоп!» – одна об другую. Дескать, в следущий раз уже будет палкой по башке. Постепенно я успокоилась, дыхание стало сильным и глубоким. У ребят, я чувствую, тоже дело пошло. А над Мацунами вообще засияли радуги – я даже испугалась, чтобы весь Мацунами-сан радугами не изошел.

Минут через десять в душе у меня возникло чувство, как будто все двери передо мной широко распахнуты. Такое бывает, когда ты на миг оставляешь свою отдельность, и просто становишься частью потока, как дерево или ручей.

Вот за что я влюблена в Будду – он сделал великое научное открытие: человек в своей обычной земной жизни просто берег космического океана. А медитация – погружение в этот океан, путешествие в сущность бытия.

Мне было даже немного жалко, что я не глазею по сторонам, не наблюдаю исподволь, как энергетические токи идут, словно сквозь провода, по телам этих двух ребят, как весь ушел в запредельное монах, и не любуюсь сиянием мастера.

А все потому, что какая я ни на есть балда, я пережила вместе с ними, вернее, благодаря им, такой потрясающий улёт, что ни глаз открыть, ни пошевельнуться.

О, как бы мне хотелось сказать: когда все окончилось, я почувствовала, что Вселенная не вмещает меня, что я обрела

окончательное и полное просветление, эго умерло в страшных муках, привязанности отпали, а рождение и смерть не имели надо мною больше власти… Пожалуй, нет. Однако такое было хорошее настроение!

Нам раздали тексты «Ханнья-синге», что значит «Великая Песнь Сердца о совершенствовании в мудрости» – символ веры дзэн-буддизма. Эту сутру ежедневно утром и вечером как заклинание произносят в монастырях, завершая дза-дзэн. Вот и я порой распеваю ее у себя в Москве в Орехово-Борисове, правда, на русском языке. А тут она была записана английскими буквами, видимо, на китайском. В литургии дзэн часто используют китайский язык.

«*Кан дзи дзай босацу, ге дзин ханнья халамитсута дзи, шо кэн гоун кай ку, доиссаи ку яку*…» – нараспев читала я на краю Земли с моими собратьями по Чуду, которое мы только что пережили. И я знала, что это обозначает: «*Бодхисаттва по имени Кан-дзи-дзай, достигший полного совершенства в мудрости, постиг, что все вещи в мире, состоящие из пяти элементов бытия, не обладают никакой субстанцией*», – я цепенею всегда, когда читаю эти строки убойной силы. Но обычно-то я одна, а тут мы вчетвером и с нами – мастер!

– «*Все формы мира*, – читали мы, как песню пели, – *произошли от Великого Ничто, наполнены пустотой и являют собой иллюзию. То же относится к чувству, идеям, воле и познанию. Нет ничего рожденного, ничего погибающего. Нет глаза, нет уха, нет носа, нет языка, нет тела, нет голоса, нет слуха, нет вкуса, нет прикосновения. Нет препятствий и нет исчезновения препятствий. Нет старости и нет смерти. Нет ни страдания, ни причины страдания, ни пути для преодоления страдания. Поэтому бодхисаттвы следуют по пути совершенствования в мудрости. Для них нет завесы перед сердцем, а раз нет завесы, значит, нет и страха… Иди, иди за пределы, совсем за пределы, радуйся*!!!»

А Лёня сидел на крылечке и слушал эту нашу песнь.

– Башню, – говорит он, – сносило – только так!..

Потом мы падали ниц и вставали раз, наверное, восемь или девять. Я тоже со всеми падала ниц, и даже не заволновалась, что в какой-то момент упаду и не встану. Мы возблагодарили всех будд, ушедших в нирвану, поблагодарили друг друга, поклонились монаху с палкой. И вышли, найдя Лёню на крыльце… в глубоком покое и блаженстве. Сознание его открылось, и он обрел высшее понимание. Вселенная не вмещала его, привязанности отпали, рождение и смерть более не имели над ним власти.

В честь этого события Мацунами-сан устроил нам с Лёней

чайную церемонию в своем саду – принес глиняный чайник, чашки. И мы блаженно сидели, попивали великолепный зеленый чай из его удивительных чашек.

Я уже знала, что чашке в Японии гость всячески выказывает трепетное почтение, тем более в дзэнских монастырях, где, собственно, и зародилась чайная церемония. В шестом веке в Китае чай начали пить монахи, чтобы взбодриться во время медитации. А постепенно сам этот процесс они превратили в медитацию, где переплелось искусство сада, каллиграфии, монохромной живописи, керамики и составления букетов.

– Я сам создал этот сад! – сказал Мацунами-сан, с гордостью оглядывая зеленую лужайку – травиночка к травинке, подстриженные кусты цветущих азалий, карликовую сосну с одной выдающейся ветвью, а остальными заботливо подрезанными, что устремило это приземистое создание ввысь.

Около громадного валуна он оставил один колокольчик.

Тут я заподозрила, что чашки он тоже сделал сам. Во всяком случае, они лепились из пористой красноватой глины руками, как скульптуры, а не на гончарном круге. И все три разные.

Единственным их украшением была запекшаяся в виде глазури зола и бесформенные темные пятна, которые случайно получились при обжиге. Край чашки – утолщенный, слегка неровный, немного загнутый внутрь, и даже чуть-чуть в одном месте разошелся при обжиге.

Вообще, дзэнские мастера славятся чайной утварью. Сохранилось множество чашек и чайниц, бамбуковых ложечек разных стилей, веничков для сбивания чая в пену, железных котелков, объявленных ценнейшими национальными сокровищами. Вечно их разыскивали, выменивали, покупали за немереные деньги.

В старину подвиги выдающихся полководцев обычно награждались феодальными поместьями, но, случалось, что героев одаривали вместо поместий бесценными ящиком для чая или чашкой.

Сделанная руками пробужденного человека, чайная утварь становилась вестником запредельного. А чайная церемония, которую он проводил, – ритуалом очищения и отрешения от мира.

Если по серьезному подходить к этому вопросу, это целое действо в специально отведенном чайном домике, длящееся часа четыре, оно призвано раскрывать сердца людей, наполнять радостью и печалью, восторгом пережитой красоты и болью безвозвратности мгновенья.

Зря Леня говорит:

– Главное, не жалеть заварки, вот вам и вся чайная церемония!

Пьеса разыгрывается по нотам. Гости проходят садом, по специальной тропинке. Говорят, не существует похоронной процессии, которая была бы более молчаливой, чем эта процессия гостей в состоянии общения с природой и душевного покоя. Как перед входом в храм, совершают они омовение рук, полощут рот, – короче, настраиваются.

Сам чайный домик обычно скрыт в бамбуковых зарослях или в тени вековых деревьев на берегу озера, напоминая приют отшельника. Его делают из неотесанных досок или бамбука, соломенная крыша, глинобитные стены, дом продолжает собою сад.

В домик ведет не дверь, а лаз. Неважно, какой у тебя ранг и чин, ты должен нагнуться, чтобы перешагнуть порог чайной комнаты, как говорили, «оставить меч за порогом». (А меч самураи даже во время сна клали себе под подушку!)

Вот гости входят, усаживаются лицом к хозяину – внутри ничего лишнего, вообще ничего – кроме очага и углубления в стене, где вы будете сражены наповал уникальнейшей вазой с цветком и каллиграфическим свитком.

В строгой очередности вносится утварь. Сосуд с чистой водой, закрытый лаковой крышкой, затем – чашка, веничек и ложка, потом чайница.

Даже если чашки приходится покупать на рынке, то их сначала разбивают, а потом склеивают заново, для того, чтобы чашка стала особенной и неповторимой, похожей чашки уже нигде не найдется.

Вот начинается разведение огня в очаге, символическое очищение утвари шелковым платком невиданной красоты и дороговизны.

Вода для приготовления чая используется только родниковая. Самая лучшая вода издавна считается в Киото. В старые времена ее везли в Эдо по древней дороге Токайдо в паланкинах.

Вода кипятится на углях из сакуры. В молчании сидят гости и слушают «шум ветра в сосновом лесу», так называют японцы клокотание воды в котелке, на дне которого металлические пластинки издают мелодичные звуки.

Когда вода в котелке закипает, длинной бамбуковой ложечкой хозяин достает из чайницы растертый в порошок зеленый чай и, залив его водой, взбивает веничком в пену. Теперь многое будет зависеть от быстроты движения веничка и длительности взбивания.

Чашка церемонно подносится гостю, тот ее церемонно принимает и выпивает чай в три глотка. Чашка подается той стороной, на которой изображен рисунок.

Если заваривается густой чай – по цвету и плотности он похож на суп из шпината, – тогда одна чашка идет по кругу. Первый гость делает глубокий поклон, после первого глотка выражает одобрение хозяину по поводу превосходного вкуса и неторопливо, делая еще два глотка, передает чашку второму гостю, второй, сделав свои три глотка – третьему…

Передавая чашку, каждый тщательно протирает бумагой край. Последний гость опять отдает главному, и тот просит разрешения у хозяина поближе ее рассмотреть.

Чашке может быть лет четыреста, а то и больше, из нее пил прадедушка, дедушка, папа, жизнь нескольких поколений промелькнула, как тень легкого облачка. Гость наслаждается ее формой, цветом, фактурой, поражается красотой ее внутренней поверхности, а затем восхищается дном. Все рассматривают ящичек для чая и особую гордость хозяина – бамбуковую ложку.

Пусть ящичек треснутый и несколько раз починенный, так же как и сама чашка для чая. Это вселяет в хозяина еще большую гордость за их обладание. Он будет жутко разочарован и огорчен, если никто к этим сокровищам не проявит интереса. А так – довольный и счастливый, он отвечает на все вопросы, и даже дает историческую справку о прежних хозяевах столь несравненной утвари.

Может сложиться впечатление – это некий «птичий танец», журавлиные обряды, однако весьма почитаемый в средневековой Японии мастер чая Сэн-но-Рикю говорил, что чайная церемония открывает просветленное сердце, а не демонстрирует виртуозное искусство перформанса.

– Принимайте своих гостей так, – сказал он, – чтобы они чувствовали тепло зимой и прохладу летом.

А на вопрос: в чем секрет чайной церемонии, Рикю-сан ответил почти как мой Лёня:

– Положите уголь, чтобы вскипятить воду, и приготовьте чай, чтобы он был вкусным. Другого секрета нет.

Когда гости уходят, хозяин возвращается в чайный домик, садится перед своим чайником и предается философским размышлениям, прислушиваясь к «ветру в сосновом лесу».

Теперь я переживаю, достаточно ли восхищения обрушила на садик и чашки мастера Мацунами. Мне так хотелось с ним поближе познакомиться. Спросить о его жизни, о судьбе.

– О, это нам придется слишком много разговаривать, – ответил он уклончиво.

И все-таки рассказал, что окончил философский факультет в Токио, но с детских лет увлекся медитацией, поэтому без сожаления оставил карьеру ученого, долго скитался, пока не стал священником монастыря Дайтокудзи.

– Сейчас мне шестьдесят лет, – закончил Мацунами-сан, и мы ахнули.

На вид ему было не больше сорока.

И я все норовила задать ему классические вопросы паломника:

– Вот если у тебя возникли сложные житейские проблемы…

– Надо медитировать, – отвечал он.

– Рождение, старость, смерть…

– Только медитация.

– А вдруг…

– Усиленная медитация.

– Но, что если, в конце концов…

– Медитация, медитация и медитация! – отвечал Мацунами-сан.

– Просветление?..

– Это равновесие между просветлением и заблуждением.

– А вы даете своим монахам коаны древних наставников? «Звук хлопка одной ладони»?

– Я даю им современный коан.

– ???

– Ваша повседневная жизнь – вот ваш коан. Вы сами – единственная проблема, неразрешимый вопрос, над которым надо работать.

– И все же вы используете методы старых мастеров, – сказал Лёня. – Вон какой страшный монах сидел с палкой!

– Какой монах?

– А тот, в конце зала!

– Как вас зовут? – вдруг спросил Мацунами-сан.

– Леонид.

– Леонид… Коган. Мой любимый скрипач, – задумчиво произнес Мацунами и вдруг рассмеялся, как дитя. – А тот монах с палкой – старинная деревянная скульптура!!!

Мы с Леней поклонились ему и, пошатываясь, пошли со двора.

Глава 16
Японский садик

Свободные и счастливые, отправились мы бродить по Дайтокудзи, уже никуда не спеша.

Бродить в Дайтокудзи можно целую неделю, это громадный монастырский городок, объединивший двадцать дзэн-буддийских храмов. У каждого свои отдельные зазывные ворота – старинные, массивные, сделанные из широких досок редчайших криптомерий. Мне, конечно, во все хотелось заглянуть, но нам это было не по карману – за вход бескорыстные дзэн-буддисты просили самое меньшее по четыре доллара с носа. Ибо за глухими заборами скрывали они драгоценные жемчужины – свои знаменитые средневековые японские сады, дальним родственником которых является мой знакомый японский садик у нас в Москве в Ботаническом саду.

Много лет прогуливаясь в Ботаническом саду со сказочником Сергеем Седовым, мы никак не могли посетить этот сад честь по чести, потому что всегда приходили, когда он уже закрыт. Мы даже с Серёгой пару раз перелезали через забор и только-только принимались любоваться холмом и цветущей вишней, каменными валунами на берегу и прудиком с горбатым мостом, слушать пенье лягушек, вдыхать благоухание весенних трав или внимать щемящим осенним картинам угасания природы, напоминающим о бренности мира, как тотчас из-за японской пагоды появлялся наш русский милиционер и молча бросал на нас испепеляющие взгляды. Мы пятились и с позором – опять-таки через забор покидали это священное место…

Именно священное! Поскольку еще до нашей эры изобретательные китайцы принялись сооружать восточные сады – в качестве земного подобия рая. Расчет простой: сама природа призвана открыть созерцателю сада тайну бессмертия. Поэтому первым делом райскими садами окружили дворец китайского императора. Следом – поместья вельмож, дом городского чиновника, хижину отшельника. В самом прекрасном уголке сада ученый, чиновник, поэт устанавливали беседку, устраивали себе из нее рабочий кабинет. И пошло-поехало. Садами сокрушительной мощи и красоты окружили дворец китайского императора. Следом – поместья вельмож, дом городского чиновника, хижину отшельника. Можно сказать, в Китае начала эры случилось повальное увлечение садами. В самом роскошном уголке сада ученый, чиновник, поэт устанавливали беседку и,

счастливцы, устраивали себе из нее рабочий кабинет.

Народ соперничал между собой, у кого сад более «райский», так вот, один средневековый китаец благодаря несравненному великолепию своего сада получил прозвище «Министр Садов» и таким образом навеки остался в истории Поднебесной.

Естественно, деловитые японцы, в любой момент готовые приспособить себе во благо заморские чудеса, взялись возводить свои райские сады. Тем более, из древнего Китая в древнюю Японию прибыли инструкции, как это конкретно делается. Очень поэтичные.

«Чтобы соорудить водопад, – говорится в одной древнейшей книге, – надо прежде всего выбрать камень, с которого будет падать вода. Обрамлением ему должны служить две скалы, олицетворяющие огромные горы, а фоном – настоящие большие деревья. Если ваш водопад – трех или четырех футов высоты, не вздумайте взять искусственно обработанный камень с гладкой верхушкой, но употребите такой, который веками палило солнце, поливали дожди и обдували ветра».

С утра до вечера садовники работают над естественной красотой парков

Кучи забот и хлопот от садового мастера требовало сотворение водопада! Место для него выбиралось вдали от дома, но так, чтобы слышен был звук воды, а в лунную ночь видны были отблески струй.

Десять классических форм водопада провозгласили старые мастера – не больше и не меньше: скользяще-падающий, падающий как полотно, падающий нитью, неровно падающий, падающий слева и справа, лицом друг к другу, отторгнуто падающий… Целая наука!

Деревья подбирали с учетом того, как с наступлением осени переменится цвет листвы, и что за картину дадут зимой голые ветки. Причем каждое растение имело символический смысл: сосна с кипарисом – долголетие и благородство, лотос – духовная чистота, слива и персик – счастье, бамбук – стойкость перед ударами судьбы…

Каменным светильникам – рукотворным, новехоньким – следовало изначально иметь налет древности, чтоб не выбиваться из общего ряда вечных скал и камней. Но твое счастье, если тебе удалось залучить в сад по-настоящему древнюю вещь, которая всей своей удивительной биографией заслужила собственное имя. Как, например, увенчанный славой монастырский фонарь по имени «Утро после снегопада».

Озерные острова – пожалуйста, выстраивай, какие твоей душе угодно – горные, лесные, с молодыми соснами на песке, даже в форме облака, плывущего по воде… Но центральное место изволь отвести *острову черепахи* и *острову журавля*, поскольку эти острова напоминают созерцателю садов о стремлении человеческого духа к глубинам познания и воспарению ввысь, в чем, собственно, и состоит сокровенная идея восточного сада.

Все это я обстоятельно изучила, когда вернулась из Японии.

Но там, переходя из сада замка Нидзё, где – остановись мгновение! – наблюдала низкий медленный полет серой цапли надо рвом с водой вдоль толстой каменной стены, поросшей мхом, – в дивные сады Золотого и Серебряного павильонов… Гуляя по берегу пруда Рёандзи – храма мандариновых уток среди белых, синих и желтых ирисов… Прислушиваясь к шуму ветра в прибрежных ивах и пытаясь угадать в бушующем цветении на водной глади – простые это здоровенные кувшинки, или же мы с Лёней своими глазами видим священные цветки лотоса… Нам и в голову не приходило, что все это – не натуральные природные заповедники, а произведения искусства, связанные с именами легендарных живописцев, каллиграфов и дзэнских отшельников.

Один лишь раз у Лёни закралось подозрение, когда он

увидел, как на сосне сидел мужик и пропалывал на ветке иголки. А его напарник, сверяясь со схемой (видимо это и было руководство древних мастеров), подстригал веточки, замазывая «раны» на стволе каким-то специальным садовым варом, дымчато-золотистым. Притом он умышленно не трогал непомерно разросшуюся сосновую ветвь, со всех сторон подпертую столбиками.

– Э-э, да у них это все не само так растет, – высказал Лёня вполне революционную для нас догадку, хотя она и во мне уже тихо шевельнулась.

Только такой профан, как я, мог подумать, что форма пруда в виде иероглифа «син» («сердце») и расположение камней в воде случайны. А между тем, загадочным для меня образом устанавливая валуны в озере, мастер сада учел даже то, как они окаймят отражение в воде Серебряного павильона!

Если в саду возле дома растет дерево с широкими листьями, например, банан, – и это неспроста, а специально, чтобы «слушать музыку капель» во время дождя.

Если посажены ивы – значит мастер сада любил пенье цикад. И ему было хорошо известно о тайной взаимосвязи ивы и цикады.

Оказывается, сотни, а то и тысячи садовников веками, из поколения в поколение, поддерживают японские сады в том виде, в каком их создали древние мастера. И таким образом заботливо сохранилось бесценное мироощущение просветленного человека: растворенность в природе, благодарность, восхищение, стремление постичь природу, как истину и тайну бытия.

Художник творил сад, словно живописную картину. Вместо бумаги была у него засыпанная галькой площадка или озерная гладь, вместо размывов туши – камни, мхи, пагоды, листва деревьев… Естественно, он никуда не торопился и был далек от мирской суеты. Поэтому зорко видел, до чего хорош лист папоротника на фоне густой и мягкой зелени мха, оттененный светлыми камнями дорожки.

Как Господь Бог, свободно и раскованно, включал он в свою «живописную картину» далекие силуэты гор и лесов, грозовые тучи, падающий снег, сумерки, звездное небо, закатное или восходящее солнце. Все на палитру! Все краски природы! Лишь только изогнутое могучее дерево на переднем плане и легкий абрис горы вдали выдавали взгляд и руку каллиграфа.

Говорят, однажды мастер чая Сэн-но-Рикю снова и снова заставлял своего сына убирать чайный сад.

Наконец тот воскликнул:

– Хватит! Нечего тут больше делать! Ступени я вымыл три раза, каменные башенки и деревья спрыснул водой, мох сверкает

свежей зеленью, на земле не осталось ни одной веточки, ни листочка!

– Ну-ну, – мирно отозвался мастер, – разве так подметают дорожку?

С этими словами Сэн-но-Рикю спустился в сад, тряхнул дерево и рассыпал по саду золотые и алые листья.

Кстати, мы в Токио с Лёней каждый вечер возвращались домой по тихой улочке, там пышный куст белых роз отцветал – осыпал лепестки. Асфальт вокруг подметен, вымыт, вычищен, ни соринки, ни пылинки, но белые увядающие лепестки на асфальте всегда оставались нетронутыми.

Лёня говорит:

– Давай над японцами подшутим – уберем лепестки? Они все вечером сидят в ванне – никто у подъезда на лавочке не поет, на гитаре не играет… Мы – раз, раз – незаметно! Они проснутся – нет лепестков! Вот будет паника!

Камень и несколько веток бамбука в Японии – уже сад. Бывает крошечный сад, будто поднятый с земли и уложенный на тарелку. Или сад всего-навсего из одного камня – как «Суэ-но-Мацуяма» в монастыре Нисихонгандзи.

В Японии камень – это индийская священная корова. Душа японца волнуется при виде камня, тут все важно: цвет, форма, мощь, многообразие камней – морщинистых и дырчатых, ноздреватых и волнистых, пористых, плотных, массивных и легко «проницаемых».

Камням дают имена, подозревают, что у камней человеческие характеры, называют «благородными», «безумными», «сдержанными»… С ними связаны мифы не менее ошеломляющие, чем божественное происхождение японского императора.

Специально для садов разыскивали причудливые камни по всей Японии. Особенно ценились огромные «куриные боги» с отверстиями от выветривания. Их даже привозили морем из Китая. Потому что лучшими в тех краях считались знаменитые «тай ху ши» – камни из озера Тай в Южном Китае, которые на десять лет опускали в воду для шлифовки.

В смутные времена феодальных междоусобиц садовые камни отвоевывали друг у друга, тайно похищали и водружали в иных садах. Это были военные трофеи.

Камни называли «чистейшей семенной энергией Неба и Земли» и считали самыми верными друзьями возвышенных мужей. Ими любовались, к ним прикладывали руки, прислушивались, обнимали… Такое благоговейное отношение к камню, как я поняла, здесь отчасти связано с фаллическим

культом.

Мы были потрясены, когда в книжном магазине в Токио увидели роскошное издание альбома фотографа Йоши Судзуки (однажды он приезжал в Москву, и Лёня показывал ему диковинные московские музеи, водил в «анатомический театр» в Первый Медицинский институт имени Пирогова, в Музей вооруженных сил…).

Йошин фотоальбом под названием «От дороги немного в сторону» запечатлел многое из ряда вон выходящее на своей родине – *даже на взгляд японца*. Например, японские алтари пятнадцатого – четвертого веков до нашей эры: гордо восставшие из земли величественные каменные фаллосы.

Не менее внушительную картину являют собой японские храмы, олицетворяющие женское начало.

Огороженная рисовой веревкой площадка и камень как символ мироздания, вместилище божественной энергии, которая пронизывает все и вся, – вот что такое «японский садик».

А мне, дуре, сначала показалось, что сады камней – всего лишь остатки от ледникового периода, приспособленные находчивыми дзэн-буддистами для созерцания. Слово «дзэн» – как раз означает «созерцание».

Куда там! Расстановка камней в «философском» саду – где камни, песок и галька исполняют роли настоящих гор, каскадов и озер, – магическое искусство, доступное лишь тому, кто может *почувствовать* камень, как самого себя, распознать в камне «позу», «лицо», даже «устремленность»! Поскольку, так сказано в манускриптах, среди камней есть такие, которые имеют склонность убегать, и другие, которые преследуют; одни прислоняются, другие поддерживают; смотрят вверх и смотрят вниз…

Но самое главное – в каждом саду заложена мастером какая-то жгучая тайна, неуловимая, как звук хлопка одной ладони. Напоминание, что на свете есть *что-то еще,* чего ты не ведаешь и не увидишь глазами, а сможешь лишь *ощутить*: «чудо вещей», их тайный, скрытый смысл, до того неопределенный, что его не выразишь словами.

Когда мы с Леней явились созерцать древнейший монастырский сад Рёандзи, скинули сандалии, надели казенные тапочки, расположились на веранде настоятеля монастыря, пришли, как говорится, сели… – вот перед нами длинная прямоугольная площадка. Ровная поверхность засыпана белым гравием, на ней – камни, окруженные буро-зеленым мхом. Гравий расчесан граблями на бороздки, которые огибают группы камней: по два, пять, три, два, три.

Всего здесь пятнадцать камней. Но как ты ни двигаешься по веранде вправо и влево, где ни остановишься, в любой точке – из пятнадцати камней видны только четырнадцать!

Будь ты какой угодно крупный ученый, перед тайным смыслом этого сада тебе придется беспомощно развести руками. И тогда в осязаемом молчании сквозь века раздастся голос древнего просветленного мастера:

– Эй, забредшие сюда из беспокойного мира! Что вы знаете о Реальности, Вечной и Абсолютной? О Боге, о любви, о медитации? Об этом таинственном Существовании, окружающем вас? О странном существе, которым вы являетесь?

А ты в ответ отключаешься от повседневности, тихим и одиноким становишься ты, безмолвным и пустым, флейтой или бамбуком, в котором поет свою песенку ветер.

И вдруг на тебя нисходит радостное понимание: а ни черта ты не знаешь из того, что имеет хотя бы какое-то значение, какую-то ценность. Ничего из того, что сможешь вынести за пределы смерти на другой берег. Недаром *у нас тут* в Японии говорят: «Сад – единственное место, которое существует на свете, но ты не найдешь его. Пока не обыщешь все и обнаружишь везде пустыню».

Сад «Океан пустоты», «Сад Луны», «Море Серебряного Песка», «Сад Листьев Будды», «Драконьего Сердца»… Так бы я и сидела все время в этих японских садах, так бы чаи тут и гоняла! Но до того они дорого за это просят!

Лёня на третьем саде воскликнул:

– Эти камни ходить смотреть – и всякий раз платить по четыре доллара?! Фьюю-у!..

– Ну, буддисты, хороши! – возмущался он. – Им все равно: брать деньги или не брать. Но лучше брать. Стоит, баночку держит, просит деньги… *на укрепление духа.*

– Торговцы в храме!.. – закричал он. – Выветрился дух дзэн из этих мест! Одни бизнесмены сидят – билетиками торгуют, как ни в чем ни бывало! Люди добрые!!! Дзэнские монахи переквалифицировались в бизнесменов! Смотри, идет лысый монах, бессребреник, сейчас сядет на крутую «тачку» и поедет! А садовники – в такси! Свое отработали, переоделись в белые рубашки и белые носки, вызвали такси и домой. Японский бог, на каком лимузине подъехал таксист. Это же профессор! Профессор такси! В белых перчатках и с веером. Не-ет! Только обеспеченный новый русский буддист сможет совершить сюда паломничество! Отщепенцу здесь не место!..

– Внимание! Внимание! – бузил Лёня среди изумленных японских старушек с зонтиками, толп школьников и садовников в плоских соломенных шляпах. – Предлагаю конкурс буддийских

монахов: кто выше цены поставит на посещение своего садика?.. И кто дальше плюнет косточкой от сакуры?..

– И вообще, если тебе нравятся сады камней, мы попросим Пал Иваныча, он нам в Уваровке такой за месяц сделает, – говорил Лёня, решительно увозя меня из императорской столицы Киото в город Кобэ, где нас ждала ученица Яско Танаки, прелестная Саори. Она собиралась повести нас в горы Ёсино, по тропинкам странствующего поэта Басё.

На прощание Яско-сан хотела сделать на память мой фотографический портрет.

– Все фотопортреты писателей, которые я сделала, – с гордостью сказала она, – были последними. Вот мой фотопортрет Корнея Ивановича Чуковского в Переделкине. Вот – Валентина Берестова. Вот Юрия Коваля… – перечисляла Яско Танака ушедших в иной мир литераторов, нацеливая на меня объектив.

– А давайте лучше все вместе сфотографируемся? – поспешно предложил Лёня.

Он выставил на треножнике свой фотоаппарат с автоматической съемкой, нажал на кнопку и сломя голову бросился к нам с Яско-сан, Юзо-саном и Томоко, только и успев до вспышки с благодарностью обнять этих нетипичных радушных японцев.

Глава 17
Камень со смятенным узором

На железнодорожном вокзале города Кобэ нас встретила улыбчивая Саори со своим папой – почтенным Нобумаса-саном. Дело было поздним вечером, город утопал в огнях, поэтому в черном небе звезд не видно, а мерцающие голубые точки в вышине, которые я приняла за незнакомое мне восточное созвездие, оказались крошечным селением, затерянным в горах.

В правом окошке автомобиля простиралось точно такое же бескрайнее и черное пространство, как небо Кобэ, с медленно плывущими редкими огнями.

Я сразу почуяла – океан! И стала проситься хотя бы приблизиться, хотя бы стопы омочить, окунуть руки, омыть его водами лицо… Чем страшно удивила Саори и Нобумаса-сана. Поскольку в Японии океан – это вообще ничего особенного. Примерно, как у нас колхозное поле, засеянное свеклой. Там ходит туда-сюда грузовой и рыболовецкий флот, замусоренная грязная вода в нефтяных разводах, промышленное портовое побережье.

Видимо, японцы любуются миром избирательно, в строгом соответствии с обычаями отцов. Может даже, они не слишком-то обращают внимание на рассветы и солнечные закаты. Зато ночи напролет готовы любоваться луной!

Нередко ночами встречаешь толпы людей, которые стоят, закинув головы и окаменев: какое-то буйство любования луной, неистовство, необузданность… У них даже есть этому процессу особое название: «цукими».

Ей-богу, такое может твориться только в Японии. Во всех других странах все-таки скромнее – взглянул и опустил глаза. Я, например, не сторонник вот так вот таращиться на луну. Это слишком серьезное космическое тело, чтобы на него подолгу и беззастенчиво смотреть, могут быть непредсказуемые последствия, особенно в полнолуние. Они же в этом смысле абсолютно свободны и бесстрашны.

А солнце, океан – не предмет для любования, это источник жизнеобеспечения, такие вещи японец разграничивает.

И вот мы подъезжаем к одноэтажному дому, и на крыльцо (что-то такое там было вроде крылечка) выходит маленькая прекрасная женщина с набеленным лицом – Чизуру-сан, мама Саори. Имя «Чизуру» означает «Тысяча журавлей», тысяча птиц счастья, вот кто нас с Лёней встретил той черной ночью и

проводил в свой веселый дом с тысячей пар тапочек в прихожей и тысячей зонтиков, торчащих из корзины.

Чизуру-сан – учительница в школе. Кроме того, она владеет тысячелетним мастерством, переданным ей ее мамой: Чизуру шьет древний японский наряд кимоно.

И тут перед нами прямо посреди ночи развернулось представление, на которое мы с Лёней и не рассчитывали, и даже об этом не мечтали: из абсолютно невидимых в доме шкафов и сундуков (японский дом пустынен, но когда надо все появляется, – одежда, утварь, еда, постель…) возникли горки аккуратно сложенных кимоно.

То, что происходило дальше, Лёня наблюдал исключительно в глазок фотоаппарата, потому что каждое движение Чизуру-сан, раскладывающей у себя на коленях одно кимоно за другим, открывало живописнейшие картины – заснеженного сада, осыпающейся с деревьев осенней листвы, розовых лотосов посреди голубого летнего озера…

– Тонкие нити спиралей – это водяные струи глубокого омута, – рассказывала Чизуру. – Перекрещенные параллельные нити – сети рыбака; нежно-розовые пятна – облака на заре… (Значит, я неправа, что японцы равнодушны к рассвету!)

– У нас таким символам нет числа, – говорила Чизуру-сан. – Рисунок на шелк живописец наносит вручную. А в старину в селении Синобу для нанесения рисунка на шелк использовали специальный камень «Со Смятенным Узором». На плоскости камня раскладывали разные травы и цветы, на них расстилали ткань, а сверху прижимали другим камнем. И вот на ткани оставался удивительный узор. А ткань, окрашенная полевыми травами, так и называлась: «ткань Синобу». Слово «синобу» означает еще и «томиться от любви», «приходить в смятение». Поэтому ткань Синобу часто встречается в любовной лирике. Вообще, узор и пространство вокруг узора – это особый язык кимоно. В старину его все понимали. Меня этому научила моя мама.

Я спрашиваю Саори:

– Мама училась у бабушки. А ты – у мамы?

– Нет, – сказала она твердо. – Мое хобби – фигурное катание на мотоцикле и каратэ. По каратэ у меня «черный пояс». А мастерить кимоно – особый нужен характер: терпение, смирение, все в таком духе. Но примерить – пожалуйста!

И пошло-поехало. Надевать кимоно – о! это целая история. Например, начинать надо, братцы, с того, чтобы туго запеленать женщину белоснежной материей, похожей на полотенце, до такого состояния, пока она станет плоской и ровненькой, как

дощечка. Затем надевается светлый облегающий легкий халат – «дзюбан», а поверх – точно такого покроя кимоно.

Линии кимоно просты, почти геометричны. Его покрой сложился еще в седьмом веке, и, чуть ли неизменным, дошел до наших дней. Берутся две полы в локоть шириной, длина – в рост человека, но с большим запасом. Сзади эти полотна сшиваются по линии хребта, перекидываются через плечи и сшиваются таким образом, чтобы оставались проймы для рук.

Передние полы называются «маэ мигоро». В месте перегиба на плечах в полотнищах делают надрез для шеи, который обшивается полоской воротника.

Задние полы имеют свое название – «усиро мигоро». Рукав шьется широким, около полутора метра. В нижней пройме рукав умышленно не пришивают. Поэтому под мышкой в жаркую погоду воздух вентилируется и сама собой создается прохлада!

Рукав – «содэ» – служит и рукавом, и карманом. А заодно и средством тайного общения: если рукава подняты к голове – это приглашение на свидание, если разъединены – неизбежна разлука, и так далее, этим символам тоже нет числа.

Запахивается кимоно на правую сторону, ни петелек, ни пуговиц – ничего там нет. Запахнутым его держит пояс «оби» – главное украшение кимоно. Он завязывается на спине выше талии широким бантом.

Японцы говорят, что теперь только бабушка может повязать своей внучке «оби». Хотя есть и другая, довольно заносчивая, пословица: «Женщина, которая не умеет повязать оби, – ничего не умеет». Я же эту мысль сформулировала бы вот так: женщина, которая в состоянии повязать оби, *может все!* Поскольку это ужасная морока! Повязывая пояс Саори, Чизуру-сан кружила вокруг нее полчаса, то опускаясь на колени, то поднимаясь, ее выразительные руки совершали такие точные, выверенные движения, словно она исполняла какой-то древний ритуальный танец.

Кимоно – очень длинный наряд, одну и ту же вещь может надеть и высоченная дылда (такие уже есть в Японии – акселерация!), и крошечная женщина, просто каждый раз его надо заново подгонять под свой размер. Лишняя длина кимоно забирается и подвязывается лентой, напуск закрепляется второй лентой. Затем подвязывают нижний оби – «сита оби», который тоже скрепляют лентой. После этого несколько раз обматывают талию оби, подкладывая под верхний его край на спине подушечку. А поверх этой подушечки навязывается бант! Спереди под оби подкладывают жесткую картонную пластинку, и напоследок оби скрепляется шнурком «обидзимэ».

Этот бант, похожий на гигантскую бабочку, присевшую отдохнуть к тебе на спину, страшно дорогой, ведь оби соткано вручную из парчи. Порою пояс обходится покупателю дороже кимоно. И чем он лучше завязан, чем искусней и сложней на нем вышивка, тем большее восхищение вызывает его обладательница.

На том оби, который Чизуру повязала, облачая меня в бирюзовое кимоно (на Саори надели розовое!), были изображены – на золотом фоне – многофигурные исторические композиции из какого-то стародавнего японского эпоса: люди, кони, повозки, боги, сходящие с небес на землю, церемонии во дворце императора, сражения… И, разумеется, природа, горы, деревья, вода – в таких деталях, на которые только у японцев хватит терпения.

А серебряный пояс Саори просто был сплошь усыпан цветами.

Шел третий час ночи, когда Чизуру-сан окончила завязывать на наших спинах свои неподражаемые банты. При этом она шумно и радостно изумлялась моим – местами еще – пышным формам.

– Как так?!! – она воздевала руки к небу. – Маленькие плечи и широкие бедра?! Все должно быть наоборот: плечи – шире, а бедра – узкие и прямые. Надо же! – она улыбалась и мудро качала головой. – Какие разные бывают люди!..

С гордостью замечу, ее титанические усилия сделать из меня ровную дощечку все-таки до конца не увенчались успехом. Хотя мы немало продвинулись в этом направлении: спереди торс, утянутый оби, стал-таки более или менее плоским, а спина с подушечкой под лопатками – слегка горбатой. Там такой изгиб предполагается – в месте, где спина соединяется с шеей, в общем, у японок это считается привлекательной «зоной».

Странное дело – наряженный в кимоно, ты даже не можешь глубоко вздохнуть, но при этом вдруг возникает невесть откуда плавность, мягкие движения, осознанная походка, благородная сдержанность. Магическим образом кимоно открывает в тебе скрытые резервы женственности.

А если еще надеть носочки из белого полотна «таби» и японскую подошву, на редкость приспособленную к ноге, – деревянные, кожаные или соломенные «дзори», вплести розу в волосы, то хочешь-не-хочешь, а затанцуешь и запоешь полностью тебе незнакомую доселе арию Чио-Чио-сан.

И вот мы стоим и поем: Саори моя – вся в расцветающих вишнях, я – тоже вся – в отцветающих хризантемах!..

А Лёня, тем временем, давно отложил фотоаппарат, и вместе с Нобумаса-саном – рюмочка за рюмочкой, наблюдая за примеркой кимоно, сначала пил виски, потом пиво, перед этим

они выпили вина, попробовали местного сакэ… короче, когда нас уложили спать…

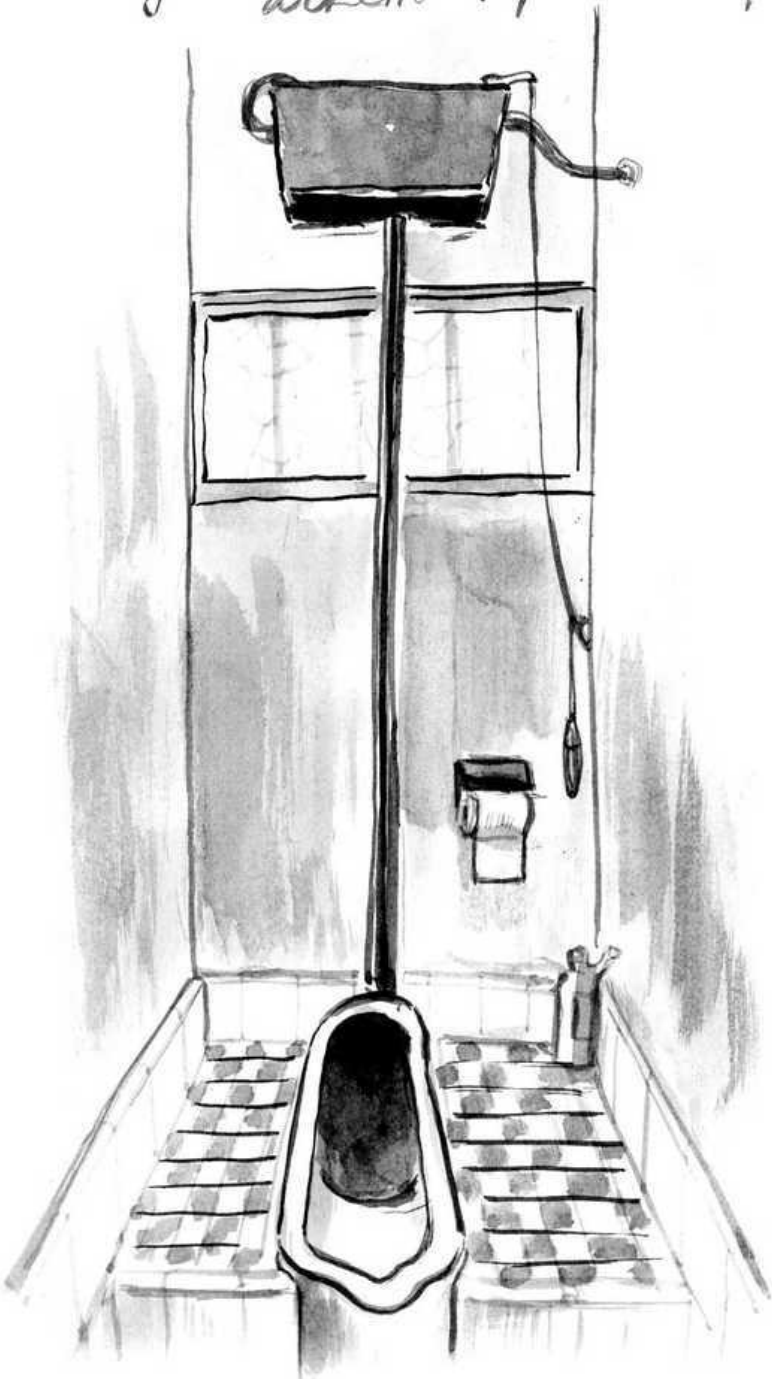
Нет, я должна рассказать, *как* нас уложили. Нам беспримерное оказали в этом доме гостеприимство. Я уже говорила, что все японцы на ночь обязательно принимают ванну («фуро»). К воде – особенно горячей – здесь до того относятся уважительно, что ванна наполняется всего один раз. Но каждый член семьи, прежде чем туда забраться блаженствовать и отмокать, должен как следует с мылом и мочалкой помыться рядом в душе.

Первым совершает омовение отец, а остальные – по договоренности.

Так вот, в эту волшебную ночь право первенства в «службах» любезно предоставили нам с Лёней. Он отправился в ванну, а я в туалет, где вновь был проявлен мною немеркнущий этнографический интерес ко всему, что касается национального японского характера.

Что я обнаружила? Стоит тебе только соприкоснуться со стульчаком, он тотчас приветливо начинает нагреваться и щедро отдавать свое душевное тепло. Я была настолько растрогана этим неожиданным проявлением теплоты, что чуть не расплакалась.

Туалет "восточного" стиля
аскет строг и красив



Туалет „европейского" стиля –
зона повышенной комфортности

Дальше. Обычно постель японца такова: на соломенную подстилку татами кладут жестковатый матрац – фу-тон. Можешь взять два футона, чтоб тебе было помягче.

Нам с Лёней на татами постелили пуховые перины.

И вот лежа на перинах, на плоской подушке, набитой какой-то загадочной крупой (страшно удобно, а главное полезно для позвоночника!), укрытый легчайшими одеялами, тихо шелестящими, а сверху для красоты – расписными японскими коврами, Лёня начал жаловаться, *что на новом месте он плохо засыпает.*

– Да ты просто перепил! – возмущенно говорю я.

А Лёня мне – с укором:

– Я твой спутник в дороге. Нельзя спутника в дороге ругать. На чужбине, полностью в незнакомой обстановке, – бормотал он засыпая. – *Нам тут главное – выжить!*

Глава 18
Это Ёсино-страна!

Ранним утром Чизуру-сан подарила мне на прощание драгоценное бирюзовое кимоно и проводила нас троих в дорогу, в далекое Ёсино, приготовив специальное дорожное блюдо бэнто – отваренный рис и разные к нему добавочки: мелкие рыбешки, кусочки маринованных овощей, морская капуста, хрен… всякая всячина.

Говорят, бэнто, без которого теперь не может обойтись в пути ни один пассажир или путешественник, впервые появилось в конце девятнадцатого века на одной из железнодорожных станций. Как наши люди на станциях продают горячую картошку с солеными огурцами, так и сообразительные японцы использовали пятиминутную остановку поезда, чтобы продать пассажирам коробочки из кедрового дерева, в которых, разделенные перегородками из деревянной стружки, лежали горка риса и самые что ни на есть разнообразные закусочки.

Это оказалось так дешево, вкусно и питательно, что другие станции тоже стали наперебой предлагать пассажирам бэнто. Поистине народное угощение! Появилась целая сеть предприятий, которые готовят тысячу разновидностей бэнто, и каждое – по собственной рецептуре! У всех свои фирменные добавки. Лишь горка риса на протяжении двух веков остается в коробочке неизменной. Без риса, гласит японская поговорка, бэнто не бэнто!

Мы сели на электричку, прихватив с собою подружек нашей Саори – двух очаровательных японок. Мамы этих девушек наготовили им в дорогу полные сумки бэнто. Так что в общей сложности у нас с Лёней образовалось три славных проводника с поклажей: Саори, которая с улыбкой поведала нам, как на мотогонках упала с мотоцикла, сломала ключицу, предплечье, но – что бог не делает, все к лучшему, радостно сказала она, ей выплатили страховку, и на эти деньги она теперь поедет в Россию учиться русскому языку.

Ее подружка – тоже славистка, собирается защищать диссертацию о русских художниках-реалистах, вроде Шишкина с Саврасовым.

Третья тоже твердо и безвозвратно решила связать свою судьбу с Россией, хотя конкретную линию связи пока не определила.

Ах, как приятно путешествовать по Японии на простой

электричке. Мягкость езды – необыкновенная. Ни лязга, ни стука вагонных колес. Дорогим бархатом раз и навсегда обтянуты сидения. Вообще, я заметила, японцам чужд вандализм. Стекла целые, чистые. На стенках и дверях – никаких произвольных надписей. Нам встретился в Японии единственный образец народного граффити, но это сделал не японец. В замке Нидзё на створке ворот, сколоченных из досок редчайших старинных криптомерий, с нездешней бесшабашностью нацарапано шариковой ручкой: «I fuck japanese!» и подпись: «Stefhen from Australia».

Как бы такая благостная железнодорожная обстановка понравилась моему дедушке Борису Терентьевичу, заслуженному работнику МПС! Даже кондукторы в Японии хорошие, добрые, войдут – поклонятся, выйдут – опять поклонятся. А если ты едешь «зайцем», тебя не обматерят, не станут хватать, оскорблять и заламывать руки, но с улыбкой продадут тебе билет. И вы еще до-о-лго вынуждены будете улыбаться и кланяться друг другу…

А ведь, в сущности, до недавнего времени странничество в Японии было очень нелегким делом. Ни транспорта, ни дорог. На каждом шагу заставы со стражами сёгуната, всех без разбору подозревающими в контрабанде огнестрельным оружием. Жесткий паспортный режим.

Одно из старинных донесений гласит:

«Все проходящие через заставу должны снять шляпы и дзукин (капюшон, закрывающий голову от дождя и ветра). Двери паланкинов должны быть широко распахнуты. Паспорта путешествующих женщин проверяются особенно тщательно. Обязательны паспорта для лиц, страдающих безумием, заключенных, трупов и отрубленных голов».

Паспорта не требовали только от самых высших и самых низших сословий. Простому человеку достаточно было иметь рекомендательную записку от деревенского старосты или близкого родственника. Бродячим актерам, чтобы пройти через заставу, следовало продемонстрировать стражникам свое ремесло.

В лучшем случае ты ехал верхом на лошади, но чаще всего – если ты не такая уж vip-персона, которая может позволить себе путешествие в паланкине с носильщиками, – тогда шагай на своих двоих – бродячий монах, проповедник, странствующий ученый, художник, поэт, пилигрим, обдуваемый всеми ветрами, поливаемый дождями, под обжигающим солнцем и в снежную метель, а то и под градом (градины в Японии величиной с каштан, а бывает – с китайский персик!) – от одного села к другому, из одного города в другой, из одних прославленных

живописных мест к другим, записывая угольком от соснового факела на скале или кисточкой на соломенных лентах шляпы строки хайку, легчайшие трехстишия, превращающие мгновение в вечность.

«И вот, перед тем, как выйти за ворота, – сообщает в своих “Записках из дорожного сундучка” бродячий поэт Басё, отправляясь в странствие со своим любимым учеником как раз в горы Ёсино, куда спустя триста лет мы с Лёней пустимся ему вослед, – я в шутку нацарапал у нас на шляпах: “Два путника, вместе вершащие путь, не имеющие дома ни на земле, ни на небе, отправились в дорогу”».

В Ёсино я тебе
Покажу цветущие вишни,
Дорожная шляпа.

В Ёсино ты увидишь
К тому же еще и меня,
Дорожная шляпа.

Давно когда-то на Новый год мне подарили трехтомник старинной японской поэзии «Манъёсю», что в переводе означает «Собрание мириад листьев». Кажется, это первая поэтическая антология в этих краях, восьмой век нашей эры.

Пятьсот поэтов раннего средневековья – прославленных, как Хитомаро, и полностью мне неизвестных, приняли в ней участие. Тут собраны стихи императоров, императриц, принцев и принцесс, любовная лирика царедворцев, генерал-губернаторов, их заместителей, жен, каких-то девиц и старух, песни судей, инспекторов, лекарей, писцов, жрецов, крестьян, солдат, монахов… Сложенные на пиру, в пути, в глубокой тоске о друге, в тоске по родным местам, о мхе, о травах, о колодце, о том, как в старости одолевают болезни… Поэмы сожаления о быстротечности жизни, предания о чудодейственных камнях, раздумья у развалин, потрясающие народные песни, особенно плачи…

По тропинке Басё

И постоянно в возвышенных выражениях упоминалось там некое райское место Ёсино. «В дивной Ёсину-стране… – так кристальны реки здесь, так прекрасны склоны гор…» «Как мчатся водопады в дивном Ёсину, – не наглядеться мне!» «В этом Ёсино дивном… на верхушках зеленых деревьев, что за шум поднимают своим щебетанием птицы?» Не меньше ста раз. Прямо сказочное Лукоморье. Мэтр Хитомаро так и заявил в своем стихотворении:

Много есть чудесных стран
Но страна, где хороши
Виды чистых рек и гор,
Что влечет сердца, одна —
Это Ёсину страна!

Именно в Ёсино испокон веков ездят весной любоваться цветущими сакурами. Здесь цветет особая горная сакура – ямадзикура – белым, розовым и сиреневым цветом. Говорят, во время цветения горы утопают в лепестках цветущей вишни. У японцев есть название этому явлению: «ханами», что значит «любоваться цветами».

В начале марта все японские газеты отводят место прогнозу – где и когда на японских островах зацветет первая сакура. День ото дня этой теме журналисты уделяют все больше и больше внимания, и вот однажды, как об огромной сенсации, люди узнают, где в этом году зацвела первая сакура!

Но где бы она ни расцвела, каждый мечтает провести свое первое ханами на горе Ёсино. В Ёсино наслаждались видом цветущих сакур императоры Японии. Сюда отправлялись поэты и пилигримы. И это неудивительно. С десятого по тридцатое апреля сто пятьдесят тысяч вишневых деревьев расцветают на горе Ёсино.

«*Кто был тот человек*, – воскликнул когда-то поэт Фудзивара Ёсицунэ, – *бросивший здесь когда-то косточки вишен и сделавший горы Ёсино весенними горами навеки…*»

В окне концевого вагона убегали, сходясь, расходясь и пересекаясь, рельсы, сбоку проплывали изумрудные рисовые поля с пугалами в виде классического, бредущего по полю пилигрима – в плаще, соломенной шляпе, с бамбуковой тростью…

Народу в электричке становилось все меньше и меньше, пока на весь наш поезд осталось два паломника – мы с Лёней, три наших проводника и смешной пузатый японец в зеленой куртке, синем картузе, компас на руке, на боку фляга – взрослый парень, сидит, испуганно озирается и тревожно качает ногой.

Лёня говорит:

– Наверно, там, в Ёсино, бабушка его встретит с оладьями.

А впереди уж виднелись нежно-зеленые горы в туманной дымке – самой далекой и самой конечной станции всех железнодорожных линий на острове Хонсю – это Ёсину-страна!

Платформа была пустынной – сакуры-то отцвели! Начинались уже летние «сливовые дожди». И до того эта станция выглядела заброшенной, даже не работал пропускной автомат: просто вышел человек и вручную забрал наши билеты.

И вот, на том самом месте, где мы с Лёней выбрались с рюкзаками из электрички, триста лет назад остановился бродячий поэт Мацуо Басё, и, потрясенный, вспомнил строки, оброненные здесь поэтом Тэйсицу:

Вот это да! —
Только и скажешь,
Взглянув на горы Ёсино.

Глава 19
Изголовье из травы

Да, он шел по этой дороге, именно тут, мне почему-то это важно – в черной одежде буддийского монаха, с начисто обритой головой. В руке у него посох и четки со ста восемью бусинами. На шее висела сума, где он хранил два-три китайских и японских сборника стихов, наверняка, «Книгу о Пути и Силе» Лао-цзы, куда же без нее? Тушечницу, флейту и крошечный деревянный гонг.

На нем большая, как зонт, дорожная шляпа, такие носили священники, сплетенная из непромокаемых кипарисовых стружек, плащ из тростника, соломенные сандалии. Издалека его можно было принять за нищего, буддийского паломника или даоса, покинувшего бренный мир.

Однако при ближайшем рассмотрении, чуть ли не каждому встречному становилось ясно, что это прославленный поэт Мацуо Басё, Учитель хайкай или хокку – трехстишия, похожего на звук одинокого удара в колокол, пронизывающего душу, туманный намек – за которым таится вся глубина этого мира.

Таких людей в Японии называли «златоротыми».

За каждым его шагом с трепетом следила вся Япония.

«Птицы сорокалетья» давно прилетели к нему, а сорокалетие считается в Японии первой старостью. Он был такой хрупкий и слабый здоровьем, а пустился в столь продолжительное странствие, что тысячи его поклонников и две тысячи учеников дико переволновались за него.

Его бы могли на руках понести во все путешествия, так его любили и ценили. Но он был беглец. Он не был монахом, хотя учился дзэн. Он просто остерегался мира, понимая, что мир не даст ему непреходящего и беспредельного. А он хотел одного – ясности видения, которая достигается в одиноком странствии по безвестной дороге. В этом была для него и поэзия, и пророчество, и религия.

Басё был Провидцем. У него учился один человек – поэт и художник Кёрай, сочинивший хокку:

Позавчера
Перевалил за те дальние горы
Вишенный цвет.

Басё сказал:

– Сейчас вряд ли есть люди, способные воспринять это стихотворение. Должно подождать еще года два.

Ровно через два года об этом хокку заговорили, люди с восторгом приняли его.

– И откуда он мог знать, – удивлялся Кёрай, – что стихотворение это на два года опередило свое признание? Мне самому и во сне не могло такое привидеться!..

Он бежал от своей феерической славы, званых вечеров, поэтических турниров, от привычного, отлаженного, устойчивого, даже от своей одинокой хижины «Басё-ан» – «Обители банановых листьев», где своими руками посадил банановое дерево и назвал себя в честь него Басё. Это был его друг и брат, такой же беззащитный перед бурями этого мира. Когда Басё пустился в странствия, то замучил соседей просьбами стряхивать с листьев иней и оберегать свою банановую пальму от порывов ветра, даже оставил им письменные наставления, тревожился о ней в далеких краях: «*Как стонет от ветра банан, как падают капли в кадку, я слышу всю ночь напролет*».

Надо сказать, что безвестное странствие по безлюдной дороге не очень-то у него вытанцовывалось: его везде узнавали в лицо, в какое бы селение он ни заходил, его ждали ученики – давние и новые – в Исэ, Нагоя, Ёсино, Нара… Устраивали пышную встречу, приглашали на поэтические сборища: тогда все японцы с легкой руки Басё стали сочинять хайкай.

В провинциях вообще сложилась замечательная традиция: если в дальние края забредал известный поэт, его приглашали за денежное вознаграждение – рукою Мастера – «править строфы», сочиненные местными жителями. Как Пушкин бы сейчас – живой и невредимый – шагал по нашим городам и весям, такое же в Японии испытывали потрясение, когда на горизонте появлялся Мацуо Басё.

Однако такие долгие дальние путешествия были смертельно опасны, это все знали, и он тоже знал. Он ехал в седле зимою, когда даже его тень «леденела на спине у коня», шагал пешком с крутизны на крутизну в ужасную летнюю жару; ночевал где придется – в горном храме, на постоялом дворе, на гребне горного перевала, брел себе и брел, по возможности – по тропинкам, протоптанным в двенадцатом веке его любимым поэтом Сайгё. И вслед за ним вполне мог произнести: *«Дальняя даль. Я один: в месте, где меня не видно; но откуда я могу видеть все»*.

Возможно, с помощью странствий он хотел взглянуть в лицо смерти и умерить свой поэтический дар. Он называл это «путешествием истрепанного погодой скелета» – и был готов

умереть в одиночку в горах среди безжалостной дикой природы.

Смерть в пути.
– Ты один средь полей! —
так сердцу внушает ветер,
плоть насквозь пронизав…

В этом смысле у Басё были заманчивые примеры – его любимый поэт, достигший больших высот в отвержении мира, один из величайших поэтов-странников, монах Сайгё в двенадцатом веке, поэт Соги в пятнадцатом, китайский поэт Ду Фу покинули столицы с тем, чтоб уже не вернуться, приняв решение умереть в пути. Они были звеньями одной цепочки, и через столетия свободно перекликались друг с другом, как иволга с пересмешником.

Соги давал камертон:

Итак, старость близка.
А тут еще сеется в мире
Холодный дождь.

Басё отзывался:

Пусть старость все ближе —
Все же наш мир служил
Пристанищем Соги.

Не у всех вышло так, как задумывалось. Соги отправился в путь, когда ему было уже под восемьдесят. Несмотря на небывалые снегопады, выпавшие на его долю, ледяные ветры, землетрясение, при котором погибло огромное множество людей, старик не чувствовал никаких признаков приближающейся смерти. Ему хотелось увидеть напоследок гору Фудзи – и он увидел. Далекие друзья просили провести с ними его близящиеся к закату дни – он добрался до них и пожил там в свое удовольствие. Повсюду его, как угасающее светило, приглашали участвовать в поэтических вечерах – он там блистал! Конечно, он простужался в дороге, болел, казалось, дни его сочтены, глядишь – он опять воспрянул и выздоровел.

Его ученик Сотё, который торжественно сопровождал Учителя в тот «скорбный» путь, и, честно говоря, рассчитывал, что не слишком много потратит на это времени, вообще уже

перестал понимать, на каком свете он находится.

А старик Соги старательно выводил кисточкой на шляпе из кипарисовых стружек:

Уж немало прошло
с того дня,
что казался последним…

К счастью, и у Басё тоже был повод записать в дневнике:

Умереть – не умер.
Что же, вот и конец пути.
Сумрак осенний…

Вот и мы с Лёней, как говорил Басё, «в поисках веток, надломленных рукой Сайгё», готовы были отправиться след в след за этими писателями-отшельниками, в Японии их называли «индзя»! Хотя они петляли в горах и умышленно заметали следы. Сайгё сам об этом говорил, открытым текстом: «*Дорогу переменю, что прошлой весною пометил, в глубинах гор Ёсино! С неведомой мне стороны взгляну на цветущие вишни*».

Но изначальная тропа, возможно, у них и у нас с Лёней общая – крутой подъем от нынешней конечной станции, вполне впечатляющий, между прочим! А у нас-то тяжелые рюкзаки! Весь наш скарб мы тащили с собой. Это и Басё удручало в свое время.

«Все навьюченное на костлявые плечи первым делом стало мне в тягость, – он писал в дневнике. – Я было вышел налегке, но бумажное платье – защита от холода ночи, легкая летняя одежда, дождевой плащ, тушь и кисти, да еще – от чего никак не отказаться – подарки на прощанье – не бросить же было их? Все это мне стало помехой в пути чрезвычайно».

Хорошо, я нашла в себе силы отказаться от второго кимоно, домашнего, голубого, в сливовых цветах. Щедрая Чизуру-сан хотела преподнести мне его вместе с праздничным – в хризантемах. С двумя кимоно я вообще не преодолела бы ни одного подъема, даже куда более пологого.

Зато этот первый так меня напугал, что я побежала на базарчик и, наученная горьким опытом в Непале, стала выискивать там себе подходящую трость горовосходителя. Отыскала – самую корявую, никто, думала, кроме меня на нее не позарится, и цена ее, видимо, сравнительно недорогая, очень уж у нее непрезентабельный вид. Смотрю – что такое? Двенадцать долларов. Оказывается, она из сакуры. Слишком ценная

древесина, Лёня срочно велел ее положить обратно. И купил подешевле, сосновую трость в виде меча самурая.

И вот, опять ко всему готовая, стою перед Ёсино-горою, вспоминая бодрящие слова Лао-цзы, мол, путь в тысячу ли начинается у тебя под ногами…

А Лёня говорит:

– Что ты так мрачно стоишь, вечно готовая к самому худшему? Вон нас девчонки зовут – тут на вершину отважных восходителей поднимает фуникулер.

Нас, правда, предупредили, что фуникулер очень старый, его соорудили восемьдесят лет тому назад. Подъем на нем довольно опасный. И с этими словами пожилой японец строго посмотрел на меня, почему-то именно я с моим деревянным мечом самурая внушила ему опасения, что как только фуникулер двинется наверх и окажется над пропастью, я начну скакать и раскачивать кабину.

Глава 20
«Немного тепла вместо риса»

Обступившие нас склоны казались неприступно дикими, горные теснины уходили вдаль, вокруг чернели сосны и криптомерии, зеленели напитанные влагой мох и папоротники. Их тут растет два вида, сообщал в своих дневниках Басё: вараби и дзэммай. Жаль, в этих его заметках нет ботанических зарисовок. Я бы хоть посмотрела, чем один папоротник отличается от другого.

Впрочем, в своих путевых дневниках он и так отважно соединил два жанра – стихи и прозу, провозгласив таким образом третий, невиданный доселе жанр, в Японии его называют «хайбун». Притом свою прозу Басё настолько пропитал поэзией, а его поэзия так явственно несет в себе теплоту повседневности, что просто диву даешься на этот диковинный сплав.

Как и записано в путевом дневнике Басё – повсюду нагроможденье скал и утесов, на них стареют сосны и кипарисы, земля и древние камни лоснятся от мха, ни единый звук не нарушает тишины. Даже птицы не пели.

Храмы на вершине оказались открыты.

Мы направились в храм Тодайдзи, один из самых ранних деревянных синтоистских храмов в Японии. Мэтр Сайгё вполне уже мог лицезреть его. Я уж не говорю о Басё.

Широкие красно-коричневые доски криптомерий, – метра три шириной! – из которых крепко, на века, сколочены ворота храма; бревна в несколько обхватов, поддерживающие фундамент и загнутую кверху по углам многослойную крышу с водостоками и колоколами… Сама структура неокрашенного строительного дерева являла собой живописнейшие картины, как будто нарисованные кистью старого японского мастера.

Перед воротами располагался неохватный чан-курильница из пористого темного камня. И вот возжигаешь благовония, зонт и трость оставляешь в корзине у входа. Ударил в колокол, бросил монетку, хлопнул в ладоши…

На потолке гигантские красные бумажные фонари с черными иероглифами. А в уголке сидит – смотрит именинником – священник. Пожалуйста, спрашивай у него, что хочешь – о смысле жизни, об истине, он тебе ответит на любой вопрос, правда, на японском языке.

Хорошо, что мы с Лёней путешествуем в одежде мирянина! Во все храмы Земли заходи безмятежно, всем богам этого мира

воскуряй фимиам, никто тебе и слова не скажет. А бедному Сайгё и бедному Басё из-за того, что они странствовали в облачении буддийского монаха, запрещалось входить в пределы синтоистского святилища. Жизнелюбы-синтоисты сторонились философски настроенных буддистов, считая их «похоронными жуками».

А тем, как и нам с Лёней, видимо страстно хотелось поклониться всем святым местам без разбору, поэтому они, сердечные, из специально отведенного для них уголка вне святилища смиренно творили свои поэтические молитвы.

Сначала Сайгё:

Кто здесь в этом храме
Теперь пребывать изволит, не ведаю я.
Но слезы благоговения
Невольно струятся из глаз.

Через пятьсот лет Басё:

Что за цветы
За этой оградой, не ведаю.
Но аромат…

А спустя еще триста лет – Тишков Лёня:

У свечи в горном храме синто
Попросил я
Немного тепла вместо риса.

Мы шли по горной извилистой улочке, по обочинам стояли в ряд продуктовые лавки, мороженое продавали, сувениры, вдруг я увидела поразительную вещь – не раздумывая бы купила, будь у меня в кармане тысяча долларов! Раковина, в которую трубили горные отшельники ямабуси, поднявшись на вершины священных гор, чтобы привлечь внимание небожителей. После чего эти «небесные почтальоны» прилежно передавали богам просьбы людей из долины.

Не всякий способен извлечь звуки из такого инструмента, более того, не каждый станет и пытаться, ибо только абсолютно чистый духом может отважиться кликнуть богов, стоя на священной вершине. К тому же звук раковины «хора» во времена Басё приравнивался к проповеди Закона Будды.

Но муж мой Лёня, ничтоже сумняшеся, взял раковину с прилавка, поднес ее к губам, закинул голову… и над туманными холмами Оминэ, над пагодами и заоблачными верхушками криптомерий, над зубчатыми дальними перевалами, растворенными в фиолетовой дымке, поплыл этот вечный трубный звук, обращенный из самого сердца Земли к благосклонным Небесам.

Естественно, в тот же миг Небеса разверзлись – и силы небесные явились нам в своем великолепии. А Лёня вернул продавцу волшебную раковину, вскинул на плечи ярко-красный рюкзак и беззаботно отправился дальше, ни о чем никого не попросив. Ну, тогда я сама взяла и попросила, во-первых, чтоб народы в мире немного более дружно жили, чем они живут сейчас. И второе – чтобы Лёня после этого случая не слишком-то задавался.

И так он в Японии страшно важничал.

– У меня такой вид тут гладкий, – говорил он самодовольно. – Сам не знаю почему! То ли экология хорошая. Хотя я бы не сказал, что в Японии экология – «супер». Может, вода здесь особенно чистая?… Гладкий, холеный! Причем именно *Я*, ты заметила?

Главное, сидит, ногу через ногу, в белых брюках, на которые в Москве он давно махнул рукой, в белой теплой рубашке сына Серёни (тот решил ее больше не носить), и вот так высокомерно рассуждает.

– Видишь, – гордо говорил Лёня, – какие у меня кроссовки *белые*?! – и показывает на свои черные кроссовки. – Не запылились, ничего. Вот она какая, хваленая японская чистота.

– Обратила внимание? – спрашивал. – Как я ловко палочками научился кушать обед! Любую кашу-размазню мне подавай, я ее палочками – раз! раз! – подчистую.

До того разважничался, что вообще не делал никаких комплиментов. Ему скажешь:

– Ой, как ты загорел, потолстел! – с намеком, чтоб он ответил: «Это ты, ты, моя дорогая, потолстела и порозовела!»

Не тут-то было.

– Да, – он мне отвечал, надувшись. – *Я* тут в Японии заметно помолодел и поправился.

Как верно заметил наш русский Басё Александр Сергеевич Пушкин:

И гений – парадоксов друг!

Неразрешимые парадоксы связаны не только с художником

Тишковым, поэтом Пушкиным, но и непосредственно с Мацуо Басё. В 1943 году впервые был опубликован «Сопроводительный дневник» к путевому дневнику Басё «По тропинкам Севера» – записи, которые делал его ученик и спутник в странствии, бывший самурай, поэт Сора.

Эта публикация вызвала замешательство в ученых кругах двадцатого века. Еще при жизни Басё считали «святым от хайку», «хайсэй», чье увлечение искусством прочно удерживало человека от мирских страстей. Один исследователь творчества Басё, узнав о том, что у поэта когда-то была возлюбленная, воскликнул простодушно: «Как же здорово, дорогой Басё, что у тебя была любовница!» Хотя бы что-то человеческое, ей-богу, на что можно опереться в своем исследовании.

С веками образ поэта стал окончательно хрестоматийным. Поэтому наши современники были жутко смущены, обнаруживая на каждом шагу серьезные расхождения между тем, что сообщает Сора и тем, что пишет Басё, повествуя буквально об одном и том же. При этом, о ужас! – заметки ученика вызывали куда больше доверия, поскольку они явно документальны и начисто лишены литературного налета.

Например, когда путники прибыли в Никко, Басё до того был растроган названием этого места («никко» – «солнечное сияние»), что сочинил хайку:

О, благоговение!
На зеленую, на молодую листву
Льётся солнечный свет.

Однако Сора свидетельствует, что в день их прибытия в Никко лил дождь, и ни разу не выглянуло солнце.

В другом месте Басё восхищенно описывает красоту Золотого зала в храме Тюсондзи, но Сора прозаически сообщает, что им не удалось найти никого, кто открыл бы для них этот зал, так что путникам пришлось покинуть храм, так и не увидев его знаменитых позолоченных статуй.

Басё комфортабельно остановился на ночлег в доме торговца в оживленном городе, а в своем дневнике записал, что заблудился, «местность здесь пустынная». Выходило, он явно кое-что выдумывал, чтобы его образ соответствовал образу странствующих поэтов прошлого.

Оскорбленные ревнители Басё официально объявили в печати: либо Сора лжец, либо этому парню изменяет память. Только спустя годы ученый мир со скрипом согласился, что некоторое искажение реальности понадобилось поэту для

созидания художественной яви.

И я его понимаю! Летишь-летишь в самолете, трясешься в автобусах, поездах, топаешь пешком, на перекладных преодолеваешь пространства, мерзнешь, паришься, болеешь, тратишь уйму времени, денег, достигаешь заветной цели – и что? Взять и честно написать: сюда приехал – все было закрыто, туда шел-шел, а когда дошел – послали к чертовой матери?! Что ж это такое будет за рассказ?

Пять лет понадобилось Басё, чтобы завершить эту маленькую путевую прозаическую вещь. Для мастера трехстиший, между прочим, огромный труд. Если учесть, что к работе над стихотворением:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер…

поэт возвращался в течение нескольких лет! Да для него каждый хвостик иероглифа важен, каждая перекладинка! Ведь Басё знал будущее, и знал, что его слова бессмертны.

«Всякий может создать дневник, отмечая: „Сегодня с утра

шел дождь, после полудня развиднелось…“, „здесь растет сосна, там протекает такая-то река…“ – писал Басё в „Рукописи из дорожного сундучка“. – Но если в твоем восприятии нет неповторимости и новизны, то лучше молчи! И все ж увиденное по дороге невольно запечатлевается в сердце… И ты собираешь в единую картину случаи, встречи, пейзажи, тяготы и невзгоды пути, видя в этом прекрасный способ уподобиться облакам и подчинить себя воле ветра. Однако в любом случае, – прозорливо замечает он, – люди, примут твои записки за бормотание пьяного или невнятные речи спящего».

Глава 21
«Чай хорош! и вино хорошо!..»

Одна только мера была у него – для жизни и для искусства: *поэзия это или не поэзия*. Так он и заявлял, если что не так: «Это не поэзия». И все дела.

Знаменитый на всю страну Мастер хайкай, звезда, все с восторгом принимали его, гордились, что Басё остановился на ночлег именно тут. А все равно он должен был платить хозяевам постоялых дворов, тем, кто снабжал его лошадьми, расплачиваться за еду и лечение, короче – деньги заботили Басё в пути не меньше, чем моего Лёню. Но в путевом дневнике – ни звука о деньгах. Это не поэзия.

Зато он с удовольствием вспоминает историю, как к отшельнику приехал император и, остановившись у ворот его дома, спросил:

– Учитель, здоровы ли вы?

Тот вышел к нему в простом платье и ответил:

– Я безнадежно болен ключами и скалами окрестных мест, я хронически болен здешними туманами и дымкой.

Ну, что за люди, а? Что это были за люди? Как они мне симпатичны, прямо родные до невозможности, хоть и японцы, и многих давно нет на свете.

Чтобы Басё не заблудился, крестьянин дал ему лошадь и сказал:

– Она вас выведет на дорогу, а потом отошлите ее обратно. Она сама вернется домой, – вывел под уздцы лошадь и вдруг попросил:

– Напишите мне стихи.

«Что за изысканная просьба?» – подумал Басё и тут же сочинил для него:

Наискосок
Через поле ведем коня.
Кукушка.

«Если посмотришь успокоенным взглядом, – записывал в дневнике Басё, – увидишь – любой вещи присуще то, на что она способна, различишь голоса гусениц и шелест осеннего ветра».

Он идет, и все волнует его – плавучие гнезда уток в разливе майских дождей, первый ледок на хризантемах, как стучат

деревянные подошвы по морозным доскам моста или бегут осенние ручьи с крыши вдоль осиных гнезд… «*Как сельдерей хорош*!..» вдруг восклицает он.

Такое впечатление, будто все вокруг окликало его:

– Басё! Басё! И про нас напиши!

«О, сколько их на полях! Но каждый цветет по-своему. Вот высший подвиг цветка!» – приветливо отзывался Басё. – «*Все выбелил утренний снег. Одна приманка для взора – стрелки лука в саду». «Легкий речной ветерок. Чай хорош! И вино хорошо! И лунная ночь хороша!..» «Едва-едва я добрался измученный, до ночлега. И вдруг – глициний цветы!» «Вконец отощавший кот одну ячменную кашу ест… А ведь еще и любовь!» «Печального, меня сильнее грустью напои, кукушки дальний зов!..» «Я к цветущим вишням плыву. Но застыло весло в руках: ивы на берегу!»*

Если ты тих и одинок, считал он, тогда деревья – твои учителя, ручьи – книги, а камни – молитвы. Он шел здесь, когда вишни уже отцвели, но вечнозеленые обступали его – крошечного путника – громадные криптомерии.

Они и нас тоже с Лёней обступили, эти же самые! По всему видно, некоторым из них не меньше тысячи лет. Как трубы органа, они уходят ввысь, унося за облака хвойные колючие кроны. Все оттенки красного на стволе – особенно у корней красный густо замешан. А ствол – мохнатый, лоскутный. Лоскуты коры используют в храмах, как записочки. На них пишут имена, возжигают, и к небу уносится дым, как поминовение – во здравие или за упокой.

Между лентами коры песок, мох, паутинка. Но никаких насекомых! Чистое дерево. Хочешь, обнимай его, сядь в тени на переплетенье корней, прислонись спиной, ляг – поспи! Криптомерия будет стеречь твой сон. Никто тебя не потревожит.

Недаром ее считают священной. А древесину ценят на вес золота, каждый ствол стоит несколько миллионов йен. Особенно японцы дорожат строительными досками в несколько метров шириной, которые получаются, когда ствол распиливают по самому широкому сечению.

Но криптомерию стараются использовать только для строительства храмов. Рубить живое дерево, «ниспосланное с неба», не разрешается. Можно только использовать деревья, упавшие во время бурелома или грозы. Поэтому доходы храмов, которые стоят в лесу криптомерий, порой зависят от разгула стихии.

И такой там запах новогодний – хвойный и лимонный! Дорожка мягкая, тоже красноватая. А по обочинам дороги у корней криптомерий растет крупная земляника в темной траве,

довольно подозрительная. Мы с Лёней побоялись на нее набрасываться. И дикие синие ирисы – «заячьи уши».

С ирисами у Мацуо Басё был удивительный случай. Один художник, повстречавшись в пути, сплел ему сандалии с темно-синими шнурками. Другой бы вообще не понял, в чем тут изюминка. Но благодарный, растроганный Басё записал в своем дневнике: «Вот в подобных-то мелочах и выявляется истинная сущность таких чудаков – любителей прекрасного». Синий – цвет ириса – означает благополучие и здоровье. Басё почувствовал, что синими шнурками художник без слов пожелал поэту долгого и благополучного пути.

Один кремниевый камешек ударился о другой и высек искру стиха:

Ирисы.
Ими привяжем к ногам сандалии,
Чем не шнурки?

Когда день преклонился к вечеру, все прибавили шагу. Пора было позаботиться о ночлеге. Я немного отстала – хотела полюбоваться ручьем. Присела на камень. Ручей такой прозрачный, каменный, извилистый лесной ручей. На прекраснейшей из вершин, так писал Басё, ветер шумел в кронах криптомерий, проникая глубоко в душу, стволы покачивались. Ручей журчал, камешки перекатывались… И охваченная волнением, я позабыла обо всем на свете. Причем именно в этом месте позабыли обо всем на свете и Мацуо Басё, и Сайгё…

Басё только вспомнил стихи Сайгё: «*У дороги ручей струится светлый и чистый. “Присяду на миг”, – подумал. Но долго не мог уйти*».

Лёня с девушками кричат: «Марина! Марина!» Вернулись, увидели меня, Лёня разочарованно говорит:

– А мы думали, ты превратилась в криптомерию…

Нет бы произнести что-то возвышенное, лирическое:

Не стала ли туманом ты,
Что в Ёсину плывет
Средь пиков горных?..

В хижину-гостиницу мы добрались уже затемно. Нас встретила светозарная пожилая пара – хозяйку звали Ута, что значит “песня”, а фамилия у них «Южная долина» – они нам дали свою визитную карточку, мол, будете еще в наших краях,

заходите…

Меня и Лёню она провела в пустынную комнату, похожую на спортивный зал, покрытую свежей соломенной циновкой. Татами источал густой травянистый аромат. Стены такие: рисовая бумага в раздвижных деревянных рамах. Они постоянно были раздвинуты, и все ходили туда-сюда, кому не лень.

Ута-сан устроила нам баню. Каждому участнику экспедиции она выдала банное полосатое черно-белое кимоно. Мы в это нарядились, сели на татами и стали ужинать. Из кухни вышел муж Уты с японским мандарином, огромным – с пушечное ядро! И он мне торжественно его преподнес, веселый такой старик.

Ута-сан поклонилась мне и говорит (по-японски, девчонки общими усилиями переводят):

– Какая вы красивая! Какой у вас муж красивый!

Я тоже ей поклонилась и отвечаю:

– А вы-то какая красавица! А у вас-то какой красавец муж!

Так было положено начало большой дружбе. Мы веселились, хохотали, никто ничего не понимал, но все понимали главное.

Лёня, наверно, три часа рассказывал им что-то прямо по-русски. Видно было, что он, наконец, нашел себе на Земле достойных собеседников. Он им втолковывал, как летом жарко в Японии, что скоро пойдут дожди. А сейчас пока светит солнце.

– СОЛНЦЕ! СОЛНЦЕ! Понимаете? СОЛНЦЕ!!! – кричал он и показывал пальцем на люстру.

Они щурились, глядя на люстру, кивали и улыбались.

– А через десять дней будет дождь! – сообщал Лёня какие-то суперточные, невесть откуда взявшиеся метеосводки. – ДОЖДЬ! ПОНИМАЕТЕ? ДОЖДЬ!!! – он красноречиво растопыривал пальцы – и книзу их! Книзу обрушивал до самой земли.

Они поражались, удивлялись, изумлялись, явно не понимали, о чем идет речь, но получали от этого разговора какое-то чисто японское диковинное удовольствие.

– У вас тут овцы-то водятся? – спрашивал Лёня. – Ну, ОВЦЫ! ОВ-ЦЫ!!! Такие кудрявые, – жестикулировал. – От них получают шерсть. ШЕРСТЬ! Знаете? Теплая такая! Ну, ШЕРСТЬ!!! Понимаете? ШЕРСТЬ!!!!

Он так ужасно перевозбудил своих собеседников, что дедушка не выдержал и в порыве радостного гостеприимства кинулся массировать мне плечи сильными крючковатыми пальцами.

У японцев с плечами беда. Изо всех сил они пытаются держаться «на высоте» и «не уронить лицо», отчего у них постоянно напряжены плечи. Повсюду в городах массажные кабинеты. А проявлением высшей степени дружелюбия считается

– кинуться на человека и начать массировать ему плечи. Но, повторяю, это очень теплый, интимный и редкостный жест.

Мы уже легли на футоны в своем спортзале, погасили свет. Вдруг какой-то шум, топот, девчонки побежали вниз по лестнице. Что такое?

Лёня говорит:

– Наверное, началось землетрясение. А от нас скрывают – не хотят огорчать. Или не знают, как это будет по-русски, и стесняются признаться.

Оказывается, по телефону из Киото в эту отдаленную от человеческих поселений хижину позвонила Яско Танака, следившая за каждым нашим шагом не хуже, чем вся Япония за продвижением в горах Басё.

Я подошла к телефону. Она сказала, что наш сын прислал письмо по электронной почте – весьма церемонное, дескать, «желаю процветания Вашей Стране Восходящего Солнца…» и прочее.

Мы так и не поняли, кто это сочинил. Подумали, они в соавторстве с моей мамой. Люся очень искусна в литературных стилях, к тому же они с Сережей в его детстве любили сочинять хокку на даче в Уваровке:

Люся:

Не буду чинить забор!
Пусть к нам почаще приходят
Куры Нюры.

А Серега ей отвечал:

Утром пропел петух.
Дети идут на работу.
Тяжек ты, детский труд!

И они вместе:

Завтра стало вчера,
время летит как птица,
провожает меня прощальным взглядом.

В окно хижины заглядывала луна. Светили звезды. Лёня разволновался.

– Пойду на улицу, – говорит, – посмотрю, что там делается.

– Наверное, там ночь… – сказала Саори.

Мы вышли, и перед нашим смиренным взором возникло величественное зрелище гор и ночного леса. Тишина такая – как в космосе тогда было у космонавтов Сан Саныча и Сан Степаныча. В памяти шевельнулись строки: «*Вековых криптомерий трепет…», «Звезды ночлег обрели на голых утесах…»*

И – сквозь века – тревожный оклик Басё:

…Кто любуется нынче тобой,
Луна над горами Ёсино?

Да вот, любуется тут кое-кто, Мацуо-сан: мы с Лёней Тишковым специально приехали к вам сюда из далекого Орехово-Борисова (Юго-Восточный округ Москвы, очень, знаете, неблагополучный в экологическом отношении район, не то, что горы Ёсино!), шагаем по Вашим следам и созерцаем воспетые Вами пейзажи. Так что, будьте уверены, не перевелись еще странники и поэты в этом призрачном мире!

Глава 22
Мешок с хайкай

Самое смешное, оказалось, что этот наш беспримерный поход был чисто традиционным для Японии. Здесь принято совершать путешествия по местам, вдохновлявшим поэтов, и восхищаться в точности тем, чем восхищались они, вспоминать их строки и представлять, как это их тогда взволновало, и чтобы слезы сами лились из глаз…

Такие места называют «утамакура» – изголовья песен.

Да, оказалось, японцы готовы любоваться исключительно тем, чем уже кто-то из почитаемых ими людей полюбовался, всячески одобрил, да еще написал об этом восторженные или печальные строки.

Тут все будут восторгаться цветущими вишнями или багряными листьями кленов, а невиданные цветы, украшающие безвестные холмы, берега неведомых рек, так и останутся без малейшего внимания.

Говорят, сам Басё не имел никакого желания взойти первым на пик горы или восхититься пейзажем, который поэты до него не замечали. Прямо доходило до абсурда: например, побережье Японского моря, не воспетое ни в каких выдающихся стихах, не было упомянуто и Басё. *«Изнуренный от жары и дождя, я почувствовал себя больным и ничего не написал»*… Но его попутчик Сора в своем путевом журнале сообщал, что, когда они вышли к морю, Старик был абсолютно здоров – лишь бы только не восхищаться тем, чем никто до него еще не восхищался.

Причем многие из вожделенных утамакур – ничем не примечательны. Даже в древних стихах о них всего-то могло быть сказано: *«ничего не осталось от заставы Фува…»* или «*ирисы в Яцухаси давно засохли»*. Но каждый поэт хотел удостовериться в этом сам.

А нам-то с Лёней казалось: мы все так оригинально придумали! Откуда нам было знать, что после смерти Басё тысячи его учеников, многие имена которых не затерялись и не померкли в его сиянии, в самом прямом смысле отправились по дорогам, которыми он прошел. Тысячи поэтов последовали за его тенью, те, кому он всю жизнь передавал секреты искусства своей жизни и своего ремесла.

Он говорил им: отрешаясь от всего, учитесь медленно дышать. Тогда вы познаете реальность, безграничную в своем источнике, поскольку в ней отсутствуют твердые, абсолютные и

независимые сущности, и нет никаких границ и пределов глубокому взаимному проникновению всех вещей. Этот загадочный принцип в Японии называют «югэн». Басё аккуратно перенес его из философии дзэн в поэзию хайкай.

Он говорил: живите и творите в соответствии с глубинным движением и непостоянством всех вещей. Это второй принцип. Его тут называют «мудзё».

Третий принцип – «саби». Покой, притушенность красок, гармония, достигнутая скупыми средствами, невысказанное, затаенное. Печаль от необратимо исчезающего мгновения. Точного перевода нет. Мне кажется, суть этого дела выявил один монах в своей молитве, записанной в путевом дневнике:

«Не дай мне быть ослепленным яркостью, не дай мне быть плененным красками, когда я смотрю на весенние цветы или на багряные осенние листья, но научи меня, что мир непостоянен, когда я любуюсь утренней росой или вечерней луной».

И это не относится к строфам, которые просто говорят о тишине или отрешенности. Космический гул «саби» должен пронизывать жизнь конкретного земного предмета, который ты описываешь в стихотворении.

Очевидная для Басё буддийская идея бренности и иллюзорности бытия привлекла в поэзию четвертый принцип – родного брата «саби» – «моно-но аварэ» – «грустное очарование вещей», когда в магической формуле слов или в наброске пейзажа внезапно открывается ускользающая красота.

В последние свои годы Басё в пику подражателям, которые так и норовили наполнить хокку ложным пафосом и фальшивым глубокомыслием, провозгласил новый ведущий принцип: «каруми» – легкость, непритязательность, прозрачность формы, наполненной поистине глубоким смыслом, юмор, теплое сочувствие к людям много видевшего и испытавшего человека. (Между прочим, большинство поэтов, даже преданные Учителю ученики, с негодованием отвергли этот революционный принцип, за его непредсказуемость и взрывоопасность).

Похоже, в своей Банановой хижине Басё был руководителем семинара, такого, какой у нас в Союзе писателей много лет вел поэт Яков Лазаревич Аким. По такому же принципу: чтения, обсуждения, выпуск сборников и альманахов.

И Мацуо Басё, я заметила, слово в слово говорил ученикам то же самое, что и нам Яков Лазаревич:

– Твои мысли могут блуждать где угодно: в мире природы, святых мудрецов, можешь описывать императорский дворец или келью отшельника. Не возбраняется даже – нищих и монахов. Но не дай тебе бог слагать стихи о чем-то, что самого тебя не

затронуло: это будет иметь дурные последствия и, кстати, в первую очередь повредит тебе самому.

Или:

– Надобно запечатлеть в слове то мгновение, когда сияние, исходящее от вещи, еще не погасло в твоем сердце.

– Хокку возникает тогда, – говорил он, – когда семь чувств и десять тысяч форм запечатлеваются в твоей душе. Например, если говорят о соловье, который поет, опустившись на ветку сливы, то это не хокку. А если сказать: «*Соловья опрокинула навзничь первая трель»* – это хокку.

Еще он говорил:

– Следует сочинять так же стремительно, как возникают знаки из-под кисти умелого каллиграфа, не допуская посторонних мыслей. Это подобно также стрельбе из лука. Однако новичку тут легко можно сбиться с пути.

– В каждом маленьком хокку, – учил он, – пускай чувствуется дыхание огромного мира.

А это нам вообще Яков Лазаревич Аким повторял на каждом семинаре:

– Человек, создавший за всю свою жизнь три-пять превосходных хокку, – настоящий поэт. Тот же, кто создал десять – замечательный мастер.

(Сам-то Басё оставил около тысячи прекрасных стихотворений. И написанного им хватит, чтобы нагрузить хорошую повозку).

Недоговоренность и тот и другой называл сестрой таланта.

Басё первым провозгласил, а художник Ван Гог спустя двести лет подтвердил: видеть надо все, как при вспышке молнии.

Вот это мне страшно нравится:

– Сосне учись у сосны, бамбуку учись у бамбука. Забудь о своеволии. Когда человек проникает внутрь вещи, она открывается ему вся до самой малой малости, порождая чувство, которое тут же становится строфой.

Поэт за работой

Еще Учитель говорил, что, высоко воспарив душой, следует возвращаться к низкому. Надо стремиться отыскать истину в повседневности. Хайкай берет все, говорил он, что непригодно изящному искусству слова. Соловей, поющий в цветах, тут превращается в соловья, роняющего помет на лепешку, и таким образом, мы понимаем, что живо еще воспоминание о встрече нового года.

– Выходит, по-вашему, – кто-то спросил у него, – в стихотворении можно говорить об испражнениях?

Учитель ответил:

– Ничего дурного в том нет. Однако даже в цикле из ста строф нельзя упоминать об этом дважды.

– В хокку, – считал он, – есть три главных правила: искренность, непричесанность и соразмерность. (Всего-то навсего, – добавим мы от себя).

– В основе всякого творения, – напоминал, – лежит Учение о неизменно-текучем. Если забыть о неизменном – легко лишиться почвы и опоры. Забудешь о текучем – утратишь новизну.

– Неверно было бы хокку составлять из разных кусков, (бесценные давал он советы, бесценные!!!), – трехстишие надо ковать, как золото.

– Пускай твои хайкай, – он говорил, – рождаются из сердца, а не от мастерства.

И посвящал их в такие тонкости!

– Строфы, – рассказывал, – имеют то, что можно назвать «тропинка слов». Это движение, бег строфы. Как вода струится в канаве – следует избегать запруженности и застаивания. Или как развевающиеся на ветру ветви ив – хорошо, когда они податливо-гибки. К тому же, – добавлял он, – в свитке должны быть одна-две строфы неожиданно-причудливые.

И лукавый подводил итог:

– А впрочем, в искусстве хайкай есть то, чему нельзя научить. Более того, – шутил Басё, – мешок, в котором спрятано это искусство, еще не развязан!

В таком японском духе, но в иные времена закончил свою книгу о природе творчества испанец Сальвадор Дали:

«А теперь я раскрою вам главный магический секрет. После того, как вы научились правильно рисовать карандашом и правильно рисовать красками, мастерски овладели техникой акварели, проникли в скрытые достоинства красок, поняли, как они взаимодействуют друг с другом, и узнали многое, многое другое, я должен вам сказать – от всего этого не будет никакого толка! Ибо последний и главный секрет заключается в том, что когда вы садитесь перед мольбертом и начинаете писать картину, совершенно необходимо, чтобы рукой вашей водил ангел».

Когда Учитель занедужил и слег в Нанива, он предложил ученикам написать стихи на тему ночных бдений у ложа больного и сказал:

– С сегодняшнего дня ваши строфы – это строфы после моей смерти. Я не имею права более ни на один совет.

Строф было множество, но Басё отметил одну:

Листья плюща
все как один в движеньи.
Осенний ветер.

– В данное время в душе пробуждаются данные чувства, – согласился Учитель, преподав им последний урок: никогда нельзя быть свободным от вдохновения и от поисков прекрасного.

Его попросили написать последнее стихотворение.

– Каждое стихотворение, – ответил он, – которое я когда-либо сочинил в своей жизни, – последнее.

И продиктовал:

В пути я занемог.
И все бежит, бежит мой сон
По выжженным полям.

Он умер от расстройства желудка, когда ему было пятьдесят лет. По японскому исчислению человеку засчитывается еще один год – утробный. С «утробным» – пятьдесят один. А мы с ним так сблизились за время пути. Лёня очень о нем горевал.

– Ты представляешь, – он мне сказал, – будь я рядом, я мог бы спасти Басё вот этой пачечкой левомицетина!

Глава 23
Ноздря Будды

Что меня потрясло, конечно, в Японии – это гигантские изваяния Будд. Мы видели два таких изваяния. Первый заоблачный Будда явился нашему взору в городе Нара, таком старинном – еще Басё удивлялся, когда бродил там от храма к храму, какой это древний город. А было это в 1687 году!

Так он и записал:

Аромат хризантем…
В капищах древней Нары
Темные статуи Будд.

Если я правильно поняла, эпохи, на которые делится многотысячелетняя история Японии, иногда называли в честь городов, переживших свой звездный час именно в связи с тем, что они становились японской столицей. Туда перекочевывал император со всем своим окружением и на неопределенное время раскидывал свои шатры.

Таков и город Нара, куда мы спустились с гор Ёсино. Правда, эта эпоха для царствующего в ту пору императора – звали его Сёму – была на редкость неблагоприятной. В городе вспыхивали мятежи – могущественный клан Фудзивара только и мечтал свергнуть ершистого Сёму и возвести на престол кого-нибудь попокладистей.

Тогда император, не долго думая, решил просить Будду о защите и покровительстве. Причем, по-крупному. 15 октября 743 года вышел императорский указ о строительстве в Нара Великого Восточного храма Тодайдзи с громадным Залом Большого Будды – Дайбуцудэн, куда задумано поместить грандиозную статую Будды Вайрочана (по-японски Будда – Великое Солнце), ответственного за космическую гармонию.

Лучшие мастера приступили к сооружению статуи. Будда в Нара – это такое же чудо света, как египетские пирамиды, Стоунхендж или статуи острова Пасхи. Хотя не ясно, как сделаны пирамиды и статуи Пасхи, вообще, во времена, когда не было ни подъемных кранов, ни транспорта для подобного груза, ни соответствующих дорог?

Зато до наших дней в подробностях докатилась эпопея – как появился Будда в Нара. Сначала отлили маленькую модель

статуи Будды. Потом из громадных бревен соорудили ее остов. Целый год это бревенчатое сооружение обмазывали глиной, смешивая с песком. Когда форма была готова, принялись за литье.

Японцы впервые взялись сооружать такого колосса. И, боже мой, какое невезение с отливкой Будды ожидало мастеров! Этот каскад катастроф можно сравнить лишь со злополучным строительством дворца Екатерины архитектором Баженовым у нас в Царицыно.

Правда, японцы по своей натуре – более целеустремленные, чем наш брат россиянин. Вообще, не в характере японца делать, делать, а потом бросить и забыть. Восемь раз они начинали заново. Днем и ночью на протяжении двух с лишним лет зарево над площадкой, где отливали статую, виднелось за несколько десятков километров. Со всей Японии сюда везли медь, олово, ртуть. Чтобы покрыть тело статуи золотом, залежи золота отыскали на далеком севере, где обитали предки нынешнего народа айну, незадолго до этого покоренные правителями Японии.

С каким благоговейным трепетом взирали маленькие японцы на поистине космогонического – шестнадцатиметрового Будду. Он сидел, скрестив ноги, в позе «лотос» – всем японцам известно, что такая поза располагает к углубленному самосозерцанию и просветлению.

По обывательским подсчетам лицо его… – неловко так говорить о безмятежном, исполненном покоя лике Будды, но как еще сказать? Лицо его «от уха до уха» было пять метров. Длина вытянутой ладони – около четырех, а средний палец достигал двух метров! Его глаз мудрости во лбу – знак того, что Будда насквозь видит этот мир и всех его обитателей, – был больше человеческой головы, а в ноздрю легко бы мог поместиться некрупный взрослый японец.

Что ж касается истинного представления о размерах изваяния, вспомним изречение древних: «Знай, что чашу и одеяние, равно как и кулак и ноздри патриархов, переданные нам, точно измерить невозможно».

Добавлю, что пьедесталом Будде Великое Солнце служил цветок лотоса весом в сто тридцать тонн. А на всю статую ушло четыреста сорок тонн меди, восемьдесят две тонны олова и незафиксированное в веках, никем не учтенное, фантастическое количество золота.

Лес для Зала Большого Будды рубили в горах к северу от Нара. Связанные в плоты бревна сплавляли по рекам, а на речках-то сплошь – мели да перекаты. На каждой мели сооружали

плотины. Сквозь узкие скалистые участки сплавлялись бревна по двадцать метров длиной и по два метра в обхвате! Чтобы деревья не застревали, сплавщикам приходилось расширять в расщелинах русла рек. В конце пути бревна вытаскивали на берег и еще шесть километров до статуи Будды, над которым теперь возводили храм, тысячи людей и сотни волов – день за днем, ночь за ночью – волокли этот тяжкий груз.

Если вы когда-нибудь со всем вниманием, на какое способны, хоть раз взглянули в глаза Будде, я имею в виду его лучшие изображения, вы не могли не почувствовать, что в эту минуту происходит глубокий контакт с Существованием. Многие говорят: человека охватывает душевное спокойствие, умиротворение, внутренняя гармония.

Я лично цепенею, когда смотрю в его полуприкрытые глаза, меня пронизывает его взгляд – он видит каждую мою мель, каждый порог, до дна, до самого того момента, когда меня тут не было, в этом мире, и никогда уже не будет. Он обжигает, Будда. Ты можешь расплавиться под его взглядом.

А этот *покой* в его глазах – *пламенный покой*.

К чему я клоню? Взгляд Будды – для мастера очень ответственное дело, сродни молитве или медитации. В Японии это называется *кайгэн куё* – «служба по случаю открытия глаз». Могучая храмовая служба, когда более десяти тысяч монахов из всех окрестных храмов читают сутры, а продвинутый человек, *познавший в самом себе природу Будды*, рисует глаза божественному изваянию.

9 апреля 752 года на церемонии освящения Большого Будды при невероятном стечении народа в присутствии императорской четы эту миссию в Тодайдзи взял на себя монах Барамон, специально приглашенный из далекой Индии, возможно, первый индус, попавший в Японию.

Старожилы не припомнят такого торжества, какое было устроено в столице по случаю «открытия глаз Будды». Это был полный триумф Большого Будды в Нара.

А дальше пошли невзгоды. Спустя сто лет во время землетрясения у статуи отвалилась голова. В исторические хроники занесено «еще несколько подобных случаев», причиной которых служили вторжения самураев, поджоги, пожары, тайфуны с ливневыми дождями…

В какой-то момент, по словам опечаленного очевидца, «исчез без остатка священный лик, сгорела и вся голова, упала и лежала теперь во прахе, а тело, расплавившись, уподобилось бесформенной груде…»

Все страшно переживали за Большого Будду.

Басё, бродивший тут в довольно смутные времена, сочинил горестное стихотворение и озаглавил его:

Там, где когда-то высилась статуя Будды

Паутинки в вышине.
Снова образ Будды вижу
На подножии пустом.

Но всякий раз находился монах или буддийский священник, который пускался в путь на расшатанной одноколесной тележке – ее катили по дорогам парочка его сподвижников, и, чуть ли не в одиночку, убеждал *всю* Японию, что храм Тодайдзи должен быть восстановлен в его былом величии, чтобы Вселенский Закон Будды торжествовал на этой земле.

Его молитвами, а также пожертвованиями и неимоверными стараниями целого японского архипелага храм в Нара восставал из пепла, а потом снова превращался в руины.

Только в 1709 году он стал таким, каким мы его увидели. Басё уже этого не застал. Он был здесь в 1692 году, а через два года умер. Но может быть, он оказался свидетелем торжественной церемонии освящения нового Большого Будды. Когда человек, отрешенный от мирской суеты, вновь открыл статуе глаза и подарил ей свой просветленный взгляд на этот мир.

А спустя три века, мы с Лёней предстали перед этим ликом и этим взглядом.

Теперь статуя была поменьше, чем та, первоначальная. Об этом говорило некое отверстие в колонне, сквозь которое по очереди пролезали школьники. Целые классы выстроились в очередь – и пролезали, пролезали… Тот, кто потолще, застревал, тогда его с диким хохотом проталкивали с одной стороны, а с другой вытаскивали.

Это отверстие показывало размер ноздри теперешнего Большого Будды. Хотя взрослый туда уже не помещается, как в прославленную ноздрю того самого первого и самого огромного Будды – Великое Солнце, но все-таки и эта тоже, прямо скажем, весьма немалая ноздря!

Вообще, Дайбуцудэн как был, так и остается самым большим деревянным строением в мире, а эта статуя – одним из самых огромных скульптурных изваяний во всей мировой истории. Прямо не верилось, что над всем этим ужасающе древним сооружением летит самолет.

Казалось бы, даже в самой счастливой человеческой жизни возможна только одна встреча с таким удивительным и

грандиозным Буддой. Но – чудеса, да и только! – спустя несколько дней в Камакура, старинном городке двенадцатого века, на полуострове Миура у залива Сагами, мы с Лёней обнаружили Будду еще большего размера – великую бронзовую фигуру Будды Амитабхи.

Причем мы долго ее искали, чуть не проехали эту станцию на электричке, какой-то школьный учитель – японец, энтузиаст родного края, стал нас заманивать доехать до его остановки, там, говорит, у нас в лесу такой гигантский Будда, вы ахнете, когда его увидите. А потом все-таки признался, что хоть у них на полустанке *ужасно большой Будда*, но все-таки в Камакура – еще больше!..

Мы вышли, долго шли, мне стало плохо, я Лёне говорю:

– Давай, корми меня обедом!

А он:

– Каким обедом? Я тебе билет купил – на метро и на электричку!

Я говорю:

– При чем тут билет?

А он отвечает:

– Так ведь *туда и обратно*!

Тут Лёне стало плохо, у него зуб заболел. Он у него еще в Москве начал болеть, но Лёня по легкомыслию перед отъездом не сходил к зубному врачу.

Я смотрю, у него вся щека распухла. Боль невыносимая. А на пути у нас дзэнский храмовый комплекс Энгакудзи, названный в честь «Энгаку-Кио» – «Сутры Совершенного Просветления». Лёня говорит:

– Давай зайдем, хотя бы на лавочке посидим.

А там около двадцати храмов, и ни одной лавочки. Мы, бедные, ходили, бродили, вконец обессилели и примостились на каменных ступеньках у одного из них. Сели, пригорюнились.

Вдруг Лёня говорит:

– Ой, зуб-то у меня прошел! Опухоль опала! И больше ничего не болит!!!

Я думаю: что-то тут не то. Взяла путеводитель по Энга-кудзи, нашла этот домик с приподнятыми углами крыши, резным деревянным коньком – и читаю:

«Шэри-дэн – Храм Святого Зуба Будды. Здесь хранится национальное сокровище Японии – настоящий зуб Будды, преподнесенный в подарок Санетомо Минамото от Нонин-жи в Китае. Храм выстроен в эпоху Камакура (1192–1333 гг.) по китайскому образцу и за свою красоту сам тоже считается японским национальным сокровищем.

Ну, тут и Лёня где-то в глубине души возблагодарил Будду. И мы двинулись дальше. Дело к вечеру, стал накрапывать дождик, надо торопиться. Ищем-ищем гигантского Будду – не можем найти. Как будто это иголка в стоге сена. На каждом шагу буддийские храмы с мокрыми аллеями высоченных сосен и низкорослых стелющихся сакур. В одном храме в алтаре мы увидели Ботхисаттву Каннон – Божество Всепрощения: позолоченное изваяние в полный рост – девять метров, сделанное из единого ствола камфорного дерева. Чудо из чудес!

Я говорю:

– Лёня! Сфотографируй! Я хочу видеть это лицо перед собой всю оставшуюся жизнь.

А Лёня:

– Смотри, на табличке написано: «Тут нельзя фотографировать, и нельзя *рисовать*!» Но это не Будда! Где Будда самый большой???

В раж вошел.

Мы стоим на холме, в туман уходит залив, дождик моросит, рыбачьи селения разбросаны вдоль необозримого японского побережья. И сотни маленьких каменных фигур божества Дзидзо – покровителя путников, детей и беременных женщин – окружили нас, одетые в ситцевые фартучки и разноцветные шерстяные вязаные шапочки.

Лёня спрашивает у прохожего монаха:

– Вы, случайно, не подскажете, где самый большой Будда в мире?

– Там, – махнул он рукой от залива.

– За мной! – крикнул Лёня.

Дождь хлещет проливной. Мы бежим – с одной горы на другую. Вверх, вверх. Улица пустынная, в кондитерской на витрине – пряники с корицей в виде Будды! Недорогие.

Я засмотрелась на эти пряники, думаю, друзьям надо накупить – Сереге Седову, Таньке Пономаревой, Якову Лазаревичу Акиму…

Вдруг слышу, Лёня кричит:

– Вот он – он! Блин!

…Он сидел как гора среди гор. Как туча среди туч. За его плечами вздымались горы, покрытые лесами. Надо всем этим великолепием кружили орлы. А в бронзовых складках его ниспадающих одежд прятались от дождя ласточки и воробьи.

– Запомнила, – победоносно проговорил Лёня, – что *Я* тебе Будду показал? Самого Большого Будду??? Ой, ну как же он хорош, наверное, в тумане! Или на закате в ясную погоду! Или тут встречать восход солнца!!!

Теперь мы поняли, почему не могли его найти. Он спрятан на горе в километре от побережья. Чтобы – если шторм, Будду Амиту не достала приливная волна.

И так он натерпелся.

В 1498 году, через двести лет после того, как его возвели на этом берегу и накрыли храмом, на полуостров обрушилось цунами. Все было сметено, разгромлено, храм над Буддой Амитой разлетелся в щепки. Но тело Будды – одно из самых грандиозных бронзовых изваяний на Земле – осталось невредимым.

С тех пор вот уже пятьсот лет он открыт всем ветрам, палящему солнцу, грозам, ливням и снегам. Но даже сокрушительное землетрясение 1923 года смогло разрушить только фундамент, на котором в глубокой медитации, сложив ладони в мудре непоколебимой веры, сквозь прикрытые веки Огромный Будда продолжает взирать на эту землю и небо, не замечая, что горы за его спиной покрываются то зеленью, то желтизной.

В 60-е годы по новейшему слову техники для него сконструировали подвижное основание, чтобы в случае землетрясения он только покачивался на земных волнах.

Что меня еще поразило, у него на спине были два окна. И на этих окнах распахнуты ставни. А внутрь цветка лотоса, на котором он восседал, вела потайная бронзовая дверь.

Теперь я себе не верю, что я это видела. Не верю и все. Хотя есть фотография, где я стою, оглушенная, вымокшая под дождем, как муравей, перед этим великаном.

И это не все гигантские Будды, какие существуют в Японии. Профессор Токийского университета, выдающийся переводчик японской поэзии Александр Аркадьевич Долин, – он выбрался к нам с Лёней как-то вечером на свидание, возил на машине, показывал ночной Токио…

Так вот Александр Долин сказал:

– Лишь немногие знают, что в Токио тоже есть Большой Будда, и он всего на полметра меньше, чем Будда в Камакура.

– Всё, всё, всё! – воскликнул Лёня. – Закончено на Будде в Камакура. Пусть это будет большая, огромная точка! Что ж я теперь на маленького Будду буду смотреть? И вообще, – заметил он, – всех Будд за уши не передергаешь.

– Но к этому надо стремиться, – солидно произнес профессор Долин.

Глава 24
Как мы это поняли?

Когда мы вернулись в Токио, наша подружка Ин Ми, заместитель пресс-атташе американского посольства, сказала, что Лёню, как известного русского художника, пригласили на телевидение. Это почетное предложение. Мы должны тщательно подготовиться. Приодеться, продумать выступление, одним словом, подойти к этому со всей ответственностью.

– В чем же я буду выступать по телевизору? – испугался Лёня. – В Серёжиной рубашке? Какой ужас! А нельзя мне тут купить какой-нибудь пиджак «от Гуччи» за счет телевидения? Или я приду туда в дождевике с твоей тростью и скажу: «Я не готовился на телевидение. Я готовился к восхождению на Фудзияму! Дайте мне какой-нибудь пиджак черный!» Ой, надо побриться, помыть голову, брюки у меня белые, кроссовки черные, классный парень!

Он взял у Ин Ми солидный русско-японский словарь “Иванами” и стал его тщательно изучать. Видимо, решил сразить японских телезрителей эдаким неожиданным словцом.

– «Звезда», – читает Лёня. – «Звездануть». Ого! Дальше идет очень загадочное слово «звездач». Потом «звездины» – что это такое? «Звездить», «звездиться», «звездоносец»… и так далее.

– «Медведь», – читает он, – «медведина», «медвежеватый».

– «Метро», а дальше «метромания»… Откуда это слово «метромания» возникло? Что оно означает? Что они вообще тут насобирали? «Волковщик», «подколенка», «мылонафт», «зайцеобразный»… Между «дуршлаг» и «дрыгнуть» слово «друзг». «Прозаикесса», – читал он, – «прозаизация»… Всеобщая прозаизация!.. «Жмудь»! Я все понял! – говорит Лёня. – Видит кто-то из наших, что любознательный японец собирает слова, и наговорил ему кучу всяких несуществующих производных. Не сами же они дотумкали?! Да-а, с таким словарем не пропадешь!

Встреча назначена на четыре, у нас еще было время погулять и пообедать. Лёня стал метаться по квартире, мыться, бриться, на брюках внизу лохмотья подрезать, собрал каталоги, рисунки, книги, картину свою забрал у Ин Ми. Сама Ин Ми должна была позже подойти прямо на телевидение. К ней пришла учительница по музыке – русская пианистка Ольга, и когда мы уходили, слышали, как она втолковывала Ин Ми по-русски низким волнующим голосом:

– Вы понимаете, эта часть «Ноктюрна» должна быть затишьем

перед бурей!

– Кажется, у меня с голосом не все в порядке, – волновался Лёня. – Горло побаливает, надо купить лимон.

Мы зашли в супермаркет, и Лёня, как загипнотизированный, остановился около двух корзинок. В обеих – лимоны, но на одной корзинке цена очень высокая, а на другой – вдвое дешевле.

– В этой корзинке старые лимоны! – догадался Лёня и купил себе старый сморщенный лимон. – Старый лимон, – сказал он, – для горла очень хорош!

Действительно, было как-то сыро, нам пешком пришлось долго идти, хотелось посетить императорский дворец, но туда в рабочее время не пускали. Император, видимо, работал, – чтоб никто его не отвлекал.

– Над чем он, интересно, сейчас работает? – я спрашиваю.

– Над указами, – говорит Лёня. – Сидит и пишет: «Сегодня всем японцам продляется рабочий день на два часа». «P. S: Кроме, конечно, беременных на восьмом месяце. Они могут уйти домой вовремя».

И подпись.

Дворец окружен высокими деревьями, каменной стеной и рвом с водой, или рекой, я не поняла. Один белый лебедь плыл по черной воде. Как на старых ковриках, которые когда-то в детстве у всех у нас висели около кровати.

Вдруг мы увидели – стрелка: «Музей Науки и Техники». И мы обратили внимание, что из этого музея выходят японцы с белыми пакетами. Простые такие японцы, немного неказистые, несут белые пакеты. Мы заинтересовались, подошли поближе, а там вообще целая толпа с белыми пакетами.

Мы решили, что это выставка в музее – последних достижений научного прогресса, и что японцев вот именно интересует научно-технический прогресс. Например, японская «радарная шапка» для рыболова, с помощью которой гораздо легче обнаружить бедствующих моряков и рыбаков, особенно ночью и в тумане. Или специальный купальный костюм, пропитанный поливинилхлоридом в виде пены, способный удержать на воде самого неопытного пловца, я бы купила такой для Тишкова за любые деньги.

К тому же мы подумали, что там подарки раздают, памятные сувениры, наверное, звездные карты, или модели космических кораблей. Короче, Лёня неудержимо устремился туда и стал прорываться сквозь все преграды, поскольку, по правде говоря, купить мы с ним ничего уже не могли, а только могли получать подарки.

Нас остановили, охрана, контролеры. Леня спрашивает:

– Что у вас тут творится? Выставка? Музей?

А они качают головой из стороны в сторону и загадочно улыбаются.

Еще там стояли люди в синих костюмах, и на костюмах у них написано «Саньо». Лёня им говорит – уже всей толпе:

– Неважно – музей или не музей, я хочу знать, что вот эти японцы несут в своих белых пакетах?

Ему говорят:

– Покажите билет.

А Лёня им:

– Нет у меня никакого билета!!!

Тогда к нам подошла какая-то добросердечная женщина, дала два билета. Мы прошли. И – о, ужас! Это был базар одежды, как у нас Красногвардейский рынок. Или в Иерусалиме водила меня моя золотая подруга писатель Дина Рубина смотреть Арабский базар. Только здесь рядами установлены вешалки с одеждой, и простодушно от руки написаны таблички: «КАРДЕН», «ИВ СЕН ЛОРАН», «ГУЧЧИ», «ВЕРСАЧЕ», «ХУГО БОСС» и все в таком духе.

Оказалось, мы получили не билеты в музей научно-технического прогресса, а талоны на дешевую благотворительную распродажу модной одежды со всего мира для работников фирмы «Саньо», которая производит кондиционеры, холодильники, пылесосы… ну, «Саньо»! За ударный труд им вручили эти талоны, чтоб они отоварились – полные мешки набрали «Гуччи», «Версаче» и «Хуго Босс»!

И вот простоватые заводские служащие, женщины, мужчины, мешками накупали эту драгоценную одежду, чуть ли не на вес, а мы глядели и глазам не верили – что может быть картонная стрелка и от руки шариковой ручкой написано: «ИВ СЕН ЛОРАН». Или кого-то интересовала фирма «ГАЛЬЯНО». И такие тетки сидели с мешками в очереди. Просто на обеденный перерыв забежали прибарахлиться – с гигантской скидкой: за пятьдесят долларов в этом музее спокойно можно было купить пиджак, о котором с утра мечтал Лёня, чтоб ему выдали напрокат выступить по телевизору на всю Японию, а так он стоит двести, триста или четыреста.

Ну, Лёня из вежливости тоже решил сделать приобретение. Денег на что-то нужное у нас, невзирая на скидки, уже окончательно не было, так что он купил мне кофточку за пять долларов наимоднейшей фирмы «Ermenegildo Zegna» – белую, с вырезом, облегающую, с яркой серебряной полосой на груди – полностью не в моем стиле. Нам дали тоже такой пакет, и мы пошли, гордые, в дружном строю работников «Саньо», перед нами мужик нес четыре огромные сумки – всем всего накупил, жене,

матери, дочерям, теще, бабушке – сколько смог унести.

Перед выступлением мы зашли пообедать в какой-то подвальчик, заказали лапшу из пакета и по чашке риса. (О кофе не могло быть и речи!)

Лёня благодушно подшучивал:

– Ой, ну какие японцы молодцы! Напиши обязательно – везде дают салфетки! В любой самой паршивой забегаловке, *где всего лишь за двадцать долларов можно заморить червячка!*

Нам принесли лапшу. Лёня говорит:

– Знаешь, этот изобретатель японской лапши – ты должна про него отдельно написать – просто молодец! Столько там всего наворочено!!!

А когда нам принесли счет, он воскликнул:

– Я удивлен! Ошарашен! Записывай мой монолог – я должен выплеснуться!

– Мы – простые русские люди, – он диктовал мне, – пашем-пашем, а то, что нам с тобой платят за текст и фотографии – *вместе*, здесь этого пообедать не хватит! Какой-то жалкий рис – семьсот йен! А качество? Качество невысокое! То, что они там нарезали, налепили, скатали пирожок, сверху – кусок рыбы – и что? Что они думают, это так и стоит?

Он шагал по улицам Токио, глаза горят, всего лихорадит:

– Не притормаживай, не притормаживай, – отмахнулся он от таксиста. – Мы не сядем в ваши лимузины! Притормаживает – в белых перчатках… Только подойти к твоему лимузину – шестьсот шестьдесят йен! Только сесть и проехать десять метров. А там пойдет отсчет. Понятно, почему они распутешествовались – для них везде Непал!

– Люди! Слушайте меня: туризм в Японии невозможен! Нет, нет и нет! Это я вам говорю, Лёня. Как бы вы ни были богаты, если вы не хотите вернуться без штанов и оставить свою семью полностью без средств к существованию, не мечтайте о поездке в Японию! Не слушайте мою жену, не читайте и не мечтайте! Это просто смешно, что я хотел хотя бы на чем-то сэкономить! Здесь невозможно сэкономить ни на чем! Истрачены все бывшие гонорары и все будущие на много лет вперед! Придется мне взвинтить цены на мои произведения. А если японцы вдруг явятся ко мне в мастерскую, пусть держатся за свои кошельки. Разве можно так обесценивать доллар? Они превратили доллар в мусор! Вам ничего не останется на черную старость!..

– Скажите, пожалуйста, как пройти на телевидение «Асахи»? – спросил Лёня у человека европеоидной расы.

Тот показал, спросил, откуда мы. Разговорились. Он австралиец. Его жена – японка. Он десять лет живет в Токио.

– Это хорошее место, чтобы делать деньги, – сказал он с довольной улыбкой.

– … И *очень* хорошее, чтобы с ними расстаться! – подхватил Лёня.

– Да! Да!!! – вскричал он, захохотал, выхватил из нагрудного кармана и подарил нам схему лабиринтов токийского метро. А потом все стоял – глядел нам вслед и махал, махал… Видимо, скучает в Японии о собратьях по расе.

Лёня начал было успокаиваться, но тут мы приблизились к телевидению, и он опять разволновался.

– Наверно, они позвали меня в прямой эфир. Ой, скажешь что-нибудь невпопад, потом будешь переживать…

Я говорю:

– А ты думай, что говоришь, сосредоточься.

– Да перед камерой, – беспокоился Лёня, – как-то особенно забываешься, я себя знаю.

Вот так, волнуясь, причесываясь, припудривая носы, мы подошли к входу на телевидение, где нас поджидала Ин Ми с японским корреспондентом Кииши Такекума, который хорошо говорит по-русски, два года работал в России, почти наш человек. Он пригласил нас в кафе заранее все обговорить. Мы сели за столик, наконец-то подали кофе с взбитыми сливками, а то мне грозил уже гипотонический криз, Лёня достал и разложил каталоги своих выставок, рисунки: «Живущие в хоботе», «Жизнь даблоидов» и приключения фантастического народа водолазов, мы стали рассказывать Кииши-сану о нашем путешествии. Он слушал, затаив дыхание – прямо не шелохнулся. Потом вскочил и говорит:

– Какие люди! А?!! Я должен вас немедленно познакомить с заведующим отделом!

На лифте поднялись в редакцию на сто двадцать пятый этаж. Там сели, снова все разложили, нам принесли кофе «экспрессо», а мы опять давай им рассказывать: про жизнь, про искусство и наши странствия – заведующему отделом международных связей.

Тот кланялся, улыбался:

– Пройдемте, – он говорит нам, – к самому главному директору на нашем телевидении! Он будет счастлив с вами познакомиться!

Мы – к главному. В отдельный кабинет. Вокруг начальники собрались. Солидные люди, в костюмах, в красивых галстуках. В начищенных ботинках. Нам снова кофе принесли – теперь простой черный с сахаром. Они смотрели на нас, как на папуасов, которых Миклухо-Маклай привез из Гвинеи, чтобы показать на заседании Русского географического общества, что он никого не обманывает, а там, действительно, такие есть.

Им, видно, понравилась наша непосредственность и наше чувство юмора. Тем более, мы с Лёней в незнакомой обстановке всегда стараемся вести себя как можно дружелюбней.

Главному начальнику Лёня подарил шелкографию с изображением даблоида – это такое существо, если кто не знает, красного цвета, состоящее из ноги и головы. Там изображен даблоид в снегу с яйцом на ноге. Называется «Не дай яйцу замерзнуть».

А более мелкому персоналу Лёня раздал открытки про водолазов. Хрупкий водолаз с большой-большой головой. Своей головой он опирался на палочку. И подпись: «У этого водолаза очень тяжелая голова».

– САКЭ слишком много вечером было! САКЭ!.. На следующее утро после корпоративной вечеринки! – пошутил Лёня.

Японцы поняли, засмеялись. Начали тоже дарить подарки. Дали нам две коробочки. И хоть у них не принято сразу разворачивать пакетик – если тебе не понравится подарок и ты скорчишь разочарованную физиономию, то даритель может от расстройства чуть ли не умереть. А так ты благодаришь, идешь домой и там уже что хочешь с этой коробочкой, то и делаешь.

Но мы с Лёней были абсолютно в себе уверены: что б там ни было – мы будем только выражать неуемные восторги. Поэтому мы сразу все развернули, раскрыли, Лёня в коробочке обнаружил часы «ТВ Асахи», искренне обрадовался и сразу их надел. Особенно ему ремешок понравился – ремешок такой мягкий на липучке. А мне – ни за что ни про что – вручили увесистый брелок для ключей из чистого японского серебра и черный дамский кожаный бумажник, приятно пахнущий, с множеством отделений.

Снова принесли кофе. И вот, я даже не помню, как мы узнали, что нам пора уходить?.. Недавно у Лёни спрашиваю: «Как это стало понятно? Ведь ты-то пришел выступать перед японским народом! В прямом эфире!»

А он отвечает:

– Не знаю, как получилось. Просто в какой-то момент мы встали, сунули в карманы свои коробочки, поклонились, они нам тоже поклонились, и мы ушли. И нам с тобой никто не крикнул вслед: «Куда же вы? А выступать по телевизору?!!» Вот так нам это стало понятно.

Глава 25
Как мы не увидели Фудзи

Теперь нам оставалось только взойти на Фудзи.

Священная гора давно манила нас с Лёней, когда мы еще и не мечтали о таком удивительном путешествии. Я помню, мы отдыхали в Уваровке, сидели в саду на лавочке, и я прочитала в газете такое сообщение, что на вершину Фудзи поднялась девяностодевятилетняя женщина.

Я тогда спросила:

– Лёня! Ты мог бы влюбиться в женщину, которая в девяносто девять лет покорила Фудзияму?

– Конечно! – ответил Лёня. – Фудзияма – это же не хухры-мухры!!!

Еще я с детства помню почтовую марку: красная гора со снежными прожилками на фоне синего неба в барашках облаков, а может, океана с набегающими гребешками волн и пространными зелеными лесами у подножия, картина художника Хокусая.

Откуда, почему этот сказочный вид, до боли узнаваемый, так часто маячит у нас перед глазами, что кажется уже и родным, и недосягаемым одновременно?

«*Ночью мы слышим порою, как гора Фудзи под нами колышется…*» – писал Дмитрий Александрович Пригов двадцать лет назад, наверняка, в то время невыездной. И тоже она поманила его, и он, человек отзывчивый, тонкой организации, нервной, не выдержал – только открыли дорогу, отправился в дальнюю сторонку, в Японию.

Нет, как вообще человеку приходит в голову – сняться с насиженных мест – Уваровки или Орехово-Борисова, двинуться восходить на Фудзияму?

Сразу надо оговориться: здесь ее никогда так не называют обыденно – «Фудзияма» («Яма» – «гора» по-японски). А только уважительно – «Фудзи-сан». Или «So – ana». Или «So – Fuji». И у нее есть несобственное имя «О Яма», так не зовут больше ни одну гору в Японии.

К Фудзи относятся здесь с яростным благоговением. Вокруг нее кипят жгучие страсти. Когда один режиссер выпустил документальный фильм «Фудзияма», где показал гору Фудзи не как священную вершину, чтимую всеми японцами, «начало Неба и Земли», столп нации, а как обыкновенный вулкан, его привлекли к уголовной ответственности. Самым серьезным образом он был

обвинен в попытке поколебать веру японцев в божественную сущность горы, устои государства, а также в нарушении общественного спокойствия.

Фудзи – повсюду в Японии, куда ни бросишь взгляд – на кофейных чашечках из тончайшего фарфора, на лакированных шкатулках, на кимоно, ширмах, портсигарах…

Во все времена поэты ей посвящали оды, танка, хокку… Только ленивый художник не нарисовал «Сто видов Фудзи» или хотя бы «Тридцать шесть»! Бунтё, Тайга, Хиросигэ, Хокусай, путешествуя по дороге Токайдо, каждый по-своему, донесли до нас, как «*сквозь бег облаков открывает Фудзи сто своих лиц*».

Популярность горы Фудзи в народе столь велика, что к ней устремляются, даже расставаясь с жизнью: я слышала, немало несчастных влюбленных бросились в ее кратер.

Разумеется, столь божественное имя на всю железку используется в коммерческих целях. Не меньше десяти страниц токийского телефонного справочника на знаке «фу» отведены фирмам с названиями «Фудзи». Под этой маркой процветает один из крупнейших банков страны, выплавляется сталь, производится электронная аппаратура… Гостиницы, рестораны, магазины, мороженое, шоколадки…

Наверно, в пику такому идолопоклонничеству – и прошлому и грядущему – в четырнадцатом веке просветленный учитель Кандзан Эген, который двадцать раз путешествовал по Великому восточному тракту, подходя к подножию Фудзи, *ни разу на нее не взглянул*!!!

Вот и я, еще в Москве, задумав подняться на Фудзи в пору цветения сакур, услышала дзэнскую отповедь в духе Кандзана от старшего брата Лёни – директора Этнологического института, академика Тишкова Валерия Александровича, сына школьного учителя географии Александра Ивановича Тишкова с Урала из городка Нижние Серги.

Он промолвил:

– В пору цветения сакур? На Фудзияму? Какая банальность!

А Истина была как всегда где-то рядом и заключалась в том, что ранней весной, когда цветут сакуры, гора Фудзи для восходителей закрыта, поскольку вишни цветут в конце апреля, а на вершине снега не тают до июля. Там вьюги бушуют, метут метели, серьезные дела. Так что сезон восхождения на Фудзи открывается гораздо позже, чем мы собирались поехать: с 1 июля и длится всего шестьдесят дней – до 31 августа.

Тогда там такое столпотворение! В обычные летние дни на гору поднимаются по две-три тысячи паломников, а в праздники и в субботу с воскресеньем – под тридцать тысяч. Это у японцев

торжественный ритуал очищения от грехов и поклонения восходящему солнцу.

А мы-то приехали в мае: ни тебе уже цветения сакур, ни еще – по календарю – восхождения на Фудзи.

Но все равно мы с Лёней не теряли надежды. Заранее подготовили теплые свитера, куртки, шапки, дождевики, купили в Москве «гематоген», полкило миндальных орехов. А вдруг пройдем? Мало ли, как дело обернется. Я вообще предпочла бы прохладу, и даже снега, но безмолвие и одиночество, – а не шум, гам и толпы народа.

Хотя могу себе представить тысячи мигающих карманных фонариков, а иногда и старых фонарей, с какими восходили на гору Фудзи в далеком прошлом, взволнованные голоса, цоканье металлических наконечников посохов, звон привязанных к посохам бубенчиков, чтобы во тьме не потеряться и не сбиться с тропы.

Обычно восходители поднимаются ночью, потому что мечтают встретить восход солнца у небесного храма. Для этого нужно оказаться на вершине – это 3776 метров! – к трем часам утра. А многие до того устают, поздно ложатся накануне, что в самый ответственный момент восход солнца-то и просыпают.

Вот мы с Лёней думали, да гадали, как нам к этой неприступной в мае Фудзи подступиться. Хотели сесть на электричку в Токио, поближе подобраться к вулкану, а там, я предлагала, двинуться пешком – вперед, к знакомым с детства очертаниям.

Мы выяснили, что существует десять этапов восхождения на Фудзи. Чем выше – тем круче. Но за последнее время до середины горы – пятой станции – проложили асфальтовую дорогу. Пятая станция, чтобы не перепутать, отмечена огромной священной тапочкой. Туда можно доехать на автобусе или на канатке.

На этой безразмерной тапочке, мы все заранее разузнали, заканчивается растительность. И пеший переход, который длится пять-шесть часов, предстоит совершить буквально по груде вулканического отвердевшего пепла. Сейчас, в мае, – еще и по снегу со льдом. А заодно и по «небу»: ведь именно здесь по преданию проходит граница неба и земли.

Мы рассказали о наших планах Ин Ми, она сочла это безрассудством.

– Из такого похода вы скоро не вернетесь, – сказала она. – Если вообще вернетесь. Каждый год несколько хайкеров гибнут на Фудзи из-за того, например, что они слишком легко одеваются. Думают: «А-а!.. Ничего!» А там очень холодно наверху. Даже в середине лета люди начинают подъем в нестерпимую жару, а

когда заходит солнце, наступает жуткий холод. Ветры, ливни, снег, лед – нужно несколько пар башмаков и толстых перчаток – камни скользкие, вы будете скользить и хвататься за камни руками. Широкополая шляпа – обязательно! Солнце на Фудзи сжигает даже в пасмурную погоду! Нет, вы спятили, – подытожила Ин Ми. – Вы просто заблудитесь! «Они не вернулись с Фудзи!» – это звучит гордо. А, между прочим, у вас билеты на самолет, сын Сергей, родители и собака.

В общем, она предложила взять билеты на однодневную автобусную экскурсию до пятой станции и обратно.

Я, конечно, расстроилась, а Лёня говорит:

– Ладно, пусть нас довезут до пятой станции. Мы будем ехать на комфортабельном автобусе, любуясь живописными видами Фудзи. А там посмотрим по обстоятельствам. Захочется нам покорить Фудзияму – оденемся потеплей, со всеми попрощаемся и отправимся наверх. А не захочется – сядем в автобус и двинемся обратно. Сколько стоит один билет? – спросил он благодушно.

Ин Ми сказала. Лёня закачался.

– Ой, – сказал он. – Лучше мы с Мариной вообще всю дорогу пойдем пешком. Как монахи древности. Будем питаться плодами этой земли. А отдыхать на траве под открытым небом. Во сколько нам обойдется эта опция?

– Ну-ну, – сказала Ин-Ми. – Давайте без глупостей. Это – с отдыхом в курортной гостинице «Вид на Фудзи» и роскошным ланчем. Возьмите экскурсию подешевле – без ланча и комнаты отдыха. Захватите сэндвичи, термос с чаем. Все без излишеств, по-спартански. Зато у вас будет транспорт, англоязычный гид, по крайней мере, вас точно привезут на Фудзи…

И вот ранним утром мы подхватили наши дождевики, теплые свитера, куртки, фотоаппарат, пленки самой разной чувствительности, шапки – и со всем этим скарбом выступили с территории американского посольства. Мы шагали по утреннему Токио, пасмурному, сырому, облачному, дождик накрапывал, но было довольно тепло, я шла в сандалиях на босу ногу, – вид у нас был именно такой, с каким лучше всего не в сезон покорять Фудзи.

Сбор у центральной гостиницы «Ана-Хотел». Потом на такси каждого отдельно доставляют к экскурсионной автобусной станции. Всем выдали значки с изображением Фудзиямы, а на значках наклеены разноцветные кружочки.

Мне хотелось с желтым, синим и красненьким кружком, а нам обоим дали только с голубым.

– Я понял, в чем причина, – грустно сказал Лёня. – Что мы без ланча, и без номера в гостинице. – У всех будет ланч, а мы

будем… просто хохотать!..

Сбоку от нас сидели американцы, впереди африканцы, позади итальянцы… Пара индусов – колоритных, муж и жена, наверное, посетили все священные горы на этой планете, осталась одна Фудзи. Немцы, швейцарцы… Такая фешенебельная публика!

– Шикарно путешествуем среди миллионеров, *немного смущенных ценами*, – сказал Лёня, дико озираясь. – Одни мы спокойны, дзэн-буддисты, нам Будда помогает в Японии не сойти с ума.

Экскурсовод – вся в черном, интеллигентная японка, стала рассказывать, что Японию образуют 4000 островов, причем 75 % – горы, а 7 % – рисовые поля.

Как раз мы ехали рисовыми полями, и Лёня стал шумно сочувствовать трудящимся рисовых полей.

– Все-таки я не понимаю, – говорил он, – почему так трудно выращивать рис? Даже в Японии! Можно уже как-нибудь попроще? А то каждый кустик в грязь сажать! Неужели за все эти тысячелетия нельзя было усовершенствовать технологию?

Дорога поднималась в горы. И такой зеленый вид внезапно открылся, размытый, туманный, о боже мой – японские зеленые холмы в облаках под ливневым дождем, лишь две темные фигурки карабкаются вдали по горной тропе.

– А вот и картины японских мастеров, – сказал Лёня. – Слегка наметят верхушки, потом быстренько тушь разбавят водой, размоют очертания, дадут подобие облаков, а внизу нарисуют рощицу несколькими ударами кисти. И это все!

– Хороший денек, – говорил он, выглядывая в окно. – Туманчики! Пожалуй, восьмисотку заряжу… Темновато. А, может, четырехсоточку? Развиднеется?

– Сейчас я буду разгонять тучи, – громогласно предупредил Лёня. – И прекращать дождь. Дождь! – он взмахнул руками. – Прекращайся! Тучи! Разгоняйтесь!!!

На нас начали подозрительно поглядывать. В автобусе уже вовсю народ отхлебывал горячий кофе из термосов, пошли в ход сэндвичи с ветчиной, майонезом и зеленью, шуршали серебряные бумажки от шоколадок. А мы с Лёней берегли свои запасы, терпели, пока нам стало совсем невмоготу. Тут Лёня выхватил из сумки сэндвич, который он незадорого купил рано утром в магазине, откусил, и ему из этого сэндвича на грудь выпали макароны.

Лёня прямо вскрикнул от ужаса.

– Какие-то макароны выпали мне на грудь! – воскликнул он. – И я подумал, что это сэндвич с червяками.

На дороге все чаще и чаще возникали щиты с тревожным

предупредительным знаком.

– Здесь часто бывают землетрясения, – сказала экскурсовод. – Поэтому тут на каждом шагу просят ехать потише!

Уже пошли городки с такими названиями, типа Фудзи-Кокогава, Фудзи-Томогочи, и все в таком духе. Из чего мы сделали вывод, что приближаемся к святая святых – Фудзияме. Представляю, какая царит непосредственно у подножия горы атмосфера поклонения. В одном из этих городков живет мужик, местная достопримечательность, который тысячу двести восемь раз лазил на вершину Фудзи.

Дождь все усиливался, туман сгущался. Экскурсовод, охваченная беспокойством за исход нашего предприятия, пыталась ободрить нас, что мол, Фудзияма вообще редко предстает во всем своем великолепии. Даже в ясную солнечную погоду она порой бывает окутана облаками. Из Токио, например, в течение года Фудзи можно видеть всего двадцать два раза…

Но мы все равно не верили. Как же так? Такая поездка дорогостоящая. Люди черт знает откуда приехали. Несет тут хоть кто-нибудь ответственность за это дело или нет? Ну, в самом деле!!!

Видимо совсем на подступах к горе в густом тумане нас высадили из автобуса. Наши ринулись в стеклянное здание, именуемое «Вид на Фудзи». Там их ждал привал, вожделенный ланч, о котором они мечтали в автобусе. И, предвкушая блаженство, читали вслух меню, мы с Лёней слышали: куриные крылышки в остром соусе, супчики, разные салатики. После чего они собирались разбрестись по уютным комнатам со всеми удобствами и вздремнуть в спокойной обстановке.

А мы вдвоем вместо этого всего направились в краеведческий музей, где узнали много интересного. Например, что вулкан Фудзи возник в одну ночь в 285 году до нашей эры. Когда-то здесь плескалось море. Это доказывают найденные на горе ракушки, роскошный китовый ус, а в окрестностях Фудзи вообще обнаружен цельный скелет кита.

Все тут связано с Фудзи: фильмы, фотографии, слайды, виды в фас и в профиль, снизу, от подножия, с вертолета, чудесная диорама. Мы изучили во всех подробностях, – какой это настоящий, серьезный, до поры до времени дремлющий вулкан с кратером глубиной двести метров и диаметром пятьсот метров.

Само слово «фудзи» принадлежит народу айну и означает «огонь». Около трехсот лет вулкан безмолвствует, последнее извержение происходило в 1707 году. Оно было настолько сильным, что теперешний Токио, хоть он и далек от Фудзи, полностью засыпало пятнадцатисантиметровым слоем пепла.

В магазине продавали мягкие игрушки – плюшевые Фудзи. Голубые и розовые. С белой нахмуренной верхушкой. Леденцы в виде Фудзи. Брелоки для ключей.

Мы с Лёней завернули в какую-то пустынную кафешку. Уселись у огромного стекла – от потолка до пола, нам принесли пиццу «Маргариту».

– Фудзи – вот! Вот!.. – уверял нас официант, показывая за стекло в пустоту.

И мы сидели, вглядываясь в молочную даль, где при какой-нибудь иной погоде открывался бы грандиозный вид на гору Фудзи, о котором я даже и не мечтала.

Теперь она так близко от меня, так близко! Лишь руку протяни!..

– Мы купили путевку на Фудзи: без ланча, без отдыха и без Фудзи! – грустно шутил Лёня.

Дождь лил как из ведра. С тоской мы пытались различить прославленные в веках очертания, но стены дождя скрывали даже деревья, растущие поблизости.

– Ну, и хорошо, что дождь, – сказал вдруг Лёня. – *Хотя бы пыль прибьет*.

В фойе уже стали собираться наши, чтобы ехать дальше.

– Ах, какая жалость! – сокрушался высокий седой мужчина с тростью. – Не видно Фудзи!

На что ему Лёня ответил назидательно:

– Гора Фудзи должна быть у нас в душе. *Внутри. А не снаружи*!

– Откуда такой философ? – спросил этот страшно огорченный человек.

Сам он приехал из Амстердама.

Все наши спутники прикатили в Японию специально, чтобы посмотреть Фудзи. Большинство из них – люди немолодые, видно было, что они мечтали об этом всю жизнь.

Ничего, нас посадили в автобус и повезли на невидимую Фудзи…

Глава 26
Восхождение

Вулканическим озером Хаконэ вдоль лесистых холмов шли мы на корабле сквозь клочья тумана. Навстречу нам чуть ли не из облаков выплывали древние, пиратские что ли, трехмачтовые суда с приспущенными парусами.

В средние века японцы открыто занимались пиратством, совершая опустошительные набеги на китайские берега, а во времена расцвета морского разбоя флибустьеры добирались аж до самого Малайского полуострова и островов Ост-Индии. Но в конце шестнадцатого века пиратская флотилия японцев была сокрушена. Так что эти безлюдные высокогорные корабли казались нам призраками.

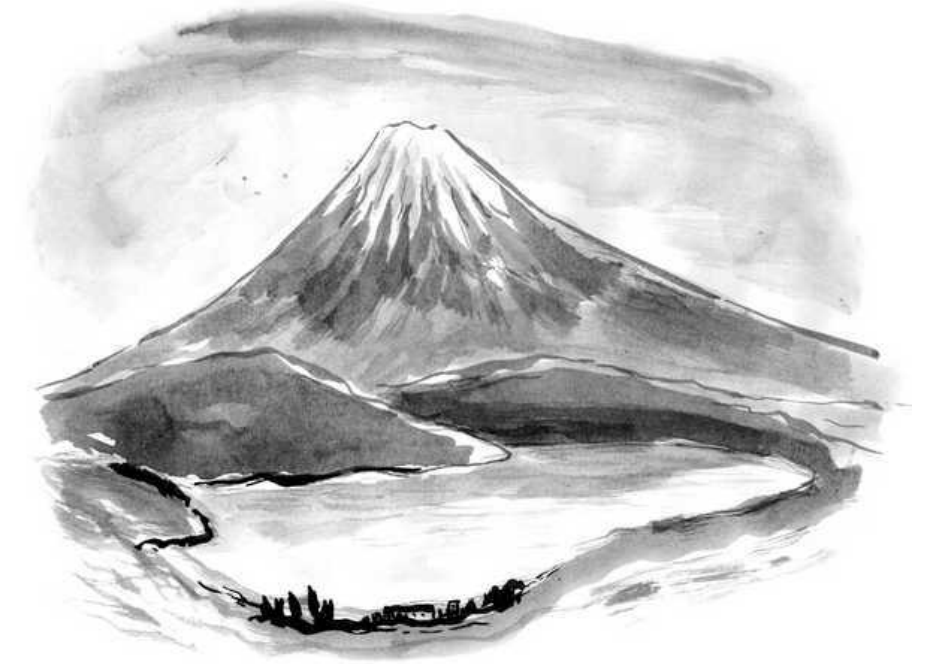
Дождь лил сильнее и сильнее. Горы тонули в облаках. Дымилась водная гладь.

Хаконэ – легендарное озеро, при ясной погоде в нем отражается гора Фудзи. В японском языке даже есть специальное выражение «Кагами Фудзи» – что значит отражение Фудзи в озере Хаконэ. И «Кагэ Фудзи» – гигантская тень горы, которую она отбрасывает на море облаков и тумана при восходе и закате солнца.

Все вокруг источало густой синий свет. Мы шли по синему озеру, синие грозовые тучи плыли над нами, каскады синих вод с грохотом обрушивались на палубу с неба. Мы закутались в синие плащи. Все равно вымокли до нитки.

Ни горячих источников, ни огнедышащих вулканов, которыми славятся берега Хаконэ, было не видать. Не видно было ни зги. Поэтому нас благоразумно завели в очередной краеведческий музей, всецело посвященный извержениям вулканов.

Что нас поразило, музей в самом прямом смысле буквально ходил ходуном. Похоже, в нем было небезопасно находиться. Доминантой экспозиции, как говорят искусствоведы, служила замечательная панорама, она в точности повторяла какое-то всемирно знаменитое извержение в Японии, которое под своим пеплом чуть не погребло половину земного шара.



Подходишь, добровольно нажимаешь кнопку – и становишься свидетелем форменного светопреставления. Ты видишь, как густое плотное облако, японцы считают его похожим на кочан цветной капусты в космическом масштабе, с ужасающим гулом, рокотом и адскими всполохами поднимается над горой, вулканические бомбы взлетают в воздух, камни падают, сыплется пепел…

Гора показана в разрезе, видно, что там у нее внутри раскаленная лава стекает по склонам в долины. Панорама дрожит, под тобой пол трясется, стены колеблются, потолок того гляди обвалится…

Очень натурально показано.

Рядом на большом экране идет фильм – абсолютно документальный: «Извержения в Японии» – 1991 года, 1992-го, число, время – 12.37; 12.54… Все запротоколировано до секунды…

Съёмки ведутся с вертолета – вулканический столб выше облаков – потрясающие кадры! А ты сидишь на вулканической бомбе, весом в несколько тонн, поглаживаешь обгоревшее бревно, и кровь стынет в жилах от зрелища этих вселенских японских катастроф.

Опять нас посадили в автобус, и мы спиралью стали подниматься на Фудзи. Вот тут я впервые увидела из окошка

автобуса цветущие сакуры! Лиловые, сиреневые, розовые… Оказывается, на Фудзи можно застать самое позднее цветение сакур в Японии, ведь наверху гораздо холоднее, и только летом начинается весна.

Сакуры быстро-быстро пролетели, пошли огромные деревья с яркой изумрудной листвой. Вдруг появились наши русские березы, ели, нормальные клены зашелестели толстокожими листьями, как у нас, а не то, что миниатюрные японские кленовые листочки. Когда мы проезжали по этому «среднерусскому» Берендееву лесу, Лёня сказал про нашего соседа итальянца:

– Мне показалось, что он кому-то машет неистово в окно автобуса, увидел в чаще знакомых. А он просто стекло протирал, а то оно вспотело.

Первая станция – 1404 метра.

1590 метров – вторая. Тут есть почта. Можно послать открытку с Фудзи.

Незаметно стволы берез как-то скособочились, помельчали и превратились в карликовые березы, растительность лесотундры плавно перешла в растительность тундры, как если бы мы на минуточку проехали вдоль Сибири на Север. Дух захватывало от того, что у тебя на глазах стремительно сменяют друг друга планетные климатические пояса.

В конце концов, из тумана выплыли и остановились довольно крупные, приземистые, корявые и кривые северные пихты. А между черными их стволами величественно пролегали снежные языки Фудзи, те самые, которые отчетливо видны на той моей, бог знает сколько времени бережно хранимой почтовой марке.

Го-гомэ – пятая станция. А мы приехали на Шин-Го-гомэ – новая пятая станция на южном склоне, «граница неба и земли», откуда начинается карабканье, пешее многочасовое восхождение на вершину.

Мы вышли из автобуса и огляделись. Чудовищный ветер штормовой хлестал в лицо острой ледяной стружкой, хлопья снега и ливневый дождь, три эти разгулявшиеся стихии или поминутно сменяли друг друга, или накатывали разом. Наши попутчики, вмиг вымокшие, продрогшие, бросились в укрытие, но мы с Лёней взяли свои рюкзаки, надели на себя все теплые вещи, какие у нас были, предупредили товарищей, встали на тропинку, на снег, и пошли.

Это был полностью нереальный лес – стволы мокрых и черных пихт до того там закручены ветрами, завязаны узлами, переплетены ветвями и корнями, просто жуть берет. Земли ведь мало наверху, все больше вулканические камни, но камни и земля густо покрыты прошлогодними огненно-красными иглами

лиственниц, новые-то весенние иголки чуть проклюнулись.

На черном склоне высятся алые синтоистские ворота – храм с колоколами, звонящими на штормовом ветру. И то ли туман виноват, то ли зыбкая атмосфера перехода в иные измерения: человек посредине Фудзи, я заметила, начинает нечетко смотреться – слегка двоиться, троиться. Это отразилось и на фотографиях, сделанных Лёней на Фудзияме. Хотя там достаточно сочно все изображено. Как я босая…

Ведь я-то босая! В одних сандалиях. И ничего мы не взяли с собой для меня – вот он апофеоз нашего путешествия! – ни башмаков, ни кроссовок. Так босиком я вышагивала по снегам Фудзиямы, в одно и то же время испытывая ужас и острейшее наслаждение, всей поверхностью стопы ощущая глубинные огненные недра этой мистической, таинственной до невозможности, далекой, как никогда, недосягаемой горы, таящей корень мира.

Перелезая через поваленные бураном, вывороченные с корнями лиственницы и сосны, пробираясь по бурелому и наледям пористых валунов, мы карабкались вверх. А этот шлак – он юзится, ноги на нем скользят, со всех сторон глядят на тебя молчаливые черные камни – явно с богатым прошлым, снег черный от вулканического пепла, в общем, – вулкан, древний такой вулканище, вынырнувший из океана. Кстати, я нашла по дороге древнюю морскую раковину!!!

Чем выше мы поднимались, тем круче забирал ветер, мела метель, метель превратилась в пургу. Кажется, сквозь нас с Лёней уже стремительно проносились облака. Начало темнеть, видимость – ноль, мы шагали почти вслепую… Там можно запросто было оступиться и полететь. А нам так хотелось подняться на Фудзияму…

Но тут мы услышали:

– ВСЕ В АВТОБУС!!!

И поняли, что пройди мы еще метров десять – обратно дороги бы уже не нашли.

Совсем стемнело, когда мы промокшие, замерзшие, возвращались в нашем чудесном теплом автобусе в родной Токио. Муж с женой из Штутгарта нам с Лёней чай налили из термоса. Дали печенья. Глава семейства уютно спрашивал:

– У вас тут бизнес или каникулы?

– И то и другое, – уклончиво ответил Лёня. – Посерединке.

Пятки у меня горели, пальцы ломило, как в детстве, когда я слишком долго в мороз каталась на коньках.

– На Фудзи побывали, – радовался Лёня. – На автобусе туда, на автобусе обратно, потусовались в облаках, съехали вниз.

– Еще одна вершина нам не покорилась! – с гордостью говорил он. – Покоряем базовые станции. Следующая гора, которая нам не покорится, будет Килиманджаро!

– Где мой гематоген??? – кричал он, обеспокоенный.

– Пиши! – говорит. – «Из Москвы мы взяли с собой гематоген, чтобы при восхождении на Фудзи не потерять калории. Вот что значит опыт».

Потом мы заснули мертвецким сном, и я вам не буду рассказывать, что нам приснилось. Скажу одно – это был день великого ликования, когда мы в последний раз услышали голос нашего дорогого Мацуо Басё.

Он сказал:

Увы, Марина и Лёня,
туман был сегодня и дождь.
Но пусть невидима Фудзи,
как радует сердце она!..

Глава 27
Прощальный ужин

В последний день Лёня спохватился, что не выполнил поручения старшего брата Валеры, который велел передать своему знакомому, главному аналитику Первого аналитического отдела Министерства иностранных дел Японии, профессору Токийского университета, специалисту по всем вопросам искусства, науки, магистру богословия и международных отношений Сато Масару-сану увесистую книгу «Политическая антропология», которую Валера сам написал.

А на обложку этой книги поместил рисунок Лёни, там два фехтовальщика сражаются друг с другом, но рапиры они держат не в руке, а в зубах.

Лёня кинулся к телефону, набрал номер, трубку взял достопочтенный Масару-сан. Лёня разволновался, начал ему сбивчиво объяснять по-английски, что он брат Валеры Тишкова, есть еще средний, Женя, он по профессии реаниматолог, очень полезное знакомство, мол, если что, всегда можно обратиться. А Лёня из них самый младший, третий по счету, он тут в Японии проездом, завтра домой, и вот нельзя ли как-нибудь пересечься – вручить Масару-сану передачу из Москвы?

– Так вы – брат Валерия Александровича Тишкова?! – по-русски произнес голос в трубке. – Как он? Как Лариса? И как поживает их кот? Короче, – сказал он, – я приглашаю вас на обед. Ресторан отеля «Отани» на сороковом этаже вас устроит?

– Отель «Отани»? – переспросил Лёня, специально, чтобы услышала Ин Ми.

Даже прекрасная кореянка Ин-Ми сделала «круглые» глаза, когда он произнес: «Отани». Похоже, это был крутой отель и самый дорогой ресторан в Токио!

– Какую кухню вы предпочитаете? – продолжал задавать свои фантастические вопросы Масару-сан. – Японскую или европейскую?

Тут Лёня рассмеялся.

– Что вы смеетесь? – спросил Масару-сан, слегка насторожившись.

Ну, разве объяснишь, вот так, не видя собеседника, по телефону, незнакомому японцу, да еще такому высокопоставленному, что ты смеешься – от радости, от смущения, от удивления, что Масару Сато спросил про кота, от абсолютной нереальности всего, что приключилось за эти две

недели… А кухня, ну, что – кухня? Было бы что-нибудь горяченькое!

Лёня сразу стал очень серьезный, вытянулся во фрунт и сказал:

– Извините. Нам нравится любая кулинария на нашей планете.

Масару-сан попросил записать, куда приходить. И передал также приглашение нашей хозяйке Ин Ми, с которой выразил желание познакомиться.

Ин Ми, мы заметили, тоже не прочь была с ним познакомиться, потому что все дипломаты очень любят знакомиться друг с другом.

Мы давай собираться. Лёня в тех же кроссовках и теплой белой рубахе, я – опять в этих самых сандалиях, не подкачавших на Фудзи. Правда, накинула на плечи шаль, которую мне подарила в Киото Яско Танака, там переходят плавно один в другой все оттенки цветенья весенних сакур.

Но самая роскошная из нас, конечно, Ин Ми. Когда она из Америки приехала работать в Японию, долго не могла привыкнуть совершать покупки в обычных японских магазинах – это был шок от японских цен. Она ничего не покупала, пока не сказала себе: «Спокойно, Ин Ми! Один доллар – это тысяча йен!» Хотя на самом деле, один доллар – сто йен. Саму себя обманула. И сразу стала уверенней держаться.

Зато ненадолго приехав по делам в Париж, Ин Ми хладнокровно покупала *любые* приглянувшиеся платья, духи и костюмы: после магазинов Токио заоблачные цены самых что ни на есть сказочных французских фирм ей показались вполне вменяемыми.

Шел дождь, теперь он надолго тут зарядил, мы подъехали к «Отани» на такси, нас встретили швейцары с начищенными золотыми галунами, начало было хорошее, но дальше все пошло кувырком, потому что мы заблудились и стали метаться по этажам и коридорам, с вытаращенными глазами носиться по красным ковровым дорожкам, чуть ли не по колено утопая в пушистом ворсе, внутренними тоннелями перебегать из башни в башню, везде фонтаны, казино, богатые европейцы сидят – нога на ногу – на диванах, пых-пых, курят трубки, японцы, воротилы финансовые.

Мы уже начали опаздывать, а опаздывать тут себе позволяют только абсолютно пропащие люди, у которых вообще никаких перспектив. Но вдруг двери нашего лифта открылись, и мы увидели Масару-сана, Лёня сразу его узнал, хотя они никогда не встречались. А тот узнал Лёню. Как они вмиг друг друга узнали?

Почему? Он уж забеспокоился, пошел нас искать. А с ним были тоже две девушки, сотрудницы МИДа. Обе прекрасно говорили по-русски. Обеих звали Юкико.

Нас провели в отдельный кабинет и усадили в мягкие кресла за непомерно длинный стол на почтительном расстоянии друг от друга. Масару-сан сел между двумя Юкико, а Лёня расположился прямо напротив него между Ин Ми и мной. Таким образом, даже графически одна сторона повторяла другую, каждый мужчина сверкал, как бриллиант в оправе, окруженный свитой не просто красавиц, (ну, я имею в виду этих шамаханских цариц), но явных

умниц, свободно владеющих множеством иностранных языков.

Принесли меню. Это было меню *без цен*. Видимо, чтобы не смущать гостя дороговизной. Ин Ми заказала устриц, я – меч-рыбу, а Лёня попросил что-то очень скромное, хотя не были указаны цены, он почувствовал: самое здесь недорогое – это супчик томатный и жареный бамбук.

Фактически, мы парили над Токио. Даже я, выросшая на крыше первой в Москве высотки – десятиэтажного дома Нирнзея в Большом Гнездниковском переулке… Даже Лёня со своей мастерской в Чертанове на двадцать пятом этаже с выходом на крышу, эту его студию вся художественная Москва почтительно именует «Поднебесной»… Мы были ошарашены видом ночного Токио из окна сорокового этажа отеля «Отани». Такой открывается, наверное, инопланетянам из иллюминатора летающей тарелки.

Нам принесли красное испанское вино, мне подали умопомрачительную меч-рыбу, Масару Сато искусно соединил японскую и европейскую кухню. Я выпила глоток, отведала кусочек, и словно Одиссей в объятиях Цирцеи, забыла обо всем на свете. В ушах стоял приятный звон, кружилась голова, пол покачивался, как палуба корабля, плывущего сквозь туман по озеру Хаконэ.

Ин Ми потом подтвердила:

– Да, правда, слегка покачивало. Да и по телевизору к вечеру обещали землетрясение. Тут каждый день землетрясение, а эти японцы строят рестораны на сороковом этаже.

А мы сидим в поднебесье, весь Токио в неоновых огнях перед нами, и беседуем обо всем на свете, о русском и японском национальном характере, о поэзии, о путешествиях…

Юкико упрекали нас наперебой:

– Что ж вы нам сразу-то не позвонили? Мы в МИДе организовываем экскурсии по Японии – по самым общепринятым туристическим местам. Да вас бы как ящик с яйцами повсюду бы доставили, и все вам рассказали бы по-русски. Где вас носило две недели – без языка, без надзора?..

Зато когда мы рассказали, какими дорогами мы прошли и что повидали, эти две девушки решили, что разработают «по нашим местам» особый туристический маршрут, настолько он необычный.

Масару-сан – такой у него ум недюжинный, мысль быстрая, острая, образная речь. И до того у него оригинальное мнение по каждому вопросу, причем невзирая на страны и лица.

– Я подозреваю, – говорил Лёня, – что гора Фудзи – это выдумка японцев. Как только кто-то хочет на нее взглянуть – вы

продаете билет и включаете туманообразующую установку.

– Это и впрямь редкое зрелище, – вступался за Фудзи Масару-сан. – Я сто раз ездил по Токайдо и только два раза видел Фудзи, как на картинке. А так – еле-еле…

Мы стали ему рассказывать, что очень беспокоились во время нашего путешествия, куда нам смотреть японцу, чтобы не встретиться взглядом…

– Японцу надо смотреть на галстук! – со всей ответственностью заявил Масару-сан. – У нас, у японцев, это очень важное место. Мы ведь постоянно ходим в темных костюмах. Так что рисунок на галстуке – это наше лицо.

И такой у него серьезный вид – не поймешь, он шутит или что?

– Хотя был такой случай в МИДе – один сотрудник *неправильно* посмотрел на министра. У нас министр – женщина. Она сказала: «Мне не нравится ваш взгляд». И тот лишился работы.

– А что она за человек? Какие у нее международные ориентации? – как дипломат дипломата спрашивала американка Ин Ми у японца Масару Сато.

– Она ненавидит Америку, не любит Россию и очень любит коммунистический Китай.

– Как это может столь недальновидная женщина, – удивлялся уралец Лёня Тишков, – быть министром иностранных дел великодержавной Японии?

– Видите ли, – отвечал Масару-сан, – женщины-политики бывают хорошие. А бывают… – он сделал паузу, – *очень хорошие!*

Вот такой у нас был трехсторонний дипломатический раут – Япония, Америка и Россия – в Токио.

Кстати, мы вскоре прочитали в газетах, что та женщина, о которой шла речь, благополучно оставила пост министра. Видимо, ее сняли за непрогрессивные взгляды.

– Не знаю, – говорила я, уплетая меч-рыбу, – лучше бы предложили министерский портфель Масару-сану.

Редкий государственный деятель, мне кажется, так радеет душою за судьбу родной Японии, японцев, да и вообще всего человечества. С какой он болью рассказывал о том, что с древних времен представители таких профессий, как мясник, актер и палач не считаются тут полноправными членами общества. Или о том, что Япония на мировой арене имеет, конечно, вес, а все-таки не такой, какой хотелось бы.

– У нас до сих пор нет мирного договора с Россией! – воскликнул он в сердцах.

– Как?! – вскричал Лёня. – Немедленно составляйте

официальную бумагу! Я подпишу. Если возникнут какие-то недоразумения, скажете: «*Лёня разрешил*».

Тут привезли десерт, как в «Трех толстяках» Юрия Оле-ши – три торта на колесиках: с взбитыми сливками, клубникой, киви, персиками, орехами и шоколадом.

Наконец, мы вручили Масару-сану книгу «Политическая антропология», из-за чего, собственно, сыр-бор и загорелся, а Масару-сан преподнес уже окончательно бесценный дар – сумки с самым разнообразным зеленым и красным японским чаем, совсем молодые побеги, только что собранные с чайных полей. Такие дары в старые времена делал порою император какому-нибудь выдающемуся наставнику нации.

Лично от себя Лёня подарил им рисунок «Ангел и инопланетянин».

– Вставьте в раму и повесьте у себя в отделе, – сказал Лёня.

– Сделаем, – очень серьезно ответил Сато Масару-сан.

А чтобы не смущать гостя зрелищем расплаты за этот феерический ужин, он вывел нас из ресторана, посадил в лифт, махнул на прощанье рукой и сказал:

– Езжайте, не сворачивая. Можете быть уверены, это единственно верное направление!

Эпилог

О многом, конечно, не удалось рассказать. Что-то было не понято, что-то ускользнуло из виду, а что-то сразу не записал – и тут же забыл, потому что на каждом шагу здесь испытываешь изумление, потрясение, все время диву даешься. Лёня отснял двадцать четыре пленки – и слайды, и фотографии, а между тем, натура только так ускользала от него.

В двух шагах на камне у пруда в глубокой медитации стояла большая серая цапля.

– Ну?! – зашипела я. – Давай! Давай!..

Он:

– Щас! Щас!

А к ней плывет громадная золотая рыба.

Я:

– Ну?!!

Он:

– Да щас! Щас!..

Тут цапля присела, взмахнула крыльями и улетела. А рыба сверкнула на солнце золотым боком да красным спинным плавником и ушла в глубину.

Я:

– ???

Лёня – разъяренно:

– *Ты думаешь просто остановить такое мгновение?!!*

Ладно. Взять хотя бы Олений парк в древнем городе Нара на территории храмов, там повсюду свободно бродят пятнистые олени. А в специальных фургончиках продают оленье рисовое печенье. Мы купили такого печенья.

– Я буду кормить на лужайке оленей, – говорю, – а ты снимай эту идиллическую картину.

Только вышла с печеньем на изумрудную лужайку, стадо оленей, среди которых было немало половозрелых и агрессивных самцов, бросились ко мне со всех ног, вырвали из рук печенье и быстро съели. И потеряли ко мне всякий интерес.

– Ты успел снять хоть что-нибудь? – спрашиваю.

– Нет, – отвечает Лёня. – Все произошло столь стремительно, что ни один самый опытный фотограф не смог бы эту полностью бездуховную сцену представить, как идиллию.

Зато у него очень хорошо получались природа и архитектура. А также табличка в храме Тодайдзи, где возвышается гигантский Будда. На ней так отчетливо виднеется надпись:

«Чтобы почистить Будду, потребуется 240 человекочасов!»

А мне как раз очень хотелось, чтобы Лёня запечатлел образы наших японских современников!

В Токио три оборванца катят по проезжей части дороги повозку, и на каждой из четырех сторон – барельеф с огнедышащим драконом, опять же с красными и золотыми молниями: чистой воды антиквариат.

Я кричу:

– Ну?! Снимай! Давай!

Лёня:

– Щас! Щас!

– Лица! – кричу я ему. – А не спины!

Тоже не успел.

Даже старенькая бабуся в лимонном кимоно среди многолюдной будничной толпы, она плелась со скоростью улитки, и то успела прошмыгнуть, пока Лёня нацеливал объектив.

А двух старух, которые в Уено-парке кормили сотню бродячих кошек, он снял по пояс снизу.

Потом постеснялся запечатлеть толпу мужчин в черных костюмах с одинаковыми дипломатами, закатившихся после работы в харчевню, они пили сакэ и ели палочками соевую лапшу, засасывая ее с тем самым звуком, которому учила нас профессор Яско Танака.

– Не могу я фотографировать с наскоку, – ругался на меня Лёня. – Я должен сосредоточиться.

В конце концов, на залитой огнями центральной улице Гинзе в Токио мы обнаружили спящего могучего лысого старика. Это было такое сильное зрелище! Ни слова не говоря, Лёня достал фотоаппарат. Он понял: пока тот не проснется, у него есть шанс запечатлеть-таки образ искомого японского современника.

Он подошел поближе, навел на старика свой застенчивый объектив, построил кадр, настроил выдержку, фокус… И передумал его снимать. Такой это был мощный старый спящий человек, что называется, *с Судьбой,* – ни один глянцевый журнал, – подумал Лёня, – не осилит эту фотографию. А всю жизнь хранить ее в нашем семейном альбоме он был не готов.

Где-то я слышала, что непревзойденный английский переводчик древней классической японской прозы «Гэндзи-моногатари» Артур Уэйли, сделавший «Гэндзи» достоянием мировой литературы, на приглашение писателя Кавабата Ясунари приехать в Японию ответил, что не приедет, потому что боится разочароваться.

Мы с Лёней сидели в токийском аэропорту и ждали свой самолет. Среди наших попутчиков-европейцев, кроме очевидных чиновников, отчетливо вырисовывались очевидные мечтатели,

приехавшие сюда с единственной целью, иначе зачем? Они хотели узнать – правда ли то, что они читали с детства про эту Страну Восходящего Солнца? Так это все, как в их коричневой книге сказок с корявой вишневой веткой или нет?

И старый дзэнский монах Какуан, о котором говорили: он не утруждает себя совершением чудес, но неожиданно мертвое дерево расцветает, отвечал им уклончиво:

«Каждая мельчайшая частица в любой земле есть “я”, просто негде укрыться. Куда бы ты ни пошел, непременно встретишься с Этим; и если ты увидел Это, ты прозрел. В зарослях сотен трав, у врат суматошного города невозможно перепутать. В словах это невыразимо, поэтому ты не изрекаешь ничего».

Послесловие

А теперь мне пришла пора поблагодарить тех людей, которых сам бог послал, чтобы помочь нам добраться до Японии и увидеть эту страну. А также совсем незнакомых нам с Лёней доселе японцев, кто так радушно принимал нас в Японии, предоставляя и стол, и кров, полностью разрушая распространенное в мире мнение, что японцы – люди, конечно, вежливые, но отнюдь не сердечные.

Особая благодарность нашему другу – редактору журнала «Вояж», талантливому журналисту и отважному путешественнику Стасу Юшкину.

В разные времена, как встречные корабли, на расстоянии вытянутой руки по кильватеру моей судьбы проплывали книги о Японии. С удивлением я обнаружила, что с юности неосознанно притормаживала их в заводи своей библиотеки. Сами собой они выплыли из тумана по первому зову: «Ветка сакуры» нашего первопроходца Всеволода Овчинникова; «Ренессанс в Японии» умнейшего Кеннета Портера Кирквуда, великолепного канадского писателя, дипломата, долгое время служившего представителем Канады в Токио; серебряная глянцевая, богато иллюстрированная, любо-дорого посмотреть, подержать в руках, я уж не говорю почитать – «Художественная культура Японии XVI столетия – эпоха, быт, костюм» Натальи Сергеевны Николаевой, подаренная нам художницей Лией Орловой на ее собственный день рождения в год выхода книги (1986) в издательстве «Искусство»; томик Басё, врученный мне на день рождения поэтом Гришей Кружковым; первые, по-советски еще недоверчивые, строгие очерки о синтоизме Георгия Светлова…

Куда более благожелательно об этом рассказывает безумно увлекательная книга А. Накорчевского «Синто» – где собраны редчайшие материалы о японской мифологии, синтоистских святилищах, сонмищах божеств – ками, о демонах, духах и приведениях, всяких сверхъестественных делах.

Трехтомник стихов «Манъёсю» – солидного издательства «Наука», 1971 год – перевод с японского, вступительная статья и комментарии А. Е. Глускиной.

Какие люди участвовали в создании этих по нынешним временам раритетных книг! Какие люди нам их преподносили! «Манъёсю» достался мне тридцать лет назад от Шарифа Шукурова – сейчас он известный философ, профессор, доктор искусствознания.

– Ну, ты хотя бы *все это* читай, – сказал он мне тогда, от

сердца отрывая и первый, и второй, и третий том.

И я читала время от времени. В Оминэ в горы Мива устремились мы с Лёней именно благодаря «Манъёсю»!

Так ткутся нити судьбы.

Естественно, «Книга самурая», трактаты двух великих самураев, посвященные «Пути воина» – бусидо, и третья часть – «Введение в Хагакурэ» известного японского писателя XX века Юкио Мисима, своей жизнью и смертью воплотившего идеалы бусидо в наши дни.

(Лёня перед поездкой тщательно штудировал эту книжку, тем более, мы посмотрели фильм «Пес-призрак, или Путь самурая». Там главный герой – страшно обаятельный, все время ее почитывал, и руководствовался ею в критические моменты. Лёня оттуда многое почерпнул, но, к счастью, во время нашего путешествия ему не удалось воспользоваться ничем из прочитанного. Как-то не представился случай!)

А дальше пошло-поехало: все книги о медитации, о просветлении, подаренные, купленные, те, что я собрала на книжной полке, висящей над моею головой и грозящей свалиться, если хотя бы еще одна книга, посвященная поискам истины и совершенства, встанет в гордый ряд книг «Искусство быть свободным», «Жизнь дзэнского наставника Хакуина», «Сущность дзэн», «Мудрость дзэн», «Путь к пробуждению», «Золотой век Дзэн» – сборники классических коанов, составленых и замечательно прокомментированных Р. Х. Блайсом…

«Дзэн-секс» – Филипп Тосио Судо, «Три столпа Дзэн» – Роси Филип Капло, «Антология даосской философии», конечно, Лао-цзы «Книга о Пути и Силе», куда же без нее? Все это я внимательно прочла, подчеркнула наиболее важные моменты, и, боюсь, это то немногое, что я смогу завещать своим потомкам.

А за Ниагарой личных накоплений потихоньку стали подтягиваться книги о Японии друзей и соседей: сосед Лёни по мастерской в Чертанове на крыше «Поднебесной» художник Женя Тумаков дал почитать живое, блистательное исследование о буддизме, литературе и театре в средневековой Японии «Карма слов» Уильяма Ла Флёра. И более позднюю, чем та – отчужденная – про синто и милитаризм, лирическую уже, написанную с большой любовью вещь того же Георгия Светлова «Колыбель японской цивилизации».

Женя как чувствовал, что эти книги к нему еще долго не вернутся, поэтому, отдавая, попросил с ними аккуратно обращаться, ничего не подчеркивать и обернуть в газету.

Зато наш сосед по Орехово-Борисову – профессор Олег Витальевич Сорокин, ни слова не говоря, на целый год отдал две,

можно сказать, старинные книги: одна 1974 года – «Японские записки» нашего дипломата в Японии Николая Федоренко, феноменальная песнь *про всю Японию*. И самая первая в России серьезная работа, посвященная японским садам, которые так потрясли меня и Лёню, но это были почти одни эмоции. А информация пришла в тот момент, когда я написала название главы: «ЯПОНСКИЙ САДИК».

В эту минуту кто-то позвонил в дверь. На пороге стоял Олег Витальевич и – хотите верьте, хотите нет, – протягивал мне одноименную толстую книгу Натальи Николаевой, солидного советского издательства «Изобразительное искусство» 1975 года издания – в тряпичном переплете с тиснением.

Таким же образом, описывая наше путешествие по следам средневековых японских поэтов, я в книжном магазине наткнулась на книжку американского ученого, профессора Колумбийского университета Дональда Кина, который свершил диковинный труд – прочел и осмыслил японские дневники, создаваемые на протяжении тысячи лет! Там были дневники Басё, его спутника Сора, поэта Сайгё и старика Соги…

Так родилась его книга «Странники в веках» – Дональд Кин включил в нее восемьдесят эссе о лучших образцах дневникового жанра.

Могу себе представить, как сложно было работать над такой причудливой рукописью ее редактору и отчасти переводчику – Ирине Львовой, большому знатоку Японии, ее обычаев и традиций, переводчику классической и современной японской прозы. В 1998 году от имени Его величества императора Ирине Львовне был вручен орден Благородного сокровища. Причем эту книжку, мне сказал продавец, как раз перед моим приходом кто-то принес и сдал.

Чудеса меня постоянно сопровождали и в путешествии по Японии, и в работе над «Изголовьем из травы».

Вдруг в Санкт-Петербурге в издательстве «Гиперион» выходит неизвестная проза Мацуо Басё. Путевые дневники, проза-*хайбун,* беседы с учениками и рассуждения об искусстве стихосложения – в переводе с японского Т. Соколовой-Делюсиной, с ее потрясающим предисловием, интереснейшими комментариями, да еще в оформлении книги использованы фрагменты рисунков самого Мацуо Басё!

Моя ученица Юля Говорова, понятия не имея, что я собираюсь в Японию, за день до отъезда – буквально ни с того ни с сего, приносит и дарит сборник японских трехстиший «Бабочки полет» – хокку позднего средневековья от Басё до Кобаяси Исса в чудном переводе Веры Марковой.

Я уж не говорю, что книжка с избранными переводами стихов Исса, выполненными такими мастерами, как Н. Фельдман, В. Маркова, Т. Соколова-Делюсина и удостоенный высоких японских наград за свои переводы Александр Долин, стихи Кобаяси Исса – это вообще моя настольная книга!

Но что меня по-крупному поддержало, помогло сохранить самообладание и, можно сказать, спасло, как профана в японоведении, – это по чистой случайности купленная в «буке» брошюра «Японские реалии» А. П. Кавко, преподавателя кафедры японской филологии и истории Восточного факультета Дальневосточного государственного университета, выпущенная во Владивостоке в 1973 году.

Этот человек двадцать пять раз был в Японии и с такими подробностями, детальным знанием и созерцательной любовью рассказал о каждой мелочи и особенности в жизни японца! Все осветил: быт, нравы, обычаи, государственное устройство, историю, культуру, предметы обихода… И так он это коротко, ёмко, поэтично, с юмором – захватывающе поведал! Возвышенный ликбез – и какая обширная библиография в конце тоненькой книжки.

Низко кланяюсь Вам, сенсэй А. П. Кавко!..

Такие корабли подошли к моему рабочему столу, образовав мощную флотилию, и я благодарю их удивительных авторов за то прекрасное время, которое я провела, читая их труды.

Отдельное спасибо – ками писательского промысла, легкому и счастливому божеству, которое целый год чем только было возможно, помогало мне в написании этой вещи.

P. S: А глупую легковесную книжонку «Эти странные японцы», первую попавшуюся мне в «Библиоглобусе» на Мясницкой, – мы потом смеялись над ней с японцами, я просто выбросила.

Москва, 2001–2002 г.